

АНДРЕЙ КУРКОВ

ШЕНГЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Андрей Курков

Шенгенская история

«Фолио»

2016

ББК 84(УКР)

Курков А. Ю.

Шенгенская история / А. Ю. Курков — «Фолио», 2016

ISBN 978-966-03-7634-2

21 декабря 2007 года в полночь Литва присоединилась к Шенгенскому пространству. В эту ночь три молодые пары, подружившиеся на рок-фестивале, собрались на хуторе Пиенагалис, чтобы отметить «Шенгенскую ночь» и поделиться друг с другом планами на будущее. Ингрида и Клаудиус говорили о своем переезде в Лондон, Андрюс и Барбора собирались в Париж, а Рената и Витас — в Италию. Они не знали и даже предположить не могли, чем им придется там заниматься. Они доверяли Европе и были уверены, что она их не подведет. Они были молодыми и самоуверенными. И пока они сидели за столом и ожидали «шенгенскую полночь», далеко от Пиенагалиса к шлагбауму, перекрывавшему дорогу на литовско-польской границе, подошел старик с деревянной ногой, знавший Европу как свои пять пальцев. Он дождался полуночи и, как только пограничники подняли навсегда полосатый шлагбаум, стал первым литовцем, перешедшим границу без предъявления паспорта. Перед ним тоже лежала дальняя дорога, а в тайнике его деревянной ноги отправились в путешествие вместе со своим владельцем шесть его паспортов. И все на одно имя — Кукутис...

ББК 84(УКР)

ISBN 978-966-03-7634-2

© Курков А. Ю., 2016

© Фолио, 2016

Содержание

Шенгенская история	6
Глава 1. Шештокай. 20 декабря 2007 года	7
Глава 2. Хутор Пиенагалис. Возле Аникщяя	10
Глава 3. Шештокай	14
Глава 4. Вильнюс	15
Глава 5. Лондон	17
Глава 6. Дорога на Августов. Подляское воеводство	20
Глава 7. Париж	22
Глава 8. Аникщяй	24
Глава 9. Лондон	29
Глава 10. Париж	32
Глава 11. Пиенагалис. Возле Аникщяя	35
Глава 12. Дорога на Ломжу. Подляское воеводство	39
Глава 13. Лондон	44
Глава 14. Париж	47
Глава 15. Аникщяй	49
Глава 16. Лондон	54
Глава 17. Бжежница. Мазовецкое воеводство	57
Глава 18. Париж	63
Глава 19. Лондон	66
Глава 20. Пиенагалис. Возле Аникщяя	68
Глава 21. Париж	72
Глава 22. Где-то между Згожельцем и Гёрлицем	77
Глава 23. Лондон	79
Глава 24. Аникщяй	81
Глава 25. Париж	83
Глава 26. Лондон	87
Глава 27. Земля Заксен	93
Глава 28. Аникщяй	95
Глава 29. Париж	98
Глава 30. Сейнт Джорджем Хиллз. Графство Суррей	103
Глава 31. Пиенагалис. Возле Аникщяя	105
Глава 32. Земля Заксен	109
Глава 33. Сейнт Джорджем Хиллз. Графство Суррей	111
Глава 34. Париж	115
Глава 35. Пиенагалис. Возле Аникщяя	120
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Андрей Юрьевич Курков

Шенгенская история

Литовский роман

© А. Ю. Курков, 2016

© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2016

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь и содействие при написании этого романа:

Гражине Мартинайтене, Альгирдасу Кумже, Томе Кумжене,
Аудрюсу Сяурусявичусу, Пятрасу Вайтекунасу, Руте Маликенайте, Виргиниюсу Троле,
Йонасу Басалькосу, Лаурасу Лучюнасу,
Владасу Лучюнасу, Сигуте Лучюнене, Ромуалдасу Баура, Игорю Майстренко, Рамунасу
Вишняускасу,

Франсуа Деверу, Николь из Лилля, Колетт Дебле, Марку Саньолу, Мишелю Сигалла,

Светлане Азаровой, Сташеку Новаку, Марюсу Януконису, Ингриде, Асте, Элизабет
Шарп, Римантасу, Кястутису Масальскису,
Андрюсу,

добрым жителям английского графства Кент, особенно Майку и Джаки Шарп,

Эрику Ле Бруну, Людовику Пасковяку, Шарлю Делькуру.

Шенгенская история Литовский роман

Памяти Марцелиюса Мартинайтиса, великого литовского поэта

Глава 1. Шештокай. 20 декабря 2007 года

Земля не слепая, она свои глаза даже на ночь не закрывает. Смотрит огромными зрачками – океанами, морями и озерами – в темноту, в небо! Все видит и все отражает. И только никто не знает точно: сохраняет ли она увиденное в памяти. И если сохраняет, то как? И где ее память спрятана? Может, из-за вот таких безответных вопросов человек часто считает себя глазами земли и пытается сохранить увиденное, пересказать его, записать и спрятать в архивы. И так человек пытается писать историю земли, хотя на самом деле пишет всего лишь историю, увиденную своими собственными глазами.

Человек привык доверять своим глазам, своим ушам, своей памяти.

Но одно дело человеческий взгляд, а другое – взгляд земли, бездонный и бесконечный. В нем легко утонуть и мыслями, и телом. В нем – в этих океанах, морях, и озерах – уже утонули миллионы людей. И тех, кто пытался писать историю земли, на самом деле записывая лишь свою собственную историю, и тех, кто не пытался.

Есть одно большое различие между взглядом земли и взглядом человека. Земля всегда смотрит вверх, в небо, а человек – вокруг себя, иногда вдаль, иногда в небо, когда чувствует на себе чей-то взгляд, падающий оттуда. Земля смотрит в небо всегда. Земле безразлично все, кроме того, что сверху, над ней. А над ней всегда оно – то синее, то черное, то серое. А еще иногда солнце, иногда облака, иногда мигающий огонек авиалайнера или сверкающая, движущаяся среди звезд точка посланного людьми, сделанного ими из блестящего металла космического шпиона с обобщающим названием «Спутник». Эти «спутники» – единственная попытка человечества развернуть свой взгляд вниз, на землю. Наверное, первые ученые мечтали, чтобы взгляд земли и «взгляд» спутника когда-нибудь встретились. И чтобы спутник сфотографировал реакцию земли на эту шутку умных людей. Первые ученые уже умерли. А следующие забыли или не знали о замысле первых. Следующие пытались с помощью спутников разглядеть все тропинки в лесах и все корабли, особенно военные, на морях. И не было для них более серьезного препятствия в своем разглядывании земли, чем тяжелые, груженные снегом облака, спешащие укрыть землю белоснежной шубой, чтобы могла она перезимовать в тепле.

Вот и в этот раз спутнику, пролетавшему над Восточной Литвой, ничего не удалось рассмотреть. Он даже не заметил, как красиво на землю, уже месяц, как покрытую снегом, падает новый снег.

20 декабря 2007 года, около полуночи, тучи, освободившись от снега, очистили небо над лесом возле городка Аникшчяй. Улетели на «дозаправку». И лес, отягощенный новым снегом на лапах елок и кронах сосен, перестал шуметь, затих и прислушался. Над заснеженными кронами высоких стройных сосен на единственном в этом лесу холме мигал красный огонек маяка. Таким же красным миганием сверху, из-под надутого декабрьского неба, ему отвечал летящий самолет. Чужой самолет, который не с этой земли взлетел и не на эту землю опустится.

Земля, питавшая корни этого леса, была не настолько мала, чтобы не нашлось места для взлетной полосы. Но и не настолько велика, чтобы загрузить собственными жителями свои же самолеты. Нельзя же обязать каждого литовца раз в месяц покупать себе авиабилеты и куда-нибудь улетать. Нельзя и опасно. Да и зачем, если есть море, речки, озера, если есть лодки и корабли? И даже высокий маяк с красным огоньком посреди Аникшчяйского леса и в трехстах километрах от морского побережья! Есть и железная дорога, и даже узкоколейка есть, по которой из Аникшчя до Паневежиса можно доехать. Есть все, чтобы чувствовать себя свободным и из-за этого чувства отказаться от спешки. Свободные люди никуда не спешат. Поэтому и опоздать не могут. Не спешат и чаще смотрят себе под ноги. А значит, и спотыкаются реже.

20-го декабря 2007 года без четверти полночь к шлагбауму возле села Шештокай, что затерялось где-то между Кальварией и Лаждияем на самом краю литовской земли, далеко от Аникшчяйского леса, неспешно подошел старик. Подошел уверенной, но по особому шаткой

походкой. Подошел и остановился шагах в пяти, прямо на дороге, которую этот шлагбаум своей полосатой стрелой перегораживал.

В домике, покрашенном в зеленый цвет, что стоял слева, горело два окна. Домашний, слегка приглушенный свет падал из них на заснеженную дорогу. И даже полосатый шлагбаум поблескивал, ловя на себе рикошет этого оконного света, ударявшегося сначала о снег, а затем разбрасывавшего свои желтые брызги по ближайшим к окнам окрестностям.

Дверь скрипнула. Вышел на деревянный порог пограничник без шинели. Задрал голову вверх, посмотрел на лампочку, висевшую под козырьком. Потянулся к ней двумя руками. «Видать, замерзла!» – подумал. И, схватившись левой рукой за патрон, а правой – за лампочку, покрутил ее туда-сюда. И вспыхнула лампочка, разбуженная руками пограничника. А тот, явно собою довольный, улыбнулся, вдохнул морозный воздух и выдохнул его паром. С полминуты он старательно делал вид, что не замечает старика, которого внезапный свет загоревшейся лампочки заставил прижмуриться и оглянуться. Но потом пограничнику стало неудобно и он обратил на постороннего свой взгляд и кивнул. Старик, наблюдавший за пограничником, кивнул в ответ и, достав из кармана короткого серого пальто с поднятым воротником старомодные карманные часы, открыл крышку циферблата. Без восьми полночь.

– Может, зайдете? – спросил вежливо пограничник.

– Может, и зайду, – ответил старик, но с места не сдвинулся.

– Да заходите же, – повторил свое приглашение служивый. – У нас и чаек есть, и кое-что покрепче!

– Что же это? – удивился вслух старик. – Вы всех подряд готовы к себе приглашать? Да и разве разрешено пить на границе?

– Сегодня можно, – вздохнул пограничник. – Сегодня такой день, что можно.

Он открыл дверь, зашел в домик и оглянулся. Старик поднялся по трем ступенькам, аккуратно занося над каждой не сгибавшуюся в колене правую ногу, заканчивавшуюся не тяжелым ботинком, как левая, а резиновым каблуком, прибитым к деревянной лодыжке.

В большой комнате пограничной заставы пахло корицей и гвоздикой. На маленькой электроплитке пускал из носика пар синий эмалированный чайник. На подоконнике между двух вазонов со старыми алоэ стояла приземистая, не выше этих вазонов, бутылка «Жальгириса». Рядом – маленькие стопки. А на стене над письменным столом висел портрет президента Адам-куса.

Старик перевел взгляд с президента на трех пограничников. Покачал головой.

– Кто ж так границу охраняет? – в недоумении спросил он.

– Мы закрываемся, – грустным, бесцветным голосом пояснил незнакомый офицер и развел руками, показывая, что больше он ничего сделать не может.

– Границу закрываете? – переспросил старик.

– Наоборот. Открываем. А пограничный пункт закрываем, – сказал второй пограничник.

– И куда вас переводят?

– Кого куда, – вздохнул третий. – А я, наверное, уеду за нее, за границу, – он бросил не очень-то радостный взгляд в окно.

– Да, наверное, есть такие страны, в которых не хватает пограничников, – задумчиво произнес старик после недолгой паузы. – Но эти страны или большие, или большие... Или и то и другое!

Глава 2. Хутор Пиенагалис. Возле Аникщяя

Дед Йонас, зайдя в дом с двумя ведрами, полными чистого бархатного снега, остановился на резиновом коврикe.

Свет коридорной лампочки отражался в лужицах, расплзшихся вокруг выставленных под стеной в свободном полупорядке ботинок и сапожек. Из пары мужских коричневых ботинок торчали все еще скрученные судорогой мороза шнурки.

Старый Йонас опустил ведра перед собой. Поднял веник, лежавший тут же, у двери, обмел им снежок со своих сапог и сразу переобулся в серые фетровые тапочки большего, чем надо, размера. В них можно было скользить по полу, не поднимая ног. И дед Йонас, подхватив ведра со снегом, «проскользнул» по коридору до первой двери по левой стороне, деревянной и многожды крашенной разными цветами, из-за чего у всех гостей этого уютного хуторского домика возникало впечатление, что такие двери могут вести только в другой, параллельный мир. Если присмотреться к ним, то сколы краски в разных местах выдавали их красное, белое и даже синее прошлое. Хотя последний раз дед закрасил их благородной зеленой краской, не яркой, матовой. Все остальное в коридоре было «обновленным» по требованию внучки Ренаты, жившей на собственной половине дома, за совершенно обычной, но тоже добротной, не покрашенной деревянной дверью по правую сторону коридора. За ее дверью звенел смех, слышались молодые голоса.

Дед Йонас, вернулся в коридор со шваброй. Вытер пол вокруг. Усмехнулся, сообразив по обуви, что за овальным столом в гостиной у Ренаты собралось в этот вечер шестеро, включая ее саму. Собрались три пары. А значит, будут мечтать. Что они там празднуют?! До Нового года еще десять дней! Могли бы и подождать.

* * *

– Нам нужна шляпа! Пойди попроси у деда! – Витас уставился озорным и одновременно требовательным взглядом на Ренату.

– Он шляп не носит! Ну ладно!

Рената постучала в зеленые двери.

– Деда, можно? – крикнула и потянула за ручку.

Заглянула. Дед Йонас сидел в кресле под окном. Над головой у него светила лампочка торшера. На носу были очки в костяной оправе странного, почти янтарного цвета. В руках – книга.

– Можно у тебя кастрюлю взять?

– Бери! А что варить будешь?

– Будущее, – отшутилась Рената и прошла в его кухню, в которой сковородки, кастрюли и прочие емкости и приспособления для приготовления пищи висели рядами до самого потолка, зацепленные за длинные и загнутые вверх гвозди, вбитые в бревна стены. Они словно украшали небольшое и чуть приземистое оконце, которое совершенно не было похоже на другие окна в их доме.

Это оконце чуть-чуть смахивало на средневековую бойницу, словно тот, кто задумал этот дом, считал кухню последним бастионом. Или же размер окна говорил о нежелании хозяина, чтобы его могли со двора наблюдать за трапезой?

Рената сняла с гвоздя большую кастрюлю и унесла к себе.

Дед Йонас отложил книжку на широкий подлокотник кресла, поднялся и тоже заглянул в свою кухню, где под окошком на деревянном полу в двух ведрах таял снег.

Старик смотрел на этот уже потемневший от домашнего тепла снег, готовящийся стать водой, которая потом превратится в чай. Смотрел и пытался «прочитать» вкус завтрака на своем языке. А язык «молчал», как настоящий, верный присяге солдат вражеской армии, взятый в плен. Он не выдавал ни единого намека на вкус. Он, язык, и так был негодным и относительно вкуса еды «подслеповатым». Конечно, это из-за старости. Ничего от языка не добившись, Йонас подошел к умывальнику и все понял: он сегодня не завтракал! Ведь если б завтракал, то обязательно помыл бы за собой тарелку и теперь она сушилась бы на железной решетке как раз на уровне его глаз. А даже если бы и не помыл, то лежала бы она, тарелка, в раковине умывальника!

– Странно, а голода нет! – прошептал старик.

Он оглянулся на холодильник, перевел взгляд на корзинку с картошкой, стоящую под крепким дубовым столом. Взгляд сам перескочил на венский стул, хрупкий, тонкий, но уже лет семьдесят, а то и больше живущий в их доме. Откуда он взялся?

Йонас присел на него, уперся локтями в столешницу.

И вспомнил, как на этом стуле сидел осенью сорокового года прошлого века советский офицер и выписывал ему, Йонасу, тогда еще подростку, какую-то бумагу, по которой его должны были сразу забрать в Красную армию. А потом этот офицер выпрашивал долго дорогу до Биржая. И Йонас, с трудом понимавший по-русски, рисовал ему план тропинки через лес к большаку, который должен был бы вывести этого офицера к другой дороге, ведущей именно туда, куда тому было надо. А потом стул пропал. Мать затащила его на чердак, чтобы никто из чужих больше не садился за их старый стол. Сами они, когда садились есть, приносили сюда две доски и клали их на табуретки по обе стороны стола. Вспомнил Йонас, как потом еще пару раз приходили к ним советские, но долго не задерживались. «Что это у вас за беднота такая! Даже сесть негде! – сказал однажды один из них удивленно. – А дом большой! Наверное, в нем раньше барин жил!»

«Да, жил барин, да мы его прогнали!» – ответил тому офицеру отец Йонаса Витас. «Правильно сделали!» – одобрил офицер и ушел, так и не объяснив цель своего прихода. А когда ушел он, отец Йонаса Витас усмехнулся. Ведь дом-то его отец построил. Узнай об этом офицер, может, и прогнал бы он Витаса вместе с женой и сыном из дома куда-нибудь в Сибирь. Но этого не случилось.

* * *

– Ну что, кастрюлю к бою! – с улыбкой на веснушчатом лице заявил рыжий Андрюс и, обведя всех заговорщицким взглядом, протянул руку и схватил за горлышко бутылку бальзама «Три девятки». – Проверим свою удачу?

Рюмки наполнились напитком янтарного цвета.

Рената раздала ручки и листочки бумаги, вырванные из карманного блокнотика. Каждый написал что-то на своем листике, свернул его и бросил в кастрюлю.

– Вот теперь можно! – Андрюс аккуратно взялся за ножку своей рюмки. – За удачу!

Собравшиеся за столом «коснулись» друг друга взглядами и пригубили вязкий, крепкий бальзам.

– Я первая! – заявила Ингрида и тут же вытащила из кастрюли свернутую бумажку. Опустила ее возле себя на стол, не разворачивая.

Потом уже вытащили по фанту и Клаудиус, и Витас с Ренатой, и Андрюс, и Барбора.

В гостиной внезапно стало тихо. Только часы на стенке – шуточные, подаренные Ренате друзьями шесть лет назад на совершеннолетие, в которых стрелки двигались на пустом циферблате, а цифры, словно сорвавшиеся со своих мест, «лежали» внизу скопом друг на друге, – только эти часы своим тиканием не давали тишине возможности стать абсолютной. Но и гости,

хоть и затаили дыхание, но долго так усидеть не могли, и поэтому мгновение комнатного затишья было кратким, но оно успело придать моменту волнительной торжественности.

Бумажки зашуршали. Кто-то облегченно вздохнул. Кажется, Андрюс.

– Класс! – восторженно прошептала Барбора.

Рената обернулась к сидевшему рядом Витасу и, усмехаясь, покачала игриво головой.

– Это, – она показала пальцем на свой развернутый фант, – твой город! А мой – у тебя!

Отдай!

Остальные со смешливым удивлением в глазах смотрели, как Рената и Витас обменялись фантами.

– А вы что, разные написали? – Барбора подалась вперед, пытаясь рассмотреть, что же там было написано на их фантах.

– Разные, но они рядом! – ответила Рената. – Неважно! Важно, что удача нам улыбнулась! Я даже не верила!

– Это же не мгновенная лотерея! – махнул рукой рыжий Андрюс. – Ну и если бы даже я вытащил чужую мечту?! Мне она не нужна! Мне нужна своя! Я бы ее вернул. В обмен на мою, конечно!

– На нашу! – поправила его Барбора. – А вам, – она посмотрела на Ренату и Витаса, – наверное, еще рано ехать! Рената хочет в Венецию, а он – в Рим! Вы еще не «синхронизировались», как мы, – она оглянулась на Андрюса.

Барбора взяла его фант, потом свой, подняла их так, чтобы всем было видно. На обоих разными почерками было написано одно и то же слово «Париж».

– Увидеть Париж и умереть! – пропела игриво Ингрида.

– Умирать не обязательно, – Барбора бросила на нее самоуверенный, немножко высокомерный взгляд. – А вот приехать, увидеть и победить – это да! И климат там, кстати, намного лучше, чем в вашей любимой Англии!

– А мы не в Англию, – миролюбиво ответил за свою подругу Клаудиус. – Мы в Лондон! А в Лондоне погода зависит от того, сколько у тебя на банковском счете денег!

– Ой, думаю, что наш гусь уже готов! – воскликнула Рената, действительно вовремя вспомнив об оставленном в духовке гусе. – Я сейчас!

Она вышла в кухню. Открыла дверцу духового шкафа из чуть потемневшего огнеупорного стекла, заглянула внутрь. Теплая, вкусная, ароматная волна остановила ее мысли. И уже не думала Рената о Барборе, так любящей вступать в споры по пустякам. Не думала и о своих с Витасом спорах о цели и смысле их воображаемого путешествия. Да ведь и не важен город, в который ты хочешь попасть! Важно понимать, что само путешествие – это и есть жизнь. Да ведь и путешествие не заканчивается, когда ты попадаешь в город своей мечты и становишься его счастливым жителем!

Рената натянула толстые кухонные рукавички, вытащила из духовки противень с гусятницей, опустила его на плиту. Гусь был без сомнения готов! На дне духовки стоял закрытый чугунный котелок с ведераями.

– Надо бы твоего деда к нам позвать! – предложил Андрюс, глядя на аппетитную запеченную птицу.

– Конечно, – закивала Рената, – обязательно!

Рюмки снова наполнились бальзамом, и стало их теперь на одну больше – для деда Йонаса.

В воздух комнаты, уже заполненный ароматом запеченного гуся, влился новый теплый тминный аромат – ведераев. И взгляды друзей сразу уставились на только что появившийся на столе чугунок с картофельными колбасками.

Дед Йонас, зайдя, сразу уселся на свободное место. Вытащил свои очки из кармана домашнего, мешковатого пиджака. Водрузил на нос и наклонился вперед, решив более тщательно рассмотреть главное блюдо ужина.

– У кого-то день рождения? – он обвел друзей внучки взглядом.

– Нет, деда, – Рената усмехнулась. – Если б ты смотрел телевизор, ты бы...

– Я бы стал дураком! – перебил внучку дед Йонас. – А так как мне уже поздно становиться дураком, то лучше уж я продолжу книжки читать!

– Сегодня в полночь Литва накроется Шенгеном! – дружелюбно произнес Клаудиус, уставившись деду прямо в глаза, увеличенные линзами его очков в костяной оправе.

– Чем? – переспросил задумчиво Йонас, бросив взгляд на потолок комнаты.

– Безграничное пространство общей Европы, – пояснил Клаудиус. И тут же себя поправил: – Точнее бесограничное.

– А-а. А я здесь спрячусь, – спокойно произнес дед Йонас. – Меня не накроет. Вы как хотите...

– Но отметить же это надо! – Витас поднял свою рюмку.

Гусь оказался намного актуальнее Шенгенского пространства. Его нежный вкус вызвал у собравшихся куда больше слов, общепонятных и положительных. Дед Йонас за столом решил не задерживаться. Съел кусок гусяного мяса, нахвалил внучку за роскошный ужин, попрощался и ушел к себе, забыв под салфеткой очки.

Ровно в полночь друзья выпили еще по рюмке – за начало новой эры.

А еще через десять минут в гостиную заглянул дед Йонас, уже в теплой фланелевой пижаме синего цвета.

– Я тут очки забыл, – сказал он, – а без них я не засыпаю...

– А вы что, в очках спите? – рассмеялся рыжий Андрюс, уже немного охмелевший.

– Конечно, – Йонас нашел свою пропажу и опустил в карман пижамы. – У меня зрение слабое. Без очков даже сон хорошо посмотреть не могу – расплывается. А в очках – все видно, малейшие детали! И слышно, кстати, намного лучше, когда они на носу!

– Ну, он у тебя и странный, – прошептал Андрюс, когда дверь за старым Йонасом закрылась.

Рената пожала плечами.

– Старость украшает человека причудами, – выдохнула она легко и улыбнулась собственным словам.

– Старость украшает человека причудами? – повторила Барбора. – Ха! Интересно! А если просто взять и остаться красивой и в старости? Тогда и причуды никакие не нужны!

– Стараться остаться красивой в старости – это тоже причуда! – присоединился к разговору Клаудиус.

Барбора захотела было по привычке вступить с ним в спор, но тут Витас стал убирать со стола грязные тарелки. Рената взялась ему помогать. Ингрида вскочила, взяла в руки блюдо с остатками запеченного гуся. Барбора только бросила на Клаудиуса колкий взгляд и стала собирать вилки и ножи.

«Ну почему Ингриде так не повезло?» – подумала она ехидно, заноса вилки и ножи на кухню.

Глава 3. Шештокай

Без двух минут полночь на рабочем столе под портретом президента Адамкуса зазвонил телефон.

Старший по званию офицер пограничной службы снял трубку, представился. Выслушал собеседника, видимо, еще более старшего по званию, стоя и уважительно, а потом как-то совершенно спокойно и расслаблено вздохнул и произнес «Gerai!»¹.

– Приказано поднять шлагбаум, – грустно вымолвил он и бросил задумчивый и немного скептический взгляд на фотографического Адамкуса.

И старик, и двое других пограничников тоже перевели взгляды на портрет президента.

А старший по званию уже смотрел на монитор компьютера, где шесть квадратов выдавали изображение с камер наблюдения. Черно-белая метель делала все квадраты одинаковыми. Только на одном из них изредка прорывалась лучше освещенная картинка с пограничным шлагбаумом.

Офицер, прикипев взглядом именно к этой картинке, потянулся рукой к установке дистанционного управления и нажал большую, размером с крышечку от пивной бутылки, зеленую кнопку. Однако на картинке ничего не произошло. Еще раз нажал. Чертыхнулся.

– Пошли поднимать! – скомандовал он остальным, встав из-за стола.

Густой снег нового дня, валивший с неба, немного отпрянул от раскрывшейся двери.

– Ого как метет! – вырвалось у одного из вышедших на порог.

Скрипнули ступеньки под ногами. Трое пограничников и старик приблизились к шлагбауму. Старший по званию наклонился к шлагбаумной тумбе, открыл дверцу механического блока. Разблокировав механизм, позвал коллег, и они втроем вручную подняли длинную полосу стрелу.

– Спасибо! – сказал им старик и зашагал по более не перекрытой шлагбаумом дороге.

– У вас хоть паспорт есть? – окликнул его один из пограничников.

– Есть, – оглянулся тот на ходу, – конечно есть!

– А зовут вас как?

– Кукутис! – ответил старик.

– Это имя или фамилия?

– И то и другое! – крикнул Кукутис и перешел границу видимости. Увеличивающееся с каждым его шагом пространство от шлагбаума и дальше метель заполняла живым снегом.

Пограничники торопливо вернулись в служебный домик, лишенный будущего.

– Запиши, – скомандовал старший пограничник своему коллеге. – Первым без предъявления документов границу перешел Кукутис Кукутис! И как ему только живется с таким именем?!

Коллега, усмехнувшись, кивнул, и взгляд его быстро нашел лежавшую на подоконнике ручку.

– Паспорт! – насмешливо шептал сам себе старик Кукутис, лихо занося вперед при каждом втором шаге свою не сгибающуюся правую ногу. – У меня их шесть штук, этих паспортов! И все они мои!!!

¹ Хорошо! (лит.)

Глава 4. Вильнюс

Кафе на Немецкой явно скучало по посетителям. Только Барбора и парочка пожилых туристов, усевшихся за столик у окна, чтобы пить кофе и смотреть на неспешную зимнюю вильнюсскую жизнь. И больше никого!

Барбора с интересом наблюдала за дамой, с румяного лица которой возраст уже давно стер молодость. Ее синяя дубленка и «дутая» черная куртка ее спутника, мужчины с моложавой спортивной фигурой и уставшими глазами, висели рядом на одноногой деревянной вешалке. Дама пила кофе, держа чашку в перчатках, в синих кожаных перчатках, явно купленных под цвет дубленки. Эту чашечку она держала, как пиалку, в ладонях, сложенных лодочкой, на весу перед лицом. Словно для того, чтобы наслаждаться ароматом кофе.

А по Немецкой улице проезжали машины, проходили люди.

– Извини, Барби, опоздал! – Мужчина лет сорока повесил на спинку соседнего стула кожаную куртку и сам опустился рядом. – Я привык, что ты опаздываешь! Думал, все равно приду первым!..

– Уже не придешь, Борис, – обернулась к нему Барбора, отвлекшись от дамы в синих перчатках и ее спутника.

– А что, ты решила стать пунктуальной?

Барбора не ответила.

– Коньячку для согрева? – спросил Борис.

Девушка отрицательно мотнула головой.

– Ты чего? – удивился мужчина. – Решила изменить своим привычкам?

Барбора кивнула.

– Да. И не только привычкам.

– А чему еще? – игриво поинтересовался Борис.

– Всему. И тебе тоже.

Выражение лица Бориса изменилось. Взгляд стал холодным.

– Может, объяснишь? – негромко, но настойчиво потребовал он.

– А что тут объяснять?! – Барбора заглянула в его серые глаза. – Это ты не меняешься! Все такой же! Семья – работа – фитнес-клуб и молодая любовница. Но кто-то же должен меняться, чтобы жизнь шла правильно и интересно. Вот я и решила измениться. И жизнь свою изменить. Надеюсь, к лучшему! Кстати, я решила замуж выйти.

– Когда?! За кого? За этого рыжего клоуна?! – пренебрежительно засыпал ее вопросами Борис, совершенно не удивившись услышанной новости.

– Ага, за него! Мы через неделю уезжаем в Париж.

– Новый год праздновать?

– Нет, новую жизнь.

– Так ты что, последнее время одновременно и с ним, и со мной?!..

– Ты мне, кстати, когда-то тоже Париж обещал...

– Не все сразу...

– И не всем сразу! – хихикнула Барбора. – С женой же ты недавно туда слетал? И ваше двойное селфи на Эйфелевой я у тебя на страничке в фейсбуке лайкнула. Ты заметил? А он, мой рыжий клоун, без всяких обещаний заработал деньги и купил два билета на автобус.

– На автобусе в Париж?! – Губы Бориса расплылись в ехидной улыбке.

Барбора заметила на бульваре некое странное движение. Отвлеклась от собеседника. Увидела, как пять красных двухметровых бутылок «Кока-колы» устало бредут по бульвару. Достала из сумочки мобильник и словно забыла о Борисе.

– Андриус, привет! Я тебя вижу, только не знаю, в какой ты бутылке. – повеселевшим голосом заговорила она в телефон.

Борис ошарашенно смотрел на девушку.

– Не скажу! Ты меня все равно не увидишь! Только вас пятеро! А ну остановись!

Одна красная «бутылка» остановилась на бульваре и крутанулась вокруг своей оси, размахивая руками в стороны. Другие четыре пошли дальше.

– Теперь понятно! Спасибо! Целую! До вечера!

Барбора спрятала мобильник обратно в сумочку.

Борис довольно громко вздохнул, словно захотел привлечь к себе ее внимание.

Барбора бросила на него показательно безразличный взгляд и снова уставилась на бульвар. Рекламная процессия «Кока-колы» уже исчезла. Другие пешеходы яркостью цвета одежд не выделялись.

– И ты думаешь, что вот этим он сможет вам заработать на жизнь в Париже?! – Борис поднялся, надел кожаную куртку. – Будет хреново – позвони! Пришлю денег на обратный билет. Тоже на автобус! Но только тебе!..

Борис резкой походкой вышел из кафе и, словно специально, прошел по тротуару близко-близко к окнам, за которыми пила кофе пожилая парочка иностранцев и Барбора.

– Вы что-нибудь еще желаете? – спросил официант.

– Нет, – выдохнула девушка и поднялась из-за столика.

Глава 5. Лондон

Одноклассник Клаудиюса Марюс встретил их прямо на платформе автовокзала «Виктория». Пока Ингрида осматривалась, Марюс помог Клаудиюсу забросить рюкзак на плечи, а потом закинул себе на спину и рюкзак Ингриды. Так что первые шаги по лондонской земле дались ей особенно легко.

– На квартире нас ждут через три часа. А пока можем погулять, посидеть в кафе, – сообщил Марюс.

– Так давайте вещи в камере хранения оставим! – предложила Ингрида и бросила взгляд на тяжелое, свинцовое небо над головой.

– По три фунта за место, – сказал Марюс и отрицательно мотнул головой. – Лучше эти фунты в кафе проесть!

– Да у нас пятьсот фунтов, – похвасталась девушка, все еще рассматривая небо над Лондоном и думая, что не так уж оно и отличается от зимнего литовского неба.

– На двоих? И все?! – удивился Марюс. И тут же решил изменить тему, заметив в глазах Ингриды беспокойство. – Пойдемте! Тут рядом есть одно симпатичное кафе с почти литовскими ценами!

И Марюс повел приехавших за собой по Воксхолл-роуд. Минут через десять они свернули на боковую улочку и увидели целый ряд маленьких магазинчиков.

Присели в дальнем и темном углу итальянской trattoria, не обремененной дизайном и особой мебелью. На стенке висело меню с перечислением десятка видов пиццы. Справа от бара – холодильник со стеклянной дверью, в нем – бутылки с колой и фантой.

– Я угощаю, – объявил Марюс.

Две пиццы на троих и бутылка колы с тремя стаканами. Легкий столик из красного пластика пошатывался на неровном полу, покрытом коричневой керамической плиткой. Ингрида свернула уже ненужный автобусный билет и подсунула под одну из ножек стола.

Клаудиюс наклонился к рюкзаку Ингриды, вытащил оттуда бутылку бальзама «Три девятки». Заговорщицки глянул на Марюса. Тот кивнул.

Клаудиюс разлил по трети стакана и спрятал обратно.

– Тут вообще классно, – «Три девятки» расслабили Марюса, и его лицо словно округлилось из-за улыбки. – Главное – найти работу. А дальше: калькулятор в руки и всё можно просчитать. Можно и на три фунта в день питаться, можно на пять. Если велосипед покупать, то лучше бэушный и плохого вида, чтобы не украли. Зато экономия огромная.

– А ты сам где устроился? – прожевывая кусок пиццы, поинтересовался Клаудиюс.

– Я сейчас одного серба подменяю на заправке. По ночам. Он на родину поехал, а мне за ночь по тридцать фунтов платят. Чистыми. Хозяин заправки – араб. Нормальный мужик. С ним никаких проблем.

– Тридцать фунтов за ночь? – задумчиво повторила Ингрида. – Это неплохо...

Квартира, куда Марюс привел друзей, находилась в подвальном этаже узкого четырехэтажного таунхауса в двух кварталах от метро «Ислингтон». На окне – решетка из толстой арматуры.

Дверь открыла коротко остриженная молодая женщина в джинсах и длинном свитере синего цвета. Увидела Марюса, кивнула и пропустила гостей внутрь. Сразу провела Ингриду и Клаудиюса в маленькую комнатку с полуторной кроватью и небольшим окном.

– Можете располагаться, – сказала она. – Марюс вам все рассказал?

Ингрида, опустив рюкзак у кровати, обернулась на остановившегося в дверях лондонского одноклассника Клаудиюса.

– Нет, Таня, еще не успел. Сейчас все расскажу.

– Пойдемте на кухню, там уютнее!

Хозяйка завела их на маленькую кухню со старой газовой плитой, умывальником, холодильником и квадратным столиком, за которым едва могли бы разместиться четверо. Однако в этот раз им это удалось.

Первым делом Таня включила электрочайник, стоящий на холодильнике, предложила сесть на табуретки.

– За неделю сто двадцать фунтов, – сказала она дружелюбно. – Только водой и электричеством пользуйтесь экономно. Тут еще две пары живут, и вам надо будет с ними договориться по времени: кто когда пользуется кухней. Устраивает?

Ингрида бросила растерянный взгляд на Марюса. Клаудиус тоже вопросительно посмотрел на одноклассника.

– Это самые нормальные условия, – произнес тот негромко. – Особенно для вашего бюджета. Когда найдете работу, то сами решите: оставаться или что-то другое искать. Но дешевле вы в Лондоне ничего не найдете! Еще спасибо Тане скажете, – он посмотрел на хозяйку с благодарностью.

Клаудиус тоже смотрел на нее, на ее волосы, по которым невозможно было определить их натуральный цвет. Свет на кухню попадал из окна, но так как оно выходило на узкий бетонный колодец и на железную лестницу, спускавшуюся с уровня улицы ко входной двери, то и рассмотреть само помещение в его подробностях без включенной под потолком лампочки никто бы не смог. Вот и волосы Тани казались Клаудиусу то красноватыми, то темными, то русыми, и не мог он понять: или это игра его зрения, ослабленного полумраком кухни, или же действительно она так часто меняла цвет своих волос, что они стали рябыми и отказались «слушаться» новой краски.

– Хорошо, – выдохнула Ингрида.

– Вы, пожалуйста, сейчас заплатите, и я вам дам ключи, – настойчиво произнесла Таня. Получив деньги, она поднялась к вскипевшему на холодильнике чайнику.

– Только вы их не потеряйте! – Колечко с четырьмя ключами, звякнув, опустилось на стол. – И никому не открывайте! У всех, кто здесь живет, есть свои ключи!

Ингрида кивнула.

Тане позвонили по мобильному, и она вышла, попросив Марюса дожидаться ее.

– Вот видите, даже без залога, – сказал он с гордостью.

– А она хозяйка? Она что, русская? – заинтересовался Клаудиус.

– Нет, хозяева – арабы, они где-то за границей, в Турции. А она у них снимает и пересдает. Иногда и сама здесь ночует.

– Где ночует? – удивилась Ингрида. – Тут же всего три комнаты, и все они заняты!

– Не знаю, может, на кухне. Но она нормальная! Не беспокойтесь!

Вернулась Таня через полчаса.

– Повезло вам, – сказала. – Тут еще одна пара хотела вашу комнату снять. Но я их в другом месте устроила. У знакомых.

Глава 6. Дорога на Августов. Подляское воеводство

Сколько той Европы?! Он ее уже прошел из конца в конец десятки раз! И до своей деревянной ноги, и с нею. Больше всего ему нравилась когда-то Пруссия, Восточная Пруссия. Она была почти родной, как двоюродная сестра. Он ее знал если не с рождения, то уж явно с младых лет и до того странного момента, когда она растворилась в истории. Этот момент длился довольно долго, несколько лет Кукутиса не отпускало ощущение, что где-то рядом варится суп из кислой капусты и гороха. В большом казане, висящем на крюке над костром. Запах этого супа догонял Кукутиса то на одной дороге, то на другой. А тот единственный раз, когда он попал в Кенигсберг, ноги занесли его во самое чрево Восточной Пруссии – в ресторан «Блутгерихт» в погребе королевского замка. И он, напившись пива и наевшись перечных клопсов, никак не мог и не хотел уйти оттуда. Сидел и все любовался люстрами и подвешенными кораблями-парусниками, и торцами больших бочек с фамильными гербами восточно-пруссских баронов и изображениями их замков. И ушел, только когда над ним в стойке фельдфебеля замер насупленный и усатый официант, вымолвивший всего лишь одно слово «Zeit!», прозвучавшее, как слово «Ordnung». И тогда, понимая, где он находится и как тут относятся к коротким словам, Кукутис встал и с трудом поднялся по крутым ступенькам из подвала-ресторана со странным названием «Кровавый суд» на поверхность Восточной Пруссии. Шли годы, и он снова и снова заходил в прусские деревни и городки, видел их, слышал их, ловил носом запахи их кухонь. И вдруг, в какой-то момент, что-то изменилось. Они пропали. Пропали пруссы, словно в один момент собрали свои вещи и запахи и ушли. Вот так жили себе веками, встречались на пути, улыбались своей особенной мелкой улыбкой. Первыми и громче всех на всю Европу отпраздновали изобретение барона Карла Фридриха Кристиана Людвига Драйз фон Зауэрброна – механическую мясорубку. Казалось бы, ну всё, прощайте, мучения по измельчению ножами мяса для клопсов, здравствуй, новая, комфортная жизнь! Но нет, недолго они радовались появлению механической мясорубки! И вот, видимо, встал кто-то над ними в стойке фельдфебеля, насупленный и усатый или наоборот – хитро улыбающийся и безусый. Встал и сказал «Es ist Zeit».²

И они пропали. Пропали бесследно. Когда Кукутис первый раз задумался об этом, проходя через бывшие прусские земли, и спросил у встречного поляка, куда делись пруссы, поляк ответил: «Их убили литовцы!» Поляк, видимо, литовцев не любил и в Кукутисе тоже литовца признал. Поэтому так и сказал. А Кукутис поначалу поверил. Он вспомнил, что ему говорили про пруссов литовские крестьяне. А говорили они, что пруссы не умеют любить и поэтому у них почти не бывает детей. И действительно, ни разу раньше, проходя через прусские села и городки, он не видел детей, не слышал детских голосов и смеха. «Вымерли?» – задался он вопросом. И кивнул. А если вымерли пруссы, то и понятно, почему сама Пруссия пропала. Растянули ее по кускам поляки и русские. Ну, литовцам тоже кусочек достался – Мемельланд, но он и так был литовским. Хотя до литовцев был он и шведским, и тевтонским, и ливонским. Однако когда Мемельланд стал литовским и вернул себе название Клайпедского края, не было в нем пруссов. Немцы были, поляки были, даже эти странные мемельландеры, которые говорили по-литовски, но литовцами себя не считали, тоже были. А пруссов не было! Значит, соврал поляк, тот, который сказал, что пруссов литовцы убили. История ведь показывает, что если один народ убивает другой, то земля убитого народа сразу переходит к народу-убийце, но и недоубитые остатки убитого народа продолжают тихонько жить на окраинах. Но ведь нет на окраинах Литвы никаких пруссов. И земли у Литвы больше не стало.

² Пора (нем.).

Ее как было мало, так и осталось мало. Хотя в старые времена, много веков назад, Великое княжество Литовское было самым большим царством Европы, в которое, кстати, и все прусские земли входили. И тогда было Европе в этом княжестве уютно. И полякам, и пруссам, и тем малым народам, которые еще не придумали, как себя называть.

За спиной Кукутиса неожиданно зафыркала лошадь, отвлекла его от пеших раздумий, и шагнул он испуганно в сторону, уступая ей дорогу.

– Тпру! – крикнул лошади мужик и потянул вожжи на себя, отклонившись назад. Отпрянули от его раскрытого рта летевшие вниз снежинки.

– Шядай!³ – Мужик приглашающе указал Кукутису рукой на телегу.

Старик подошел, неуклюже подпрыгнул, оттолкнувшись здоровой ногой и отведя чуть в сторону деревянную. Уселся бочком, обернулся к возчику, кивнул благодарственно.

Возчик хлестанул пегую лошадку коротким кнутом, и телега снова тронулась в путь. Тронулась бесшумно, что само по себе насторожило Кукутиса. Уже встречались ему в жизни бесшумные телеги, увозившие подобранных случайных попутчиков в вечность, из которой нет возврата. Случались в 1918-м, когда войны уже почти не было, но не было и еды. И тогда села выбирали возчика, смазывали хорошо колеса телеги, чтобы не скрипела, и отправляли на ближайшую дорогу, чтобы возчик подобрал какого-нибудь странника помоложе, убил, голову отрезал и выкинул, а тело в село на еду привез. Тело без головы и разделявать легче. Голова ведь отвлекает, заставляет всматриваться, задумываться: откуда человек пришел, каких кровей, какого цвета глаза?

Кукутис наклонился вперед, чтобы на колеса посмотреть, да чуть и не слетел с телеги на ухабе. Однако успел заметить, что колеса под телегой были от машины.

Небо впереди светлело. Снежные тучи иссякли, весь свой запас растратив. И хоть дорога была еще покрыта снегом, но лежал он на ней неустойчиво, то и дело перекатываясь и оголяя острые, выдавленные еще осенью другими колесами края колеи, замороженные зимним воздухом.

– Тебе куда надо? – спросил, не оборачиваясь, возчик.

– Прямо, – ответил Кукутис. – В Париж.

Возчик обернулся. На губах разыграла усмешка.

– Это же далеко, за Варшавой! А зачем тебе туда?

– На похороны.

– Опоздаешь!

– Нет. Он еще не умер.

– Кто?

– Покойник. Покойник еще живой...

Возчик пожал плечами и усталый свой взгляд на пегую лошадь, тянувшую телегу не особенно прытко. Хлестанул ее коротким кнутом, и она побежала резвее, из-за чего и телегу затрясло повеселее на мерзлой гравийке, и Кукутиса пару раз подбросило, да так, что он чуть спиной на солому не опрокинулся.

«Хочет, чтобы я не опоздал?» – подумал о возчике Кукутис, посильнее схватившись руками за бок телеги, на котором сидел.

³ Садись! (пол.)

Глава 7. Париж

Шесть утра еще не наступило, когда автобус причалил к парижскому тротуару в Порт Майо. Прямо напротив кафе, перед которым смуглый магрибинец подметал улицу. Водитель включил свет в салоне, и слежавшаяся за ночь масса пассажиров зашевелилась, стала распадаться на просыпавшиеся человеческие единицы.

Андрюс открыл глаза. Бросил взгляд на Барбору. Она еще смотрела сны. Будить ее не хотелось. Хотя ее мечта – проснуться в Париже – теперь была в нескольких мгновениях от реальности. И все-таки Андрюс тянул эти мгновения, растягивал их в секунду и десятки секунд, видя, как неспешно и, слава богу, негромко, поднимались со своих мест другие пассажиры.

Он оглянулся, пытаясь увидеть пару знакомых лиц, тех, кто садился вместе с ними в Вильнюсе в этот автобус. Но, странное дело, пассажиры выходили и входили по дороге в разных городах Польши и Германии. И, видимо, из литовцев, севших в автобус в Вильнюсе, только они вдвоем с Барборой и доехали до Парижа. Остальные сошли раньше, а их места заняли поляки, словаки и немцы. И теперь они стояли под автобусом и ждали свои рюкзаки и сумки, спрятанные в багажном отсеке. А водитель не спешил. Он все еще сидел за рулем, поглядывая в зеркало на салон, и пытался дозвониться кому-то по мобильному.

– Доброе утро, – прошептал Андрюс в ушко Барборе.

И она открыла глаза.

– Париж тебя приветствует! – сказал он ей и показал взглядом за окно автобуса.

А за окном в это время ползли вверх по витрине кафе защитные железные жалюзи. Внутри кафе уже горел свет, и по мере поднятия этих жалюзи улица под витриной становилась все светлее и светлее.

– Для нас открыли кафе! – прошептал Андрюс. – Пошли?

Она кивнула.

Забрав два рюкзака, они зашли внутрь. Забились в уютный угол.

Магрибинец, теперь стоявший за барной стойкой, вопросительно уставился на Андрюса.

– Кофе и круассан. Два! – сказал ему Андрюс.

Магрибинец кивнул и вышел из кафе. Они остались одни, проводив его удивленным взглядом.

– Куда это он? – удивился Андрюс.

– Какая разница! Зато мы проснулись в Париже, – проговорила Барбора. – И теперь будем здесь просыпаться всегда!

Магрибинец вернулся с бумажным пакетом в руке. Над пакетом поднимался легкий пар. Он высыпал на поднос на барной стойке горячие круассаны. И подошел к блестящей никелированной кофеварке.

Автобус, привезший их в Париж, медленно тронулся с места и уехал, открыв для Андрюса и Барборы противоположную сторону улицы. Там уже горели витрины булочной и маленького продуктового магазинчика.

Бармен принес кофе и круассаны.

– Мерси! – сказал ему Андрюс.

Бармен ответил длинной и непонятной фразой.

Андрюс и Барбора переглянулись.

– Как ты думаешь, что он сказал? – спросила девушка.

– Наверное, что у меня очень красивая спутница.

– Нет, он же ко мне обращался, – не согласилась Барбора. – Ладно, надо будет учить французский! Почему мы с тобой раньше этим не занялись?

- У нас было мало времени, – Андрюс сделал глоток кофе. – А когда оно было, мы занимались любовью, а не французским...
- Ну, теперь надо будет заниматься французским. А любовь может и подождать!..
- С какой стати? – шутливо возмутился Андрюс.

Глава 8. Аникщай

Городок показался Ренате в этот раз даже меньше обычного. Словно от мороза съежился. Свой маленький, почти игрушечный «фиат» она оставила у булочной.

Прошла к костелу Святого Матаса. Перекрестилась перед воротами. Полюбовалась его двумя симметричными остроконечными башнями, уходящими в небо. Странно, кому это пришло в голову именно в их маленьком Аникшье построить самый высокий костел в Литве? Почему в Аникшье? Но спросить уже не у кого, все, кто придумал и построил, давно ангелы и давно там, на небе!

Рената перевела взгляд с верхушек костельных башен на веселое, не омраченное ни облаками, ни снежными тучами зимнее небо.

И тут радостное спокойствие нарушил звонок мобильного.

– Привет! – зазвенел бодрый голос Витаса, словно он только что выскочил из-под холодного душа. – Извини, я сегодня не приеду. Еще не все уладил. Зато нашел съемщиков на квартиру! Ты уже вещи собрала?

– Нет, не собрала.

– А с дедом поговорила?

– Вечером поговорю.

– Ты чем-то озабочена?

– Да, – призналась Рената. – Мне не очень-то хочется ехать!

– Но мы же решили! – воскликнул Витас. – Твоя машина, мой бензин, наше будущее!

– Красиво, – спокойно отреагировала на высокопарность Витаса Рената. – Ты бы мог стать спичрайтером у президента!

– Может, и буду! Только не у нашего! Утром позвоню, а завтра к вечеру приеду. О'кей?

Потом в маленьком уютном кафе на улице Баранаускаса она пила мятный чай. Пила и смотрела в окно – на почти безлюдную улицу, виляющую домами, не признающую прямых линий и прямых углов, такую типичную для маленького городка Аникшай, возле которого она выросла под присмотром деда Йонаса и бабушки Северюте. Вспомнила себя шестилетней. Тогда дед был моложе и не такой задумчивый, как сейчас. Тогда у него была лошадь и повозка, на которой он ездил в город. Тогда он был покладистый, потому что в доме командовала бабушка Северюте. Она командовала, а он хитро улыбался. И иногда делал то, что она говорила. Северюте гордилась чистотой в доме, которую сама и наводила. Из-за этой чистоты дед Йонас летом оставлял ботинки на пороге и заходил в дом в носках или босиком. Бабушка как-то решила, что Рената любит пирожки с яблоками, и пекла их каждую неделю в субботу. Пирожки были вкусные, но деду они нравились больше, чем Ренате. И он пытался съесть их больше, чем внучка. А бабушка Северюте, зная об этой его слабости, достав горячие пирожки и позвав Ренату на кухню, не отходила от стола, пока внучка не съест столько, сколько может. И только после того, как Рената произносила жалобным голосом: «Я больше не могу!», только тогда Северюте звала деда, но наедине с оставшимися пирожками она его не оставляла. Зато доставала бутылку наливки собственного изготовления и старую серебряную стопочку. Ведь когда-то она решила, что дед Йонас любит наливку, и стала делать наливку из вишен, слив и малины. И дед Йонас действительно полюбил бабушкину наливку, полюбил так же сильно, как ее же пирожки с яблоками. Ну а запивать глотком холодной, из погреба, наливки теплый пирожок – большего удовольствия для Йонаса и не существовало.

А когда Северюте не вернулась из больницы, всё в их жизни с дедом изменилось. Время пирожков с яблоками прошло и больше не возвращалось. Правда, в погребе еще стояло несколько бутылей с наливками, и дед каждый вечер наведывался туда со стаканчиком, маленьким, граненым стограммовым стаканчиком. Старая серебряная стопочка куда-то пропала, и

сколько ни пытался дед Йонас, а найти ее так и не смог. В погреб он отнес стул, чтобы не поднимать бутылку в дом. И вот, бывало, спустится, наполнит себе стаканчик, посидит, подумает.

Однажды Рената перепугалась, когда вдруг заметила, что время приблизилось к полуночи, а деда еще в доме нет. В погреб-то он пошел около семи! Тринадцатилетняя в тот момент девочка перепугалась насмерть, не зная, что делать. Сначала подумала, что дедушка умер, и от ужаса включила по всему дому свет и забилась в угол кухни. Но потом вдруг подумала, что он мог упасть со ступенек и удариться или поломать ногу. И тогда он лежит и ждет, когда же внучка придет ему на помощь!

Нелегко было Ренате заставить себя подняться на ноги, но в конце концов, вооружившись фонариком и обув резиновые сапоги, она вышла из дому. На пороге остановилась и прислушалась. Звякнула рядом цепь: их пес Барсас выглянул из будки.

«Раз не лает, значит чужих нет!» – подумала Рената и пошла смелее к погребу, подсвечивая себе путь.

Спустилась, заглянула в это всегда холодное помещение с полками по бокам и углублением для картошки и других овощей в конце.

Дед сидел на стуле прямо под горящей лампочкой спиной к Ренате. Сидел неподвижно, из-за чего девочка подумала, что он мертвый. Затаив дыхание, она обошла его и присела перед ним на корточки, вглядываясь в опущенное лицо.

– Деда, ты умер? – спросила испуганным голосом.

Йонас вздрогнул, голова его приподнялась. Он открыл глаза и тут же из его руки выпал на пол погреба пустой граненый стаканчик. Выпал и покатился, цокая гранями о твердый, затоптанный до блеска пол.

– Что? – вырвалось у деда Йонаса.

– Ты не умер? – прошептала внучка.

– Я не умер, – затряс головой дед. – Йонасы не умирают. Я просто заснул... Извини!

Она взяла его за руку и повела к ступенькам.

Дед потом еще несколько раз извинялся.

Пояснил, что в тот вечер выпил последний стаканчик бабушкиной наливки, и так ему грустно стало, словно снова и в этот раз уже точно навсегда попрощался со своей Северюте. Решил сидеть в погребе, пока не придет смерть, забыв о внучке. А вместо смерти пришел сон, а потом пришла и внучка, перепуганная и бледная.

– А у вас есть пирожки с яблоками? – спросила, обернувшись к официантке, Рената.

– Есть с клюквой и с черникой, – ответила белокурая девушка официантка. – Будете брать?

Рената отрицательно мотнула головой.

Мелькал по обе стороны дороги зимний лес. Высокие сосны стояли, упершись кронами в небо, и их стволы казались натянутыми струнами огромной арфы. Дотронься и сразу зазвенят!

Рядом на пассажирском сиденье – пакет с продуктами из супермаркета. На полу под сиденьем – еще один. Запас на две кухни.

Свернула с асфальта на мерзлую укатанную гравийку. Тут уже маленький красный «фиат» сбавил скорость. Осталось позади старинное кладбище за деревянным забором. Снег перед его воротами и калиткой лежал нетронутый. Никто после того, как он выпал, к давно умершим не навещался.

Дальше два новых деревянных дома, построенных на месте старых хуторских, на том же фундаменте. Так тут принято. Потом лесок и еще один хутор, только тот уже посовременней, целая ферма! Там и коровник, и свиноводник, и два трактора.

Мерзлая укатанная боковая гравийка повернула к этой ферме, а Рената поехала дальше. По ее личной дорожке, по колеям, выдавленным в осевшем снегу колесами ее маленькой

машинки. Еще пять километров, и она дома. Дома у себя и дома у деда Йонаса. Их «дома» под одной крышей. Просто один смотрит окнами на север, а второй – на юг.

Пес Барсас выскочил из будки и завилял хвостом, завидев знакомую машину. Маленький красный «фиат» остановился у амбара.

Рената занесла пакеты в коридор. Разулась. Один пакет оставила у зеленой крашеной-перекрашенной двери деда. Второй занесла к себе.

«Надо будет что-то вкусное на ужин приготовить и деда позвать!» – решила она.

Вернулась в коридор, постучала в зеленую дверь, толкнула ее. Дверь отворилась.

– О! Приехала! – обрадовался Йонас. – Какие в мире новости?

– А что, надо было газеты купить? – спросила Рената, пытаясь вспомнить, просил ли ее об этом дед.

– Нет, зачем мне газеты! Что там в городе? Может, что-то новое видела? Может, построили что-нибудь?

– Нет, – на ходу ответила Рената. Занесла пакет с едой на кухню, разложила покупки на столе. Часть в холодильник спрятала, часть – в шкафчик у плиты.

– Все по-прежнему. Ничего нового! Вспоминала там бабушкины пирожки с яблоками...

– Да, – дед кивнул, – пирожки... Свозишь меня как-нибудь туда, в город. Давненько не был.

– Конечно! Ты сегодня вечером у меня поужинаешь?

– О! А я думал тебя к себе позвать! – признался дед.

– Ну тогда давай я ужин приготовлю, а есть будем у тебя! Хорошо? – предложила Рената.

– Тебе надо в политику идти, – усмехнулся дед. – Согласен. А что приготовишь?

– Еще не знаю, но постараюсь что-нибудь вкусное! – пообещала Рената.

Она вернулась к себе.

Задумалась о Витасе. Вспомнила недавнюю «Шенгенскую ночь», вспомнила гостей и веселую атмосферу ожидания от полночи чуда. Ингрида и Клаудиус уже в Лондоне, Барбора и Андриус в Париже. Витас сказал, что они ему уже звонили. Они в восторге. У них все отлично!

Может, если бы Витас принес ей билеты на поезд или на самолет и стоял бы над ней, пока она не соберет вещи, тогда бы и они уже были сейчас где-то в Италии. Но Витас практичный, он все-таки ветеринар. Он решил, что они поедут на ее машине. А ехать надо через всю Европу. Машина маленькая, слабенькая. Довезет ли? Но даже не это главное! Зачем? Что делать им, литовцам, в Италии? Посмотреть на Рим и Венецию? Да. А потом?

Вся эта история с «Шенгенской ночью» сейчас казалась Ренате продолжением фестиваля «Be2gether», где они все и познакомились в конце августа. Драйв, захвативший их в водоворот музыки и общения, был слишком сильным, чтобы ему сопротивляться. Да и не было повода сопротивляться. А потом шуточное бракосочетание! Кто-то же придумал всё это. Кто-то придумал, а они с радостью поучаствовали и после этого, словно после настоящего бракосочетания, устроили в отдельной палатке тройную свадьбу без гостей. Каждый был одновременно и молодоженом, и гостем на свадьбе своих друзей. А потом, когда прощались, договорились отпраздновать вместе «Шенгенскую ночь». Эта идея, кажется, пришла Барборе. Витас обрадовался, но сказал, что у него в Каунасе нельзя: слишком маленькая квартира, хоть и своя собственная – подарок от родителей в честь окончания ветеринарной академии. До Ингриды, живущей в Пренае, далековато. Клаудиус и Андриус своим молчанием дали понять, что тоже не смогут стать гостеприимными хозяевами. И только у Ренаты оказалось достаточно места, чтобы устроить этот праздник. Она жила на хуторе Пиенагалис, на настоящем литовском хуторе, на своей земле, покрытой снегом. И ездила она в Аникщяй два раза, встречая с автобуса друзей и отвозя их в дом. А на следующий день после «шенгенского застолья», когда все отоспались и пообедали, отвезла она их обратно на Аникщяйский автовокзал. Отвезла за один раз, удивившись, что в ее маленьком «фиате» на заднем сиденье уместилось четыре пассажира! А

они не только уместились, но еще и смеялись всю дорогу. Больно их название хутора рассмешило. Пиенагалис – корни молока. «У тебя же ни одной коровы!» – хихикал Клаудиус. «А какие у молока могут быть корни?» – спрашивала и тоже с улыбкой на лице Ингрида. Рената вела машину и на их вопросы только пожимала плечами. И сама при этом думала о «корнях молока». Ведь и ее когда-то это название – Пиенагалис – удивило, когда она была совсем маленькой. «У всего есть корни, – отвечала тогда на ее любопытство бабушка Северюте. – У камней, у историй, у травы, и у молока. Корни молока очень похожи на корни травы! Если молоко на траву пролить, то пойдет оно в землю прямо по корням травы...»

Голос бабушки Северюте прозвучал в памяти Ренаты звонче обычного.

Теперь четыре пассажира с заднего сиденья разъехались по двое в две страны, а те, кто сидел на передних сиденьях, остались пока дома, в Литве.

– Так что же приготовить? – задалась вопросом Рената.

Дед Йонас признался, что об ужине начал думать с обеда, которого решил не есть. Аппетит уже не тот, что прежде. Совсем не тот. По два аппетита в день не приходит! Так что решил он сохранить тот единственный, что еще появлялся у него в мыслях и желаниях, на вечер.

На кухонном столе по центру – деревянный кружок-подставка для кастрюли или казанка, две тарелки, вилки, ножи. И две рюмки. Строго, по-прусски. Ничего лишнего.

Когда Рената внесла на половину Йонаса чугунный котелок, пряный запах заполнил всю комнату. Дед повеселел, уловив простой и знакомый аромат тушеных свиных ребер с картошкой.

– Ты же со мной выпьешь чуток? – спросил он, уже усевшись, глядя на внучку, накладывавшую горячее в его тарелку.

Не дожидаясь ответа, налил себе и ей горького бальзама.

– Деда, – Рената уселась за стол, – ну давай, приятного аппетита!

Йонас ухватил крепкими пальцами свиное ребро, поднес ко рту.

– Чем проще еда, тем вкуснее, – вымолвил он перед тем, как снять с косточки зубами мясо.

– Не спеши, горячее! – предупредила Рената.

– Это не я спешу, это мой голод! Не зря я его с утра накапливал! Красивый свитер! – Дед бросил внимательный взгляд на внучку. – Под цвет машины покупала?

– Почти! Я ведь сначала машину покупала под цвет старого любимого свитера. Ты его уже не помнишь... Почти такой же красный... А потом новый свитер под цвет машины.

– Почему не помню, помню! Он у тебя еще как гольф на шее манжетой закручивался! А что с работой?

– Уволилась.

– Это я уже заметил. А новую нашла?

– Еще нет. Надо решить, что я хочу делать.

– Ну да, продавщицей, наверное, скучно...

– Нет, не скучно. Можно много книг прочитать... Покупателей сейчас в Аникские стало меньше. Все, у кого машина есть, в Паневежис за покупками ездят. Там выбор больше! Тебе, деда, тоже, кстати, надо что-нибудь купить. А то носишь все старое!

– Старые носят старое, новые – новое! Я же не виноват, что раньше так шили, что двадцать лет носить можно!

– Виноват, – рассмеялась Рената. – Конечно, виноват! Сам ведь тоже шил!

– Шил, грешен, – закивал головой старик. – Так куда теперь работать пойдешь?

– Пока не знаю... Мы с друзьями решили поискать работу в Европе...

Дед Йонас замер. Глаза на мгновение остекленели.

– В Европе? А мы тут где? – после паузы спросил он. – Это ты с Витасом решила?

– Это мы вшестером решили. Наши друзья уже уехали и устраиваются, а мы пока тут...

– А ты с Витасом давно знакома?

– С августа. Он хороший. Ветеринарную академию закончил. Уже работает.

– Да? Пусть он нашего Барсаса посмотрит!

Йонас тяжело вздохнул, посмотрел на свою рюмку, наполненную бальзамом, поднял руку, да тут же опустил снова на столешницу.

– Черная дыра – эта Большая Европа, – проговорил он. – Из нее не возвращаются, не отзываются...

Рената замолчала. Она и перед ужином знала, к чему приведет разговор. Но что было делать? Говорить-то надо!

– Как звали твою мать, мою дочь? – Йонас перешел на шепот.

– Юрате, – тоже шепотом ответила Рената.

– А твоего отца?

– Римас.

– Ты их помнишь?

Рената молчала. Она закрыла глаза. Не хотела, чтобы дед увидел слезы.

– Кого ты помнишь? – продолжал шептать дед Йонас. – Бабушку Северюте помнишь?

Внучка кивнула.

– Моя Юрате и Римас оставили тебя с нами, когда тебе еще и шести не исполнилось. Уехали на полгода в Англию на заработки... И где они? Где их заработанные фунты? Куда они пропали? Что с ними эта Европа сделала? Она их просто убила!

Рената поднялась из-за стола, растерла слезы ладонями по щекам.

– Я сейчас, извини, деда! – сказала и вышла.

Вернулась через пару минут, умытая.

Какое-то время они ели молча. На кухне у деда было теплее и уютнее, чем у Ренаты. Она то и дело бросала взгляды по сторонам. Казалось, всё она тут с детства знала, каждый вбитый в стенку и загнутый гвоздь, на котором висела то кастрюля, то дуршлаг. И всё равно осматриваться тут было интересно. Любопытство легко брало верх над мыслями, оставляя в покое темы тяжелые, вызывающие грусть и иногда слезы.

– Оденсья, пойдем на звезды посмотрим! – предложил дед Йонас, когда чай был допит.

Они вышли на порог – дед в накинутом на плечи старом сером драповом пальто, внучка в китайском пуховике.

На темно-синем небе ярко горели звезды. Казалось, они отражаются на белой скатерти снега.

– Вон там и там лет десять назад по вечерам горели окна, – дед показал рукой в сторону заброшенных соседних хуторов. – Этот умер, – он задержал вытянутую руку, потом повел ее дальше, – этот утонул, этот спился, эти уехали на заработки... Я здесь последний... Если ты уедешь...

– Я еще не знаю, – призналась Рената.

– Хочешь, я тебе пальто сошью? У меня где-то отрез драпа лежит, серо-голубой, ему сносу не будет! – предложил вдруг старик.

– Ты уже лет десять, как иголку в пальцах не держал!

– Вечный «Зингер» работает, да и пальцы еще крепкие... Пальто, конечно, к цвету машины не подойдет, – он улыбнулся. – Под него придется покупать еще одну машину, антикварную...

– Согласна, – Рената кивнула. – Только потом пришьешь под петлю лейбик «Сделано в Китае».

– Нет, – дед замотал головой. – Пришью: «Сделано в Литве. Фабрика Йонаса»!

Глава 9. Лондон

Мягкая лондонская зима поначалу порадовала Клаудияса. Весь город праздновал Рождество шумно и весело. По Оксфорд-стрит бродили толпы туристов. Сплошная молодежь. В левом ухе звенела испанская речь, в правом – польская. А Клаудийус стоял на углу Оксфорд-стрит и Бервик-стрит, уткнув свой щит с рекламным щитом в асфальт тротуара. Надпись на щите действительно привлекала внимание прохожих: «Буфет за 5.99, ешь сколько хочешь!» и стрелка, указывавшая на боковую улочку, где располагалась та самая китайская забегаловка, которая обеспечила его первым лондонским заработком. Сначала Клаудийус даже считал, сколько людей его щит свернул с дороги и отправил подкрепиться к китайцам, но потом перестал.

Ингрида гуляла по магазинам, время от времени наведываясь к своему любимому. Один раз принесла кофе в бумажном стаканчике с пластиковой крышкой. Второй раз – сытный пирожок с картошкой.

– Может, пойдем посидим в кафе? – предложила она, подойдя к Клаудийусу уже часика в четыре. – Я все магазины в округе обошла! Больше нечего делать!

– До восьми не могу, – устало выдохнул парень. – Длинный сказал, что если придет и меня не застанет, то за день не заплатит!

– Интересно, а тут можно получить работу напрямую? – хмыкнула Ингрида. – Так, чтобы не за кого-то работать, а за себя?

– Надо искать, – уверенно произнес Клаудийус. – Еще пару дней я здесь простою, а больше – нет! Уже ноги гудят!

– А мне что делать? – спросила растерянно Ингрида.

– Сходи в национальную галерею! Она бесплатная и большая!

– Хорошо, – девушка покорно кивнула головой. – Пойду влюбляться в мировые шедевры!

«Длинный» появился только в четверть девятого, когда Клаудийус, опустив щит-указатель кверху ногами, прислонил его к стене углового магазина одежды между витринами, а сам сидел на корточках, упираясь спиной в ту же стенку. Настроение было паршивое. Он уже думал, что его просто кинули, как обычного простофилю.

Ингриде настроение друга не просто передалось, а передалось в отягощенном варианте. Она стояла на углу возле входа в магазин, стеклянные двери которого то и дело разъезжались и съезжались, каждый раз при этом выбрасывая на улицу поток теплого воздуха. Ингриде было холодно и скучно, но больше всего ей было обидно за Клаудияса.

Однако «длинный» все-таки появился. Отсчитал Клаудийусу тридцать фунтов – по три за каждый час работы, и подсказал, что теперь он может отнести щит-указатель в китайский ресторанчик, и его там бесплатно покормят.

– А ее? – спросил Клаудийус, показав рукой на стоявшую чуть поодаль Ингриду.

– Ее? Пусть на улице подождет! А ты возьми это, – он передал парню маленький пластиковый пакет. – Положи его в карман куртки и потихоньку кидай туда всего. Лучше кусочки свинины и курицы!

Китайцы – парень и женщина, убиравшие со свободных столиков посуду, – увидев рекламный щит-указатель в руках Клаудияса, приветливо закивали. Бросили взгляд на зашедшую с ним Ингриду. Китаец постарше забрал из его рук щит, отнес в подсобку. Потом показал рукой на буфетный прилавок, на котором под стеклом в металлических прямоугольных судках еще оставалась всякая еда. Из каждого судка торчала ручка большой ложки.

Клаудийус показал китайцу пальцем на Ингриду. Тот понял немой вопрос и, добродушно улыбнувшись, кивнул.

Они взяли по тарелке, наполнили ее кисло-сладкой свининой, овощами, курицей, поджаренной с ананасами и орехами кешью. Уселись за чистый столик и принялись уминать вкусный, экзотический ужин.

Когда захотелось пить, Клаудиус подошел к холодильнику со стеклянной дверцей. Но тут опять появился китаец и объяснил, что за «фанты» и «колы» надо платить. Клаудиус вернулся на место, и тут же им принесли литровую фигурную бутылку с водой и два стакана.

– Ну что, мы тут выживем? – спросил делано бодрым голосом Клаудиус.

Ингрида посмотрела на него грустно.

– Обязаны выжить, – сказала она. – Надо только найти нормальную работу! И найти ее самим!

До Ислингтона ехали на втором этаже автобуса, на передних сиденьях. Проплывающий мимо вечерний город с высоты «даблдеккера» обладал свойствами успокаивающего лекарства. У Клаудиуса немного кружилась голова. На языке еще ощущался кисло-сладкий соус. Ноги продолжали «гудеть», но одновременно наступило умиротворение, и даже где-то начала появляться радость от того, что минут через двадцать они вернутся в свою комнатку, где будет почти тепло и уютно и где они смогут отдохнуть и, если останутся силы, поговорить, поразмышлять вслух о поисках собственного места, собственного жизненного пространства в этом огромном и слишком занятом самим собою городе.

Ступеньки, спускавшиеся к двери, освещались светом кухонного окошка. За столиком кто-то сидел.

– Хорошо, что мы уже поели, – проговорил Клаудиус, доставая ключи из кармана.

В своей комнатке они сняли куртки, разулись, легли на кровать, накрытую старым пледом.

– Чем-то пахнет, – Ингрида приподняла голову.

Клаудиус принялся.

– Соседи на кухне курят, – сказал он. Наклонился, заглянул под кровать и вдруг рассмеялся.

– Ты чего? – удивилась Ингрида.

– Прошлые жильцы свой антиквариат забыли! – он поднял с пола красную резиновую грелку, наполненную холодной водой.

– Может, залить кипятком? – спросил весело у Ингриды.

– Не надо, – отмахнулась она и улыбнулась. – Ты будешь моей грелкой!

Глава 10. Париж

Рю де Бельвиль катилась вниз к площади Републик, как мячик по склону холма. Шагалось весело, да и небо, синее и легкое, как ситец, проглядывавшее через тонкую облачную паутину, бодрило и добавляло оптимизма.

Барбора и Андриус шли, держась за руки, но то и дело отпускали друг друга, чтобы обойти идущую навстречу женщину с коляской или пенсионера с продуктовой сумкой-тележкой.

Все у них получилось удивительно быстро и безболезненно. Пускай говорят, что интернету доверять нельзя. А вот они еще до отъезда познакомились на фейсбуке с литовцем, который уже десять лет, как живет в Париже. А он их через фейсбук познакомил с поляком, а тот подыскал для молодой симпатичной пары маленькую однокомнатную квартирку рядом с метро «Жардан», на кипящей жизнью улочке с десятками магазинчиков, булочных и дешевых переговорных пунктов. Половина привезенных денег ушла на залог и аванс за эту «кавалерувку», как называл ее поляк, зато квартирка была чистенькой, а кухня, хоть и микроскопическая, вмещала в себя все необходимое для нормальной жизни. На низкорослом холодильнике стояла микроволновка, на ней – электрочайник. Справа от холодильника – мойка. Собственно, вот и вся кухня – метра два в ширину и столько же в глубину. Длины тут не было. Зато не было и дверей, просто кухонная ниша, в которую заходишь прямо из комнатки с одним окном, одним столиком под этим же окном, широкой кроватью под стенкой и странным шкафчиком в углу. Странность его заключалась в том, что шкафчик закрывался на молнию и сделан был из белой ткани, натянутой на прямоугольный металлический каркас. Практично и современно.

А над кроватью висел любительский портрет кучерявой африканки с белозубой улыбкой, нарисованный гуашью и даже неразборчиво подписанный художником. Картонка висела без рамы. Квартирку сдавала им обычная молодая француженка, худенькая, коротко стриженная, едва говорящая по-английски. Так что висевший над кроватью портрет африканки явно не был ее семейной реликвией.

Между лавочкой арабского мясника с вывеской «HALAL» над витриной и турецкой кебабной был зажат обычный парижский бар.

Они зашли в его двери так же уверенно, как заходили в бары и кафе Вильнюса.

– Deux cafés!⁴ – четко, с гордостью произнес Андриус одну из первых выученных по-французски фраз.

Они стояли с Барборой у барной стойки и наслаждались «парижским моментом», ритуалом, о котором они и раньше знали. Кофе у барной стойки – самый дешевый. Один евро. Стоит присесть за столик рядом, и его цена подскочит до двух. А если еще выйти на уличную террасу, то там тот же эспрессо будет стоит два пятьдесят. Но тут террасы не было, а пить кофе, стоя у барной стойки, доставляло особенное удовольствие. Они ощущали себя парижанами. И ощущали бы себя парижанами до последней капли кофе в чашке, если бы бармен, худой остроносый француз, не включил вдруг телевизор, висевший на кронштейне под потолком и не спросил их о чем-то на французском, кивая на телеэкран. Тут уже пришлось Андриусу развести руками.

– Pas français, English,⁵ – сказал Андриус.

– Pas English, Français!⁶ – ответил бармен, но произнес он это с улыбкой вполне приветливой, так, словно они мирно договорились не разговаривать из-за отсутствия общего языка.

⁴ Два кофе! (фр.)

⁵ Не говорю по-французски, только по-английски. (фр.)

⁶ Не говорю по-английски, только по-французски. (фр.)

А на рю Бельвиль выпали следом за пролетевшей стаей облаков лучи солнца. По улице забегали солнечные зайчики от раскрывающихся и закрывающихся то тут, то там стеклянных дверей магазинчиков и ресторанов.

Андрюс достал из кармана куртки пушистый красный клоунский нос на резинке, надел его.

Малыш, которого навстречу вела молодая мама-китаянка, закричал что-то по-китайски. Его мама тоже посмотрела на клоунский нос и заулыбалась.

На углу возле китайского супермаркета Андрюс остановился и осмотрелся. Здесь былолюдно, но люд был не французский: арабы, китайцы, африканцы, магрибинцы. Хотя настроение и подстегивало Андрюса к веселой уличной клоунаде, но эта публика не внушала уверенности, что его первый парижский сольный номер окажется успешным. И они зашагали дальше.

Теперь это была уже другая улица, ровная, чуть менее яркая, но еще более живая и людная. По обе стороны тянулись бесконечные магазины обуви и одежды, иногда разбавленные чемоданной лавкой, перед которой на тротуаре, «скованные одной цепью», чтобы не украли, стояли целые чемоданные семейства: от маленьких чемоданчиков, которые разрешалось брать с собой в самолет в виде ручной клади, до чемоданов, в которых мог бы поместиться и человек средних размеров.

Мимо промелькнули еще два парижских кафе, за барными стойками которых обычные парижане пили медленно свой эспрессо за евро, окунув взгляд в лежащие рядом газеты.

А впереди показалась карусель, и она крутилась! Глаза Андрюса зажглись азартом. Он ускорил шаг, Барбора едва поспевала за ним. Они остановились у карусели посреди площади Републик. На карусельных лошадках крутились дети, а мамы и няни стояли рядом и махали им руками.

Барбора бросила взгляд на Андрюса. Потом осмотрелась вокруг, пытаясь догадаться, куда он сейчас станет, чтобы привлечь к себе внимание. Между бордюром дорожной развязки и каруселью места было маловато, хотя тут как раз и проходили люди, пересекавшие площадь. За каруселью открывалась свободная площадка, а дальше стоял памятник. «Наверное, под памятником!» – решила Барбора.

И ошиблась.

Андрюс сделал два шага вперед и, жестом попросив ее не подходить, закрутился на месте, как турецкий дервиш. Мама и няни оглянулись на него удивленно, но его красный клоунский нос как бы оправдывал его поведение. И их напряженные поначалу взгляды успокоились.

А Андрюс остановился, скорчил удивленную физиономию и стал махать детям, крутящимся на карусели, которые тоже его заметили, и теперь, как только он появлялся в их поле зрения, рассматривали его жадно и с любопытством.

А когда карусель замедлила свое вращение и остановилась, и мамы с нянями снимали своих малышей с лошадок, малыши сами потянули взрослых поближе к человеку с красным клоунским носом.

Тут уже Андрюс разошелся не на шутку. Барбора смотрела на него и не могла понять, чем, кроме носа, он привлекает внимание этих детишек. Может рыжей шевелюрой? Ведь клоуны часто рыжие. А он к тому же рыжий от рождения! Андрюс просто наклонялся, махал руками, делал вид, что теряет равновесие и вот-вот упадет. Опускался резко на корточки и заглядывал по-собачьи в небо. Короче, дурачился от души. Дети смеялись, мамы с нянями улыбались, переговариваясь друг с другом.

«Интересно, на сколько его хватит?» – задалась вопросом Барбора.

Минуты через три он замедлил свои движения и словно поплыл, зашатался, не сводя с детей взгляда. Потом схватился руками за голову и словно стал ее руками наклонять. И присел снова на корточки.

Высокая стройная мулатка отпустила руку белого малыша, чтобы достать из кошелька монетку. Подошла, взглядом разыскивая, куда бы ее опустить.

Андрюс смутился на мгновение – видимо, понял, что не хватает стаканчика или тарелки для гонорара. Поэтому просто протянул свою ладонь. И монетка легла в нее, заманчиво блеснув на солнце. Еще три женщины порадовали его своей щедростью, а остальные, забрав детей, ушли.

– Ну вот, Барби, можем еще по кофе выпить! Тут хватит! – обрадованно сообщил Андрюс.

– Я больше кофе не хочу! – твердо заявила Барбора. – А вот перекусить было бы неплохо.

Андрюс оглянулся по сторонам. Остановил взгляд на новой группе мам-нянек с детьми, которые собрались около карусели.

– Ну, тогда подожди еще чуть-чуть, а я поработаю! Чтобы на что-нибудь вкусненькое хватило! – предложил он.

Глава 11. Пиенагалис. Возле Аникция

– Природа Рождество не празднует, только человек! – сказал старый Йонас в ответ на предложение Ренаты украсить не только елку в доме на половине деда, но и елочку, что выросла за амбаром ближе к лесу.

Рената спорить не стала. Тем более, что сама сомневалась: а хватит ли у них украшений на две елки. Коробки с елочными игрушками – старые и разных размеров – дед принес из амбара. Припомнить, где они там лежали, внучке Йонаса так и не удалось, да и не было времени.

Дед Йонас, сам принесший из леса елку, уже подрубил нижние ветки, чтобы поглубже вставить ее в ведро.

В картонке, еще сохранившей приклеенный ярлычок с надписью «Часы настенные», лежали, завернутые в газетную бумагу, с полтора десятка украшений. Рената освободила их от бумаги и выложила, чтобы легче было решить: какой шарик или какую праздничную фигурку на какую елочную ветку повесить. Перед ней теперь лежали два старинных прусских Деда Мороза каждый размером с ладошку. Один – одетый в красную мягкую шубку с пуговицами-жемчужинками, на голове – красная шапка, а второй – в белой шубе и коричневой шапке и с ярко-красными пятнами румянца на кукольном веселом личике. Рядом с ними – две снегурочки, одетые так, что догадаться, какому из Дедов Морозов каждая составляла рождественскую пару, никому бы не составило труда.

После подвешивания снегурочек и их белобородых дедов Рената украсила елочку шариками советского времени и разноцветными ангелочками – новыми и очень старыми.

Дед Йонас тем временем занес в комнату два набитых полотняных мешка. Убрал все со своего подоконного круглого столика, развязал мешки. Из одного вытащил пучок сена и стал аккуратно раскладывать его на столешнице. Достал еще пучок, покрыл столешницу так, что и дерево ее перестало сквозь сено проглядывать. Потом развязал второй мешок и вытащил оттуда сухие полевые цветы. Разложил их поверх сена, отчего столешница стала похожей на полянку в глубокую осень – поверх желтого сена высохшие синие звездочки цветов, как звезды, рассыпаны.

Отошел Йонас на два шага от стола, полюбовался своей работой. Потом вернулся и стал руками сено с цветами прижимать, особо в тех местах, где они вверх торчат старались.

После этого попросил он Ренату помочь ему белоснежную льняную скатерть поверх сена и цветов постелить. Опустили они ее с двух сторон аккуратно.

– Пойдем теперь к тебе, твой стол украсим! – скомандовал дед, подхватив оба уже легких мешка.

Рената последовала за ним на свою половину. Ее стол был побольше, овальный. За ним могло поместиться до двенадцати гостей. На ее стол, как ей сейчас показалось, сена и высушенных полевых цветочков может и не хватить.

Но на самом деле хватило. Дед Йонас, казалось, устилал ее столешницу сеном и цветами куда старательнее, чем свой собственный круглый столик. Когда ровнял синие высохшие цветочки, в глазах его сквозь толстые линзы очков сверкнули слезы. И он снял очки, вытер глаза тыльной стороной грубой большой ладони, после чего снова водрузил очки на нос и продолжил, стараясь сделать так, чтобы цветочки по сему были рассеяны более или менее равномерно.

«Зачем? – думала, наблюдая за ним, Рената. – Все равно ведь сверху ляжет льняная скатерть, и только те, кто готовил рождественский стол, будут знать, что между традиционной дюжиной блюд и столешницей, на которой они, эти блюда, вроде бы стоят, лежит высохшее поле минувшего лета».

Старинная льняная скатерть с едва заметными белым по белому узорами легла на большой овальный стол. Дед Йонас замер на мгновение, осмотрелся, словно давно не заглядывал на половину внучки.

– Ну ладно, пойдем, займемся нашим столом. А их стол, – он посмотрел на только что покрытое льняной скатертью овальное поле минувшего лета, – их стол успеем приготовить.

Вернулись на половину Йонаса. Тут все было по-другому, словно под одной крышей соседствовало два разных дома: старый и новый. У деда в комнате стоял запах времени, прошлого времени, запах почти ста лет, спрессованных в один гербарий с сотней разных листьев – у каждого года, как у дерева, свой собственный листок. У Ренаты на ее половине если и появлялись иногда запахи, то только на кухне или когда она заносила горячую еду в комнату, и ее ароматы ненадолго задерживались там. На ее половине воздух был чист и почти стерилен, он не отвлекал какими-то особенными оттенками или напоминаниями. Лишь иногда становился сладким, когда на столе появлялись цветы – чаще срезанные на дворе под домом самой Ренатой, чем подаренные гостями.

Дед поставил в центре круглого столика старую деревянную фигурку Рупинтоелиса⁷. Чуть поправил ее, чтобы лицом Рупинтоелис был повернут к двери в коридор, навстречу тем, кто мог бы прийти, но не придет. Вздыхнул тяжело старый Йонас, оторвал взгляд от приоткрытых дверей в коридор, посмотрел на внучку.

– Ну что, накрывай уже тут, а я на твой стол пойду его поставлю!

Рената увидела в его руке еще одну деревянную фигурку грустно сидящего Иисуса.

– Деда, а почему у нас Иисуса называют Рупинтоелисом? – спросила она.

Йонас приподнял фигурку на ладони к лицу, посмотрел на нее задумчиво. Пожал плечами.

– Иисус – он всегда на кресте распят, а Рупинтоелис всегда сидит, подперев голову рукой. Сидит и о нас думает, переживает.

– О нас – о литовцах или обо всех людях?

– Имя-то литовское – Рупинтоелис, другие народы его так не называют. Значит, о литовцах, бедный, все время думает!

Рената сдерживала улыбку, пока дед не вышел из комнаты. Да и потом сначала к окну и столу повернулась, а потом уже рассмеялась беззвучно. Настроение стало светлым и теплым, как будто ранняя весна наступила. Стала носить она с кухоньки деда приготовленные уже блюда на стол: оплатки, привезенные из костела, квашеную капусту с тмином, клюквенный кисель, огурцы и грибы соленые, салаты из свеклы и из морковки с чесноком, шлижикай, а к нему маковое молоко, картошку, варенную с сушеным укропом, щедро политую подсолнечным маслом, карпа, тушенного с сельдереем, и запеченного лосося. Потом уже добавила на стол несколько яблок со старой яблони, которые в погребе до весны всегда хранятся, и квадрат черного ароматного литовского хлеба. Поправила блюда так, чтобы мягко им и ровно на столе стоялось и чтобы смотрелись они красиво, как положено в такой день. Пока стол накрывала – забылась и о деде забыла. А как тяжелый квадрат литовского хлеба на доске на скатерть опустила, так и вспомнила про него, про то, что уже минут пять, как он на ее половину пошел Рупинтоелиса ставить, пошел и не вернулся.

Мгновенным детским воспоминанием пронеслась картинка, как она его в погребе на стуле нашла, в тот день, когда допил он последний стаканчик наливки, сделанной покойной женой. Но тогда Рената перепугана была и боялась, что дед умер. А теперь-то он был рядом. Мог просто присесть и забыться, как она только что забылась!

Зайдя в свою комнату, Рената сразу увидела деда – он сидел на стуле, отодвинутом от стола на добрых метра два. Сидел и смотрел на Рупинтоелиса.

⁷ Иисус задумчивый (литов.).

Она подошла и застыла, тоже обратя свой взгляд на деревянную фигурку задумчивого Иисуса. Сидящий на пеньке или камне, подставив под щеку полураскрытую ладонь, Рупинтоелис смотрел на две фотографии в рамках, поставленные перед ним, – фотографии ее отца Римаса и ее мамы Юрате. Рената вдруг вспомнила, что раньше это была одна фотография, на которой ее родители сидели на двух стульях вместе, рядом.

– Деда, а зачем ты фотографию разрезал? – спросила удивленно.

– Чтобы Рупинтоелису было удобнее о них плакать, о каждом отдельно, – не глядя на внука, ответил старый Йонас.

– Сюда уже можно нести? – спросила она, решив больше не продолжать разговор об ее исчезнувших давно родителях – кроме боли этот разговор ничего ей никогда не приносил, а сегодня в мире самый светлый праздник, так зачем его омрачать?

– Неси! – кивнул дед.

Вскоре Рената стояла на пороге, накинув кожух деда поверх свитера. Стояла, посланная дедом высмотреть на небе первую звезду. Стояла, смотрела на небо, видела уже три звезды, но обратно в дом не спешила. Смотрела на эти звезды и шептала себе: «Ну еще одна, и пойду!» Но когда рядом с тремя зажглась четвертая, так и осталась стоять и о будущем думать. И только когда почувствовала она, что считать проснувшиеся на небе звезды уже смысла не имеет, вернулась в коридор и поняла, что несмотря на теплый дедов кожух, она немного замерзла.

Дед возвращение Ренаты в комнату понял правильно и налил сразу себе и ей рождественского пива из Утены. Они пригубили. Помолчали. Взглядами встретились и взглядами же поздравили друг друга со Святым Рождеством. И принялись за трапезу.

Около полуночи перешли они на половину Ренаты и посидели за овальным столом. Тоже молча, только еще более задумчиво и без тихой радости, которую ощущала в себе Рената за круглым столиком деда. Фотографии отца и матери, стоящие перед Рупинтоелисом, навевали грусть, все в них говорило о безвозвратном прошлом – и рамки, и старая цветная фотобумага, искажавшая цвет лиц, и сами лица, застывшие с неестественным, позирующим и напряженным выражением. Они, Римас и Юрате, молодые и красивые, словно не хотели фотографироваться, стеснялись объектива фотографа и ждали, когда он уже щелкнет своим аппаратом. В их взглядах и лицах не ощущалось любви. Сейчас эти две фотографии легко воспринимались, как портреты двух не знакомых друг с другом людей. Если б Рената не видела эту фотографию раньше, она никогда бы, наверное, не догадалась, что перед ней и Рупинтоелисом стоят две половинки одного снимка.

– А они любили друг друга? – Рената посмотрела деду в глаза.

– Здесь да, – сказал он. – А там – не знаю.

Утром, когда Рената везла деда в Аникшийский костел Святого Матаса на Рождественскую службу, в ее голове шумело выпитое прошлым вечером пиво. Шумело негромко. Пока ехали по снежной колее к асфальтовой дороге, деда Йонаса укачало и он задремал, опустив голову на плечо. Рената сбавила скорость, боясь разбудить его. Почему-то захотелось довести его дремлющего прямо до ворот костела и только там разбудить.

Мысленно Рената забежала вперед и увидела, что будет дальше этим праздничным днем. Увидела овальный стол уже без фотографий родителей, и круглый столик – тоже. Увидела деда, нарезающего к завтраку толстые ломти копченого окорока и ломти черного литовского хлеба, увидела большие праздничные чайные чашки: красные в крупный белый горошек. Дед любил их доставать «по особому случаю», и этот случай наступал только один раз в году, в Рождество. Мысленно Рената пыталась забежать еще дальше, в послезавтра, когда обещал приехать Витас. Но туда Рената свои мысли уже не отпустила, чтобы не отвлекаться от дороги и думать о сегодняшнем дне, таком светлом и тихом, дарящем спокойствие и внутреннюю радость, которую хотелось хранить в себе подольше и делиться ею только с самыми-самыми близкими. Ближе деда Йонаса у Ренаты никого не было. И она на ходу бросила заботливый взгляд на старика,

покачивающегося в своей дреме и в машине, как на лодке, выплывшей на середину Тракайского озера и попавшей под ветер, дующий со стороны Вильнюса. Ветер всегда или почти всегда дует со стороны столицы.

Рената усмехнулась своим мыслям, порадовавшись тому, что отвлеклась она от ближайшего будущего и просто нырнула в фантазии, напоминающие детство, ее детство.

Глава 12. Дорога на Ломжу. Подляское воеводство

– Ну, тут я сворачиваю, – обернулся возчик-поляк на Кукутиса, остановив окриком лошадь. – Хочешь, можешь у меня переночевать. Скоро ведь стемнеет!

Кукутис оглянулся назад. Увидел нагоняющий их джип с включенными фарами. Не сбавляя скорости, тот объехал стоящую телегу и помчался дальше. А справа за заснеженным полем лежала деревенька, посреди которой гордо стоял и поблескивал серебристым крестом большой костел.

– Нет, спасибо, – Кукутис прыгнул на дорогу. – Пройду-ка я еще чуток вперед. Да и тебе лучше будет!

– С чего мне лучше будет? – удивился возчик-поляк.

– Я в чужих домах легко приживаюсь! Давно за собой такой грех заметил. Где переночую, там, бывает, и остаюсь...

– Что, пока не выгонят? – Поляк с интересом уставился в глаза Кукутису.

– Не-а, меня не выгоняют... Просто перестают замечать. Я к любому дому характером подхожу. Характер-то у меня мировой. Я – везде в мире дома. А потом, прижившись, сам ухожу. Я-то знаю, что в гостях хорошо, а в дороге – лучше!

– Да, – закивал поляк. – В дороге лучше, чем в гостях! Но дорога все равно приводит или домой, или в гости... Ну, удачного пути!

Он перевел взгляд со стоявшего на дороге Кукутиса на лошадку.

– Но-но, пошла! – и его короткий хлыст несильно коснулся лошадиного крупа.

Кукутис стоял и провожал взглядом телегу, свернувшую на проселочную дорожку. Потом снова оглянулся назад – зимний воздух загуствовал, мутнел.

Кукутис провел тыльной стороной ладони по щекам. Огрубевшая кожа прошлась по щетине, и он словно прислушался к щетине кожей кисти. По длине щетины безошибочно определил время, ведь брился ровно в девять утра, а значит, сейчас около половины третьего. Можно было бы проверить, достав из кармана короткого пальто часы, но зачем? Зачем ему точное время, если он не опаздывает на поезд и не опаздывает на самолет? Ясное дело, что так или иначе он все равно опоздает, однако произойдет это совсем не по его вине. Он уже много раз в жизни опаздывал прийти на помощь, потому что предсказать, когда и где понадобится его помощь, с помощью точного времени было никак невозможно. Точное время действует только там, где есть расписание. Да и то не везде. А какое расписание может быть у несчастного случая или у болезни? Или у смерти? А? Чужую боль он чувствовал сердцем и очень издалека. И сердце в этот момент становилось глобусом боли, на котором, как и на обычном школьном глобусе, были начертаны страны и континенты, жирными точками были обозначены столицы крупных государств. И вот кольнет у него сердце слева и внизу, и понимает он, что кому-то из литовцев в Испании или Португалии плохо стало. Но чтобы понять, где найти этого несчастного, надо намного ближе к Испании или Португалии оказаться. Уж точно не в Польше, а где-нибудь ну хотя бы на половине дороги между Варшавой и Мадридом!

– Да! – согласился со своими мыслями Кукутис и кивнул.

И продолжил свой путь. За последующий час обогнали его два грузовика и автобус, а навстречу – ни одной машины. Небо в сумерках стало опускаться быстрее. Впереди огоньки деревеньки показались. И прибавил Кукутис шагу, ловко занося свою деревянную ногу вперед дальше, чем здоровую. Время от времени оглядывался он назад, чтобы вовремя с дороги сойти в случае появления машины. Однако со стороны Литвы дорога была пуста, да и в сторону Литвы никто не ехал.

Усиливающийся холод стал покалывать щеки. Дойдя до поворота к манящим оконным огням домиков, Кукутис свернул и ощутил облегчение.

Как и положено, крайний домик этого села был кособок и не покрашен, и всем своим видом взывал о помощи.

Кукутис зашел в открытую калитку. Поднялся на деревянный порожек, отчего доски под ногами закрипели жалобно. Постучал в деревянную дверь, обитую толстым серым войлоком, из какого в России валенки катают.

Минуты три прошло, прежде чем дверь открылась и в проеме появилась женщина лет шестидесяти в теплом синем платке, синей кофте и черной тяжелой юбке аж до пола.

– Dobry wieczór! – поприветствовал ее Кукутис по-польски. – Я из Литвы в Париж иду. Пустите на ночлег?

– Из Литвы? До Парижа? – Женщина всмотрелась в лицо странника, потом опустила взгляд ниже и, когда увидела деревянную ногу Кукутиса, сразу шаг назад сделала. – А как пана звать?

И понял Кукутис, что его впускают на ночь. Иначе зачем имя спрашивать?

– Кукутис, – сказал он.

– А я – Эльжбета.

Следом за хозяйкой прошел он в комнату, едва освещенную слабой лампочкой, свет которой еще больше глушила зеленая ткань абажура. На белых стенах – множество фотографий в одинаковых рамках. Под окошком слева – овальный стол и три венских стула. Справа – застеленная кровать с пирамидкой из трех подушек, возле нее – тумбочка. На ней графин с водой, стакан и коробочка лекарств.

Усевшись на стул, Кукутис оглянулся и возвратил взгляд на Эльжбету, присевшую рядом.

– Хорошо, что вы память о родных сохраняете! – произнес он задумчиво, кивнув на висящие на стенах фотографии.

Женщина отмахнулась, в ее глазах, несмотря на тусклый свет, гость заметил веселый огонек.

– Это я когда-то из киножурналов повырезала! Тут и актеры, и певцы наши... С ними как-то уютнее. То к одному подойдешь, то к другому. Поговоришь, и на душе легче становится!..

– Все равно, значит, родные! – кивнул Кукутис. – С чужими ведь о том, что волнует, не разговаривают!

Эльжбета всмотрелась в лицо гостя, и в глазах ее появилась озабоченность.

– Что это я вас забалтываю, когда вы с дороги! И устали ведь, наверное!

– Устал, – признался Кукутис.

– А худой какой, – всплеснула ладонями хозяйка, все еще не сводя глаз с лица гостя. – Я сейчас! – поднялась она на ноги. – Я сейчас вам на кухне постелю. Там хорошо, только мышки иногда пищат.

Минут через пятнадцать она провела Кукутиса на маленькую уютную кухню. Показала взглядом на лавку, край которой, деревянный, крашенный в коричневый цвет, выглядывал из-под старого полосатого матраса, накрытого, в свою очередь, красным ватным одеялом и простыней.

– Подушку я сейчас принесу!

– Не надо, – остановил ее гость. – Мне без подушки иногда лучше спится!

– Хорошо! Тогда доброй ночи! Я сплю крепко, так что не бойтесь шуметь, если надо! – сказала она и вышла.

Кукутис, оставшись один, достал из кармана пальто часы, открыл крышку и положил их на столик, отодвинутый под смежную стенку. Потом снял пальто и накинул его на спинку стула. Разделся. Отстегнул на ночь деревянную ногу, посмотрел, не износились ли ремешочки, которыми крепилась она к культе. Ремешочки хорошие, из свиной кожи. Им уже лет тридцать, если не больше! Чуть потерлись, но им еще служить и служить! Опустил тяжелую ногу аккуратно

под столик – что-то в ней звякнуло вдруг металлом, что-то в ее закромах. А Кукутис выключил в кухне свет и забрался под ватное одеяло.

Лежал, думал о хозяйке, слова ее в памяти перебирал, как четки. На холодильник поглядывал, под другой стенкой рядом с плитой, возле которой стоял небольшой газовый баллон.

«Да ведь и негде больше меня уложить тут! – подумал. – Домик однокомнатный, и как ей тут живется с ее тремя десятками актеров и певцов!»

Улыбка разомкнула губы.

– Вы такой худой, я вам на кухне постелю! – прошептали губы Кукутиса ранее услышанные слова.

Он прислушался. На столике тикали его часы, в холодильнике что-то журчало.

«Может, она ждет, когда я дверью холодильника хлопну? – подумал Кукутис. – Добрые женщины любят кормить странников, а она, Эльжбета, добрая! Я таких немало встречал!»

Полежав с полчаса, да так и не уснув, поднялся Кукутис на одну ногу. Держась руками за столешницу, умело одной ногой в сторону холодильника продвинулся, то пятку вперед выкручивая, то носок стопы. Открыл дверцу, и сразу на деревянный коричневый пол вылилось, как сырой желток, пятно света.

В холодильнике лоток яиц стоял, бутылка молока рядом, банка с брынзой в мутноватом рассоле, полпалки колбасы. В дверце – открытая бутылка «Зубровки» и коробочки с лекарствами.

А в гостиной тем временем свет погас, и понял Кукутис, что легла хозяйка. Легла, но, возможно, еще не спит, а о жизни думает. О жизни, и о нем, о Кукутисе. Пытается, наверное, понять: сам ли Кукутис к ней зашел, или его Бог к ней прислал. Конечно, стоит женщине в такой ситуации ответ на этот вопрос найти, и мир ее сразу перевернется. Это если она поймет, что странника к ней Бог послал. Но ведь и ее мир не так уже плох! Зачем его переворачивать?

Взял Кукутис с полки кусок колбасы. Откусил. Во рту разлился милый с детства вкус чеснока и вяленого мяса. Сейчас бы черного ржаного хлеба погрызть!

Кукутис хлеб взглядом нашел, но далековато он лежал – на подоконнике в деревянной миске.

Потянулся Кукутис рукой за бутылкой «Зубровки», открыл и горлышко к носу поднес. Запах водки оживил ноздри.

Вздохнул странник, снова закрыл бутылку пробкой и на место поставил. А вместо водки взял в руки сырое яйцо, ногтем большого пальца скорлупу снизу и сверху пробил, да и высосал яичко.

Снова хлопнула негромко дверца холодильника, и стало в кухне темно.

Улыбнулась, услышав этот шумок из кухни, Эльжбета. Улыбнулась, закрыла глаза и заснула.

Утром за окном валил снег, густой и хлопчатый.

Завтракали они чаем и брынзой. К брынзе Эльжбета поставила на стол черного хлеба, а к чаю – меду.

– Может, обождете? – спросила она, глядя в кухонное окошко.

– Обожду, – кивнул гость.

И сидели они за чаем долго. То молча, то осторожными словами обмениваясь. Эльжбета глаз с Кукутиса не сводила и так долго на него смотрела, что стал он ей таким же родным, как вырезанные из киножурналов портреты актеров и певцов.

– Я в одном журнале читала, – заговорила хозяйка после очередной паузы, – что женатые мужчины дольше неженатых живут.

– Да, и умирают реже, – с готовностью согласился Кукутис. – Так оно и есть! А еще женатые реже под поезд или под машину попадают. И тонут не так часто. Может, женись я

вовремя, топал бы сейчас по земле двумя собственными ногами, а не одной собственной, а одной деревянной! Но мудрость приходит слишком поздно...

– А что ж не женились? – уже смелее спросила Эльжбета, восприняв словоохотливость Кукутиса как готовность о своей жизни рассказать.

Кукутис глотнул чаю, полюбовался черной в красных розах кофточкой на хозяйке, одетой явно в его честь. Юбка на Эльжбете этим утром короче была, чуть ниже колен, но тоже черная и теплая.

– Я бы женился, только отец невесты против был, – сказал гость и вздохнул. – Давно это было.

Кукутис повернулся к окну, на валивший сплошным белым пухом снег засмотрелся. Так засмотрелся, что забыл, на что смотрит. Белое оно и есть белое, даже если сверху вниз летит.

– Как же его звали? – прошептал Кукутис.

– Кого? – спросила хозяйка.

– Мельника. Отца невесты моей. Ее Рамуте звали.

– Красивая была?

– Очень. Глаза зеленые. Носик, как у лисички, тоненький.

– Стройная была?

Кукутис отрицательно мотнул головой.

– Горбатенькая.

Эльжбета почему-то устала смотреть на профиль гостя, уставившегося в окошко. Тоже на снег взгляд свой перевела.

А Кукутис, наоборот, обернулся и ей в лицо заглянул. Глаза их встретились, и показались ему глаза хозяйки такими же, как у Рамуте.

– И отец не отдал за вас горбатую дочь? – В голосе Эльжбеты прозвучало искреннее удивление.

– Не отдал, – Кукутис вздохнул. – Не отдал горбатую за одноногого! Думал, что я на ней из-за мельницы женюсь. А еще думал, наверное, что какой из меня, одноногого, помощник на мельнице? Мешки с мукой носить я не мог, лопасти чинить – тоже. Так и не сложилось у нас счастья.

– Жалеете?

– Как не жалеть? – Кукутис провел ладонью по щеке, вспомнив, что утром не побрился. Не достал из тайного ящичка своей деревянной ноги опасную, острозаточенную бритву.

И вдруг остановился за окном снегопад, и светлее стало.

«Не Бог его послал», – подумала Эльжбета.

А Кукутис попросил хозяйку воды нагреть. Побрился. Проверил, хорошо ли деревянную ногу на место приладил.

Дала Кукутису хозяйка в дорогу недоеденную им ночью колбасу и кусок брынзы с ломтем хлеба.

– Сейчас такие красивые новые ноги делают, – сказала она напоследок, когда он уже в пальто на пороге стоял. – Я по телевизору видела! Люди с такими ногами даже в Олимпиаде участвуют!

– Я слишком стар для новой ноги, – спокойно ответил на это гость. – Да и к старой привык, она у меня особенная! Сейчас таких больше не делают!

Эльжбета кивнула. И соглашаясь со странником, и прощаясь с ним одновременно.

Под ногами снег хрустел. Шел Кукутис по обочине слева от свежих следов проехавшего недавно автомобиля. Впереди показалась другая дорога, та, с которой он прошлым вечером свернул. По ней ехали грузовики и автобусы. Ехали в основном направо, в сторону Германии. Ну а там, вокруг Германии, и вся остальная Европа сгрудилась. Направо – датчане с норвеж-

цами, прямо – голландцы, слева – французы с итальянцами. Главное до правильной развилки добраться!

Глава 13. Лондон

Три ночи подряд на улицы Лондона ложился снег. Тонким слоем укрывал тротуары и дороги. На дорогах он таял быстрее, и уже часам к восьми утра благодаря машинам и автобусам от него ничего, кроме мокрого асфальта, не оставалось. На тротуарах он задерживался дольше, словно хотел показать, из каких домов и куда выходили люди, оставлявшие на снегу следы своей обуви.

Ингрида и Клаудиус в это утро вышли первыми из дверей своей подвальной квартирки. Первыми на ступеньках и следы оставили.

На ужин их пригласил в гости Марюс, одноклассник Клаудиуса, тот самый, что встречал их в Лондоне на автовокзале. Но до ужина далеко. Болгарка Таня, у которой они снимали комнатку, предложила Клаудиусу «теплую» работу на пару дней. Но сразу предупредила, что работа хоть и легкая, но ответственная, что он будет вдвоем с напарником, за которым надо следить, чтобы тот ничего не взял.

– А делать-то что надо? – спросил он в конце концов нетерпеливо.

– У костра сидеть, – ответила Таня. – Бумажки разные сжигать.

Клаудиус удивился предложению, но пятьдесят фунтов за день сидения у костра его вполне устраивали.

И вот сходили Ингрида и Клаудиус с самого утра по свежему снегу в ближайший мини-маркет, купили две сим-карты, заменили в мобильных литовские номера на английские, купили два йогурта и вернулись к себе. Кухня была свободна, и ее теснота оказалась идеальной для завтрака на двоих. В квартире было удивительно тихо. Даже не верилось, что за стенками спят еще две пары, с которыми Ингрида и Клаудиус пока даже и не познакомились.

– Я, как освобожусь, тебя наберу, – пообещал Клаудиус. – Меня сюда обратно привезут.

– А к Марюсу на который час?

– На восемь!

Над окном кухоньки затарахтел мотоцикл. По ступенькам к двери в их подвальную квартиру спустился мужчина лет сорока в черном комбинезоне из искусственной кожи. Постучал.

Уже проводив взглядом Клаудиуса и незнакомца, заехавшего за ним, переждав удаляющийся шум мотоциклетного мотора, Ингрида бросила себе в чашку новый пакетик чая и залила его кипятком.

Тишина в квартире стояла идеальная, стерильная. Ингриде показалось, что от этой тишины веет холодом. Потрогала батарею под окошком. Она не грела. Обвела кухоньку ищущим взглядом и вдруг, к своей внезапной радости, заметила маленький радиоприемник в углу на кухонной тумбочке. Проводок, тянувшийся от него к розетке, словно доказывал, что приемник работает. Ингрида нажала сверху на приемнике важно торчащую красную кнопку, и приятный, немного вкрадчивый голос ведущего стал рассказывать ей о благотворительном концерте в помощь детям-сиротам из Румынии. Ингрида заслушалась, восхищенная тем, что практически каждое слово, вымолвленное этим ведущим, было ей понятно. «Неужели я так хорошо знаю английский?» – обрадовалась она.

И стало ей чуть теплее.

Вспомнилось прошлогоднее Рождество. Мама, папа, младшая сестричка и бумажные снежинки, наклеенные на окна. В прошлом году снежинки вырезала из бумаги сестричка. А раньше они вырезали их втроем с сестричкой и мамой. Мама, у которой ножницы в руках всегда были ловчее, чем у дочерей, вырезала и ангелочков с крылышками. И когда-то рождественские картинки на окнах их квартиры в Пренай были очень богатыми. Внизу, сразу над белым широким подоконником – белые ангелы. Некоторые из них смотрят вверх, на небо, хотя никто им не дорисовывал глаза. Да и не нужны им были глаза! Мама так хорошо вырезала фигурки, что головка ангела, задранная вверх, смотрящая невидимыми глазами в небо, казалась более правдоподобной, чем раскрашенные, яркие и глазастые ангелы и серафимы в костеле. А сверху

над ангелами по стеклу были расклеены ажурные снежинки: крупные внизу, а чем выше, тем мельче! Ведь то, что дальше, кажется более мелким, чем то, что ближе!

Из радиоприемника полилась музыка Дебюсси, узнаваемая, легкая, такая легкая и нежная, что ее можно поймать и перенести на кончике мизинца поближе к уху. И оставить там.

Воспоминания вызвали у Ингриды теплую, добрую грусть.

И снова появились перед глазами окна их квартиры, высокие окна просторной кухни, на которые они клейстером наклеили с мамой и сестрой ангелов и снежинки. Наклеили днем, когда за окнами было еще светло. А когда стемнело, и белые фигурки ангелов, и ажурные снежинки словно засветились в темноте. И возникло странное, волшебное ощущение праздника. Мир уменьшился, в их маленьком мире остались только они с мамой, папой и сестрой, и эти ангелы, которых вот-вот покроет бумажный снег.

Ингрида посмотрела в окно, подняла взгляд, и он выбрался из бетонного колодца, ушел в серое зимнее небо.

Потом присмотрелась к стеклу. Его давно не мыли.

Снова зазвучал вкрадчивый, добрый голос радиоведущего.

И вдруг сверху вниз в законный колодец упала тень. Кто-то спускался к двери.

Ингрида отжала красную кнопку на радиоприемнике и он замолк.

Болгарка Таня опустила тяжелую сумку на порог, достала из кармана белой пуховой куртки ключи и открыла входную дверь.

Глава 14. Париж

Парижский снег похож на мальчишку, который дразнит щенка. Свистнет, подождет, пока его щенок заметит, и забежит за угол. И крутит бедный щенок мордой во все стороны, не понимая, куда делся тот, кто его позвал.

В последние дни снег словно специально начинал падать часов в шесть утра, чтобы к полудню от него и следов не осталось. Но в шесть-семь утра, когда правильные парижане выбегают в свои булочные, он падал. Падал и на город, и на горожан.

Андрюс старался пройти эти сто метров до булочной быстрее обычного, но в действительности смысла в этом не было. Все равно очередь за багетами и круассанами в булочной не помещалась. Но двигалась она быстро и уже через минуту-другую он оказывался внутри, смахивая ладонью с макушки еще не растаявшие снежинки.

– У нас осталось триста семьдесят два евро, – спокойно объявила ему Барбора за завтраком. Объявила и, не дождавшись ответа, отломала еще кусочек багета и, макнув его край в банку со сливовым джемом, отправила в рот.

– Все будет хорошо, – заверил ее Андрюс. – Давай договоримся, что о деньгах будем разговаривать не раньше обеда! Чтобы не портить утро!

Он перевел взгляд на окно, за которым все еще падали снежинки, но теперь их было намного меньше.

– Утро деньгами не испортишь! – ответила с улыбкой Барбора. – Это я так, чтобы ты помнил!

На площади Републик снова крутилась карусель. Лошадки и ослики поднимали и опускали детишек, восторженным взглядом провожавших проносившиеся мимо машины и дома. Рядом снова стояли мамы и няни. Другие мамы и няни ожидали очереди покатасть своих малышей, жадным взглядом следивших за умопомрачительным кручением-вращением этого огромного, волшебного, яркого «волчка».

Как только Андрюс надел красный нос, мальчишка-китаец, обернувшись, закричал: «Сяочао!» и захлопал в ладошки.

Другие дети, а за ними уже и мамы с нянями, отвлеклись от карусели, и Андрюс тотчас опустился на корточки и пошел по кругу смешной утиной походкой, раскачиваясь из стороны в сторону и только каким-то чудом не падая на мокрый от растаявшего снега асфальт.

Пятнадцать минут клоунады принесли Андрюсу почти семь евро и немного усталости.

Мальчишка-китаец в надутой желтой куртке, тот самый, что первый узнал Андрюсу и закричал «Сяочао», подбежал и, задрав головку и протянув руку, попытался дотянуться пальчиками до красного клоунского носа. Андрюс наклонился пониже, чтобы планы малыша осуществились. Мальчишка потрогал нос, и улыбка его стала еще шире, а глазки еще уже. Он снова радостно выкрикнул «Сяочао!». Андрюс вопросительно посмотрел на стоявшую за малышом красивую китайянку.

– Лё клун! – перевела она на французский.

– Ну да, клоун! – закивал Андрюс. Потом подпрыгнул смешно, чем снова привел в восторг собравшихся вокруг него малышей, снял перед ними невидимую шляпу, поклонился и отправился в сторону рю Рене Буланжер, на ходу несколько раз обернувшись и помахав рукой.

– После бульона – прогулка по окрестностям! – заявила Барбора. – Будем искать новые места!

– Для моей клоунады? – спросил Андрюс.

– Нет, для моего полуденного кофе!

К бульону очень хорошо подошли вчерашние круассаны, щедро промазанные внутри паштетом. Паштет приглянулся Барборе своей ценой и нарисованной на этикетке уткой. Пред-

ставить себе утку, утрамбованную в маленькую стеклянную баночку стоимостью семьдесят евроцентов, смог бы только писатель-фантаст, но, видимо, Барборе тоже это удалось. И она с нескрываемым удовольствием макала круассан с паштетом в чашку с бульоном и отправляла в рот. Вкус куриного бульона смешивался с воображаемым вкусом воображаемой утки из паштета и вызывал у Барборы никогда ранее не переживаемые «буддистские» эмоции – спокойное и радостное безразличие к окружающему миру.

– О чем задумалась? – полюбопытствовал Андрюс.

– Я? – встрепелась Барби. – Да ни о чем! Тут рядом есть красивый парк с йогами. Я, наверное, о йогах задумалась...

– Хочешь заняться йогой?

Барби пожала плечами.

– Лет через двадцать. Там, в парке, молодых йогов не было.

– А эти йоги в парке – индусы?

Барби на мгновение прикрыла глаза, словно пытаясь восстановить в воображении картинку ранее увиденного, и отрицательно покачала головой.

– Нет, французы и китайцы. И тренер у них – китаянка. Ей лет... – Барби бросила взгляд вверх на лампочку, свисавшую с потолка. – Даже и не скажешь, сколько ей лет... Это, наверное, потому что она йогой занимается. Может, ей уже лет сто!

– Это потому, что она китаянка! – Андрюс дожевывал хвостик круассана. – Только китаец может догадаться, сколько лет другому китайцу! Меня сегодня один маленький китаец признал, а за ним китаянка стояла. Или мама, или бабушка – трудно сказать! Кстати, знаешь, как будет клоун по-китайски?

– Как?

– Сяочао!

– Так ты, оказывается, мой любимый «сяочао»! – Барбора улыбнулась.

Полчаса спустя, пройдясь по говорливой рю де Бельвиль, они свернули в незнакомый безлюдный переулок. Шли как туристы, то и дело задирая головы и рассматривая дома, обычные и однообразные. Андрюса удивляли открытые окна. Все-таки не так уж и жарко на улице. Да и отопление стоит денег! А они чуть ли не высовываются из окна с сигареткой или чашечкой кофе! Правда, эти «они» не всегда были похожи на настоящих французов. Может, настоящие французы зимою окна не открывают?

– Смотри! – радостно воскликнула Барбора.

Они остановились на тротуаре возле двух ступенек, поднимавшихся к коричневой деревянной двери парадного. Прямо перед ступеньками, оставив, может, полметра для прохожих, кто-то сложил ненужную домашнюю утварь и мебель: микроволновку, старый кубик-монитор от компьютера, два стула, детскую кроватку и несколько картонных ящиков из-под бананов.

– Посмотрим? – предложил Андрюс.

Барбора скривила губки.

– Микроволновка у нас есть, а по картонкам рыться нам еще рановато – мы не бездомные!

– Тогда почему ты так обрадовалась, увидев эту кучу? – удивился Андрюс.

– Потому, что это типичный Париж! Я бы тоже так хотела жить! Выносишь из дому то, что тебе не надо и покупаешь новое!

– Тебя иногда не понять! – по-доброму проговорил Андрюс.

– Зато ты мне всегда понятен, сяочао! – Барби взяла Андрюса за руку и потянула дальше по переулку. – Идем искать парижское кафе!!!!

Глава 15. Аникщай

Маленький красный «фиат» чуть не влетел в зад поворачивавшему на автовокзал автобусу «Каунас – Аникщай». Дикий визг тормозов напугал и прохожих, и пассажиров автобуса, тут же прильнувших к окнам, и водительницу маленькой машинки Ренату, которая так сжала руль в своих ладонях, словно он был спасительным кругом, а вокруг нее бушевал океан. Машина уже остановилась, проехавшись по подмерзшему, скользкому асфальту. Сзади засигналили. Рената, все еще перепуганная, нажала на педаль газа, и «фиат» тронулся с места, но тут же «причалил» к бровке и застыл с включенной аварийкой у невысокой горки снега, явно сдвинутой на тротуар трактором или грейдером. Рената отпустила руль. Посмотрела через окно пассажирской дверцы на автовокзал. Из автобуса как раз выходили пассажиры. Водитель поднял крышку бокового багажного отсека, и несколько мужчин стали выгружать оттуда квадратные картонные ящики. Она так увлеклась наблюдением за ними, что не сразу заметила Витаса, уже приближавшегося к ее «фиату».

Дверь, через которую она смотрела на автобус, открылась и Витас опустился на пассажирское сиденье рядом. Сел сначала спиной к Ренате и постучал ботинком о ботинок, сбивая налипший снег.

– Привет! – сказал он, развернувшись и усевшись поудобнее. – Ты чего такая бледная?

– Знаешь, я чуть в твой автобус не врезалась! – призналась Рената.

– Так это ты тормозила? – Витас широко открыл глаза, полные удивления.

Рената кивнула.

– Первый раз такое, – сказала негромко. – Задумалась и про дорогу забыла... А тут еще скользко... Зима!

– А о чем задумалась?

На ее лице выразилось сомнение, словно она не могла решить сразу: говорить ему или нет.

– О тебе задумалась, – призналась она наконец. – Точнее – о нас и об Италии...

Витас улыбнулся. Слово «Италия» будто бы приподняло его над сиденьем машины.

– И что ты о нас и об Италии подумала? – продолжил допытываться он.

Рената вздохнула:

– Потом скажу!

Асфальтированная лента дороги бежала вперед сначала ровной полосой, а потом, после поворота, когда «фиат» съехал с главной дороги на боковую, боковая завилалась, как собака хвостом – то влево, то вправо, оставляя позади то холмик со старым кладбищем и парочкой деревянных крестов, то рощицу, за которой спрятался одинокий заброшенный хутор. Еще два холмика с крестами остались позади, а значит, до хутора Йонаса осталось минут пять по насыпной, уже не асфальтированной дорожной ленточке, покрытой укатанным снегом, блестящей на холодном зимнем солнце, которому, казалось, в это послеобеденное время тоже не очень-то жарко на сероватом, вроде бы даже промерзлом безоблачном небе.

Очень скоро от насыпной, покрытой укатанным снегом дорожки отделилась личная колея Ренаты и она аккуратно повела по ней свой маленький «фиат» дальше, к дому. И остановила машину в самом конце колеи, где она не обрывалась, а просто останавливалась перед покрытым мерзлой коркой ровным снегом. На фоне темно-серой торцевой стены большого амбара красная машинка смотрелась так ярко и неожиданно, как смотрелся бы компьютер, поставленный сверху на старинную буржуйку.

Перед деревянным порожек дома Витас замешкался. Принялся старательно сбивать снег с ботинок, хотя снега на них уже не было.

– Ты что, деда Йонаса боишься? – усмехаясь, спросила Рената.

– Нет, что ты! – Витас отвлекся от ботинок. – Но он как-то странно смотрел на меня тогда, в «Шенгенскую ночь»!

– Не странно, а пристально! – поправила его Рената. – Он на всех так смотрит потому, что зрение плохое. Да и глаза его всем кажутся слишком большими и недовольными, это из-за линз очков! Пошли!

В коридоре ближними к выходу стояли сапоги деда Йонаса, и возле них блестела лужица растаявшего снега. Значит, выходил он на двор, пока внучки дома не было.

Разувшись, оба прошли на половину Ренаты. Витас только оглянулся на много раз перекрашенные двери, ведущие к деду Йонасу, в его жизненное пространство.

– Что-то у него тихо! – с подозрением произнес Витас, усевшись на диван.

– А почему у него должно быть громко? – удивилась Рената. – Он рок не слушает, телевизор не смотрит! Старики вообще стараются жить незаметно для окружающих!

– Да, – согласился Витас, но по его взгляду Ренате стало понятно, что думает он уже о чем-то другом. – Так из-за каких мыслей ты чуть в мой автобус не врезалась? – спросил он после короткой паузы.

Рената присела рядом, закинула руку Витасу на плечо, поцеловала его в щеку. Он хотел уже было обнять ее и поцеловать по-настоящему, но тут она его остановила:

– Ты хочешь целоваться или узнать, о чем я думала?

– Узнать, конечно! – закивал он и чуть отодвинулся.

– Я думала, что нам еще рано куда-то ехать, – серьезным тоном проговорила Рената и посмотрела ему в глаза, ожидая реакции.

– Почему? – искренне озадачился Витас.

– Сколько времени мы знакомы? – спросила молодая хозяйка половины хуторского дома.

– Ну, почти пять месяцев или даже чуть больше!

– А сколько дней мы провели вместе? – продолжила она вежливый допрос.

Витас задумался.

– Семь? – полуспросил он.

– Шесть, – подсказала она правильный ответ. – А сколько ночей мы провели вместе?

– Три.

– Четыре, – поправила она его опять. – Или ты «Шенгенскую ночь» не считаешь?

– Не считал, мы же были с другими.

– Видишь, – она опять усмехнулась. – Для тебя ночь – это секс, а для меня – это быть вместе! Но это ничего, это, наверное, у всех так... Но дело в том, что если я уеду, то дед останется один. И если он заболеет или что-то случится, то никого рядом не будет! Я с ним уже несколько раз об Италии говорила, и о тебе... Ему уже много лет, и просто страшно оставаться одному. Я это чувствую.

– Сейчас одиночество перестало быть страшным, – Витас пожал плечами. – Есть мобильники, есть интернет, есть, в конце концов, скайп, по которому можно со всеми в мире связаться.

– Знаешь, у нас тут иногда пропадает электричество. Три недели назад ветер свалил ветку сосны на провода и мы два дня жили при свечах. Одиночество не лечится скайпом!

– Так ты хочешь сказать, что в Италию со мной не поедешь? – Витас наконец решился задать прямой вопрос, который уже несколько минут просился на язык.

Рената отрицательно мотнула головой.

– А как же мы? Как же наши планы? – спросил он.

– Я пока отсюда уехать не могу. Если ты хочешь, чтобы мы были вместе, то переезжай ко мне! – По голосу Ренаты стало понятно, что она волнуется. Ее глаза стали влажными.

– А давай я с ним поговорю, – предложил вдруг Витас. – По-мужски поговорю! Он меня поймет! Его старость не должна мешать нашей молодости!

Рената явно не ожидала этих слов и сразу ничего ответить не смогла.

– Точно, – осмелел Витас. Поднялся с дивана. – Я пойду и поговорю с ним! А ты тут посиди! Можешь обедом заняться.

И, словно боясь, что Рената сейчас станет его останавливать, он поспешил к выходу в коридор.

Остановился перед зеленой, много раз перекрашенной дверью. Постучал. Не услышав ответа, взялся за ручку, потянул на себя. Дверь подалась, приоткрылась, и Витас заглянул в щелочку. Увидел в левом углу кухню с маленьким окошком, столиком и висящими на стене сковородками и крышками для кастрюль. Увидел окно комнаты – побольше кухонного. Стол под ним. Чайную чашку и закрытую книгу. Справа от столика и стульев – украшенная игрушками елочка.

Открыл дверь пошире и заглянул на правую сторону комнаты. Там, на старой кушетке, на боку спиной к стенке и лицом к окну чуть подогнув ноги дремал дед Йонас.

Витас ступил в комнату и остановился. Здесь, на этой половине дома, ему в нос ударил другой, незнакомый запах. На половине Ренаты воздух казался стерильным, очищенным от любых ароматов и запахов. Тут же запах присутствовал, и чем больше Витас старался понять его, тем сложнее и многопричиннее он казался. Когда Витас смотрел на дремлющего деда Йонаса, то в запахе появлялись оттенки старой кожи – кушетка, на которой лежал дед, была обита коричневой кожей. На ближнем к двери углу кожа была протерта до дырки. Когда Витас перевел взгляд снова на кухню, то ощутил в запахе нотки старого сыра и сарая, в котором живут мыши. Но когда остановил взгляд на окне, то запахи исчезли, словно в какой-то очень умной компьютерной игре, словно запах был подсказкой возраста или назначения предмета, на который падал взгляд.

Витас тряхнул головой. Захотелось отсюда выйти. Этот мир был ему чужим, слишком старым, полумертвым. Но все-таки он зашел сюда смело и с конкретной целью – поговорить с дедом, сказать ему, что он не может и не имеет право решать за внучку, что ей делать, а что – не делать!

Витас приблизился к кушетке. Под его ногами скрипнула половая доска, и дед Йонас открыл глаза.

Посмотрел на Витаса недовольно и удивленно. Медленно, покряхтывая, уселся на кушетке.

– Добрый день, – поспешил сказать Витас. – Вы меня помните? Я к Ренате приезжал.

– Да, да, – дед кивнул. – А что, опять надо что-то из кухни?

– Нет, я хотел только спросить...

– Ты же Витас, ветеринар! – понял дед Йонас. – Спасибо, что зашел! Значит, Рената тебе сказала!

– Что сказала? – не понял парень.

– Ну, здоровье Барсаса проверить, моего пса! Он какой-то грустный в последнее время!

Дед Йонас поднялся на ноги и сонной походкой подошел к окну. Посмотрел на снег, на дерево – яблоню, росшую метрах в трех от дома. На видневшуюся слева стену амбара и стоящую под ней красную машины Ренаты.

– Он там, – показал дед Йонас рукой в окно. – Будка за амбаром, ее отсюда из-за машины не видно!

Витас подошел, тоже в окно выглянул. Вся его решительность куда-то исчезла. Зато ярче почувствовал он в этом месте запах кухни, к которому добавились оттенки сбежавшего молока. Он бросил взгляд налево и увидел на плите ковшик с длинной металлической ручкой и подумал, что молоко сбежало именно из этого ковшика. Разговаривать с дедом Йонасом об Италии и Ренате сейчас не имело смысла.

– Да, я посмотрю на него, на Барсаса, – пообещал Витас. – Сейчас, мы перекусим только, и я выйду!

– Ну спасибо! – сказал Йонас. – А я по лесу пройду. Снег под ногами послушаю! Корка у него сейчас, наверное, твердая! Ветер ее подшлифовал, хорошо ветер дул в последние дни.

– Ну что, поговорил? – спросила Рената Витаса, когда тот вернулся на ее половину.

– Нет. Он сразу попросил его собаку осмотреть! Как-то уже было не к месту об Италии...

Рената вздохнула с облегчением.

– Ну и хорошо, – сказала. – Сейчас посмотришь, или сначала поедим?

– Давай сначала поедим, – попросил Витас. – Я к тебе шесть часов ехал!

Ели молча.

– Не надо с ним говорить, – решительно посоветовала Рената уже за чаем. – Я все равно не поеду отсюда, пока он жив. А потом, – она оглянулась на дверь, ведущую в коридор, – потом – все равно куда. Можно в Италию, можно в Испанию...

– А сколько деду лет? – спросил Витас и тут же устыдился вопроса, прозвучавшего так, будто он спросил: «А когда же этот старик умрет наконец?»

– Много, – ответила Рената. – Очень много. Почти девяносто.

Они слышали, как дед вышел в коридор, как наклонился, обувал сапоги и брал оцинкованные ведра для снега. Слышали, как хлопнула дверь.

К Барсасу вышли вдвоем. Он лежал в будке и только его коричневый нос торчал наружу.

– Ну что, песик? – спросила, присев на корточки, Рената.

Барсас поднялся и выбрался неспешно на снег.

– Это Витас, – показала овчарке рукой Рената на стоящего метрах в двух парня в джинсах и синей куртке. – Он умеет лечить собак и кошек. Он свой! Подойди! – последнюю команду она дала Витасу.

И он опустился на корточки рядом, подsunул ладонь под нос Барсаса, чтобы овчарка «записала» его запах в список запахов «своих».

– Так что тебя волнует, старичок? – спросил дружески Витас, погладив овчарку по загривку. – Тебе сколько лет?

– Ему тринадцать, – ответила за собаку Рената. – И последнее время он почти ничего не ест.

– Ха! – вырвалось у Витаса. – Так это уже предельный возраст! Что тут смотреть?

Однако вопреки своим словам он протянул руку и мягко толкнул лежащего на животе Барсаса на бок. Овчарка повалилась, протянула лапы в сторону, потом поджала. Витас принялся ощупывать пальцами живот собаки, надавливая на него в разных местах.

Барсас вдруг заскулил, и Витас отвел руку, подождал с полминуты и снова нажал на то же место. И снова собака заскулила и попробовала встать на лапы.

– Лежи, лежи! Больше не буду, – успокоил ее Витас.

Обернулся к Ренате.

– Знаешь, этому псу столько же лет, сколько твоему деду! Лечить его, даже если это не просто старость и слабый кишечник, не имеет никакого смысла! Если б мы были сейчас в Каунасе, то можно было бы сделать рентген, но мы ведь в ста километрах от любой цивилизации...

– Так что ты скажешь деду по поводу Барсаса? – спросила Рената.

Витас вздохнул.

– Скажу, что вашему Барсасу, как любому старику, надо давать есть только мягкую и теплую еду, и никаких костей! Вот и все!

Витас поднялся на ноги и заметил слева чуть поодаль шесть продольных холмиков с частично выглядывающими из-под снега табличками.

– А это что у вас тут за кладбище? – удивился он.

– Там собаки дедушкины похоронены, – объяснила Рената, тоже поднявшись на ноги и проводив взглядом вернувшегося в будку Барсаса. – Шесть собак у него было с рождения. Барсас – седьмая.

– Седьмая? – переспросил Витас. – Семь собачьих жизней – это и есть одна человеческая. Ладно. Я тебе напишу лекарство для пса, закажешь по интернету, и аппетит к нему вернется.

– Ты только деда успокой сейчас, скажи, что у собаки проблемы от возраста, а не от болезней! – попросила Рената. – Он это поймет!

К вечеру на хутор деда Йонаса и его внучки посыпался снег. Все стало белым, даже красная машинка Ренаты полностью исчезла под снегом. И падал он как-то необычно шумно, словно крупные снежинки или терлись друг о друга, пока летели или разговаривали.

Рената и Витас, устав от взаимной нежности и отдохнув от нее потом, поднялись и голыми стояли в темной комнате перед окном, за которым темная ночь продолжала покрываться белым снегом. В теплую комнату откуда-то просачивался холодный зимний воздух и время от времени его тонкие потоки дотрагивались, как кончиками иголки, то до руки Витаса, то до щеки Ренаты. И они, пытаясь защититься от этих невидимых сквозняков, стали к ним спинами, обнялись что было силы, вжались друг в друга так, что если б кто-нибудь увидел их очертания в темноте, то подумал бы, что стоит в комнате один мужчина покрупнее среднего, или одна женщина, которую тоже худенькой не назовешь.

– Ты завтра останешься? – шепот Ренаты согрел ухо Витаса.

– Нет, мне надо назад! – прошептал он в ответ. – Если мы не едем в Италию, значит, надо кое-что отменить... И многое обдумать.

На словах «мы не едем в Италию» Рената еще сильнее прижала к себе Витаса. Ее губы коснулись мочки его уха.

Глава 16. Лондон

Клаудиус устал вертеть головой, пытаясь выхватить взглядом то красивую церковь, то старинный особняк. Пока мотоцикл ехал не быстро, то и дело останавливаясь на светофорах, разглядывание проплывающих мимо лондонских достопримечательностей даже приносило удовольствие. И это несмотря на явное неудобство, ведь сидел он за спиной мотоциклиста, обхватив его спереди, на животе, руками. Руки терлись об искусственную кожу комбинезона, и это трение приятным назвать никто бы не решился. Самым неприятным, однако, для Клаудиуса было то, что он совершенно не помнил лица мотоциклиста. А сейчас на голове у того был шлем. Клаудиус помнил, что волосы – русые, и лицо худое, вытянутое. Из тех нескольких фраз, которые он услышал, ему стало понятно, что парень разговаривает на английском со славянским акцентом. Но сейчас, когда центральный Лондон остался позади, а по бокам потянулись индустриальные площадки, склады, заборы, в мыслях у Клаудиуса возникло беспокойство.

Ехали они минут сорок – пятьдесят. И наконец мотоциклист сбросил скорость и стал придерживать взглядом правой стороны. За очередным длинным забором промелькнул пустырь с руинами не очень старого строения, дальше за новым забором из металлической сетки стояли бесконечные ряды мобильных домов-караванов. На торговую площадку это место похоже не было, да и караваны были старенькими, грязными, пыльными. Клаудиус с любопытством разглядывал эти белые вагончики на колесах и вдруг заметил, как в одном из них открылась дверца и наружу выглянул непричесанный, голый по пояс старик. Услышал, как там же, где-то рядом со стариком, залаяла собака. Увидел дымок, поднимающийся откуда-то из-за домов-караванов. Клаудиуса разобрало любопытство.

– Это тоже Лондон? – спросил он по-английски мотоциклиста, наклонившись вперед и почти вложив свой вопрос в правое закрытое шлемом ухо.

Мотоциклист услышал.

– Да, это еще Лондон, – ответил он.

Когда поле, занятое городком мобильных домов, осталось позади, мотоциклист притормозил и осторожно въехал в открытые ворота следующей огороженной территории. Остановился около сложенных в три этажа друг на друга морских контейнеров.

Клаудиус соскочил с мотоцикла и размял ноги.

Парень, не снимая шлема, прислонил свой двухколесный транспорт к контейнеру, потом жестом позвал Клаудиуса за собой.

Они прошли метров пятьдесят, после чего мотоциклист остановился. Стащил с головы шлем и обернулся к Клаудиусу.

– Мы раньше времени, придется обождать, – сказал.

– А как тебя зовут? – спросил литовец.

– Адам, – нехотя ответил парень.

Через минут пятнадцать на территорию заехал крытый грузовик. Чернокожий водитель доехал до крайних синих контейнеров с надписью «Maersk». Там остановился, вышел из кабины. Увидев приближающихся к нему двух парней, приветственно махнул рукой.

Они вдвоем сбросили с грузовика на покрытую снежком землю несколько десятков черных мусорных мешков, плотно завязанных и не очень тяжелых. Машина уехала. Адам развязал пластиковый мешок, щелкнул вытащенной из кармана комбинезона зажигалкой и сунул ее, горящую, внутрь мешка. В воздухе запахло паленой бумагой.

– Это все нам надо сжечь? – спросил Клаудиус, глядя на сваленные на землю мешки.

– Ага.

– Так лучше высыпать все в кучу и...

– Если высыпать, то часть сгорит, а часть улетит по ветру, – спокойно объяснил Адам. – А наша задача, чтобы все сгорело.

– А что это? – поинтересовался Клаудиус.

– Бухгалтерия, – Адам пожал плечами. – Цифры, буквы, печати...

– Ага, – кивнул Клаудиус. – А я думал, что сейчас вся бухгалтерия в компьютере хранится!

– Обычно да. То есть «белая» – в компьютере, а «черная» вот так, на бумажках.

– «Черная»? – удивился Клаудиус. – В Англии?!

– А какая разница: в Англии или в Венгрии? – усмехнулся белобрысый Адам. – Глобализация – штука серьезная! Я в Будапеште барменом работал, так у нас по «черной» бухгалтерии в тридцать раз больше денег проходило, чем по «белой»! Но «белую» после всех расчетов и дележек уничтожают, а «черную» хранят. По этим бумажкам, видно, уже всё поделили! Хотя я себе пакетик такого мусора забрал бы, – Адам вопросительно посмотрел в глаза Клаудиусу. – Времени свободного хватает. Можно поизучать, ума поднабраться! «Черный бухгалтер» – классная профессия!.. Ты же промолчишь, если я один мешочек возьму себе?

Клаудиус замер. Он вспомнил напутствие Тани.

– Мне сказали, чтобы я за тобой следил, – признался он. – Чтоб ты ничего отсюда, – он кивнул на черные мешки, – не взял...

– А мне сказали следить за тобой, чтобы ты ничего не взял, – развел руками Адам. – А мне все равно! Если хочешь, то можешь взять!

В разговоре наступила пауза. Адам, дождавшись еще с минуту ответа Клаудиуса и не дождавшись, развязал второй мешок, вытащил оттуда несколько листов бумаги, пробежал взглядом. Потом поджег один из них зажигалкой и поднес огонь к торчавшим из горловины черного пластикового мешка документам.

– А ты кем у себя дома работал? – снова обернулся он к напарнику.

– Диджеем, грузчиком на пивзаводе. Отцу помогал – у него автомастерская. На курсы массажистов хотел пойти...

– О-о! А зачем тогда уехал?

– У нас, в Литве, никакой перспективы...

– Что, массаж делать некому?! – Адам рассмеялся. – Перспектива, она для тех, кто остается. А уезжают за мечтой! Обычно – за бесперспективной.

Пока шипел пламенем второй мешок, первый сдулся, пластиковая кожа на нем расплавилась и расползлась, а напоследок еще вспыхнула синим огнем. Истлевшая и сгоревшая бумага еще дымилась.

Адам со знанием дела принялся за следующие мешки, каждый раз, перед тем, как запустить внутрь огонь, вытаскивая из них и просматривая беглым взглядом ближние к горловине документы. Предпоследний мешок своими бумажками вызвал у него нескрываемый интерес. Первые же вытащенные документы после краткого ознакомления он закрутил в трубочку и сунул за пазуху комбинезона. Туда же он засунул через несколько минут еще одну пачку бумаг, уже не скручивая их, так как пачка оказалась основательной. Отодвинув раскрытый мешок в сторону, он взялся за последний. Сунул внутрь горящую зажигалку. А предпоследний мешок после этого завязал, приподнял, словно примериваясь к его весу, похлопал по бокам, будто подравнивая и утрамбовывая его содержимое.

На Клаудиуса он больше внимания не обращал. Да и сам он вдруг понял совершенную необязательность своего присутствия. Зачем ему подбросили этот заработок? Из гуманизма? Ведь белобрысый Адам и сам бы мог справиться с уничтожением мешков с ненужными бумажками.

Озадаченный, он следил за вылетающим из открытой горловины мешка дымом. Ветер, набиравший к вечеру силу, разрывал этот легкий дымок в клочья, смешивал с воздухом. И вот

уже вкус дыма садился на язык, щекотал ноздри Клаудияса. Этот же ветер стал рассыпать по мерзловатой земле бумажный пепел, и не было уже рядом белого снежного покрова, встретившего их здесь. Ранние зимние сумерки добавили неприветливой мрачности в цвета, которыми были раскрашены контейнеры. Клаудиясу захотелось уехать отсюда как можно быстрее. Беспокойство, возникшее в душе, даже не пытались объяснить причину своего появления. Необязательность своего присутствия в мыслях Клаудияса постепенно трансформировалась в ощущение полной своей неуместности здесь, в этом странном безлюдном месте.

– Послушай! – голос Адама заставил Клаудияса вздрогнуть. – Я все равно старший. Ведь это я тебе должен заплатить!

И Адам протянул напарнику несколько банкнот.

– Вот, пятьдесят фунтов за работу, – продолжал он медленно. – А вот это – десять фунтов на дорогу домой. Втроем с мешком мы на байке не поместимся. Ты пройдешь до городка изгоев, а там напротив въезда по другую сторону дороги остановка. Автобус ходит каждый час, довезет до метро. Там уже разберешься!

– «Городок изгоев»? – переспросил Клаудияс.

– Белые «караваны» за забором...

Клаудияс вспомнил, кивнул.

Адам укрепил стягивающими ремнями черный мусорный мешок на задней части сиденья. Натянул на голову шлем, надел перчатки и махнул напарнику рукой.

Красный задний огонек мотоцикла вильнул налево и исчез за крайними выстроенными в три этажа контейнерами. Звук мотора тоже исчез. А ветер стал еще сильнее, и уже щеками и носом Клаудияс ощутил приблизившийся вплотную неприятный, влажноватый холод зимней лондонской ночи.

Оглянулся по сторонам, отошел под контейнерную «стену», прячась от этого ветра. Посмотрел вверх, на небо, которое не выдавало себя ни звездами, ни луной. Просто серая воздушная тина, тяжелая, готовая упасть вниз, где все, что не было черным, тоже казалось серым.

Маленький черный предмет, выглядывавший с высоты верхнего контейнера, привлек на мгновение внимание Клаудияса. Присмотревшись, он понял, что это камера CCTV⁸.

Отошел в сторону, рассматривая ее. Понял, что объектив направлен как раз на ту площадку, где они жгли чью-то «черную» бухгалтерию. Посмотрел под ноги, он как раз на ней стоял. Пепел едва слышимо шелестел под ногами.

По-мальчишески Клаудияс ударил по горке ближайшего пепла носком ботинка. Запах гари ощутился сильнее.

– Англия! – саркастически хмыкнул Клаудияс и, бросив прощальный взгляд на видеокамеру, прикрученную к верхнему контейнеру, зашагал к углу контейнерной «стены», за которой минут десять назад исчез красный задний огонек мотоцикла белобрысого Адама.

⁸ Система охранного видеонаблюдения, несколько видеокамер, изображения с которых передаются на один экран, разбитый на квадратики.

Глава 17. Бжежница. Мазовецкое воеводство

Баловалась снегом зима, то засыпая польские дороги и села, то объявляя в своем холодном представлении антракт и позволяя людям – зрителям зимы лопатами помахать да свои привычные пути-тропинки почистить. Снова выходил Кукутис на обочину шоссе, по краям которого бесконечные снежные валы тянулись, снова оглядывался в сторону, откуда шел, в ожидании любого транспорта, готового его подобрать и отвезти дальше в европейскую глубинку, туда, где языки смешиваются.

Вчера подбросил его вперед километров на сто латыш-дальнобойщик. С латышами Кукутису всегда было легче – как-никак, а языки у них родственные, хотя общих или похожих слов в литовском и латышском все-таки не хватает, чтобы беседу вести. Говорили они поэтому сначала на немецком, а когда устали – молчали каждый на своем.

Юргис-латыш первым делом поинтересовался у Кукутиса: бывал ли он в Биржай. «Конечно, бывал! – ответил ему Кукутис. – Бывал и не раз! Там моя сестра живет, Айва! Может, встречали?» – «Может, встречал! Но всех встреченных не упомнишь!»

Юргис вёз целый контейнер «Рижского бальзама». В кабине в бардачке напротив сиденья Кукутиса тоже лежала знакомая своей формой керамическая бутылочка. Водитель вежливо предложил спутнику отхлебнуть. Странник пригубил. Во рту стало теплее.

– Хорошая штука! – похвалил бальзам Кукутис. – Сколько лет живу, а его вкус не меняется!

Юргис кивнул. Предложил пассажиру еще выпить.

– Я лучше с собой возьму! – Кукутис сунул бутылочку в карман серого пальто. – Всякое зимой произойти может!

– Да, – согласился водитель. – Зимой надо ко всему быть готовым!

А потом бежали вдоль дороги снежные поля и наваленные бульдозерами по обочинам сугробы. Бежали, мелькали, мельтешили под их обоюдное молчание еще часа два, пока не затормозил Юргис на развилке.

– Мне на Гданьск! – сказал он. – А вам надо прямо!

Поблагодарил странник дальнобойщика. Сказал ему несколько добрых слов, проводил взглядом свернувшую направо фуру и снова пригубил бальзама. Оглянулся, осмотрелся. Часы из кармана достал и время проверил. Время в часах, увы, остановилось. Подзавел их Кукутис, и снова затикали они, показывая теперь свое собственное время, с общим временем ничего общего, кроме стрелок, не имеющее. Ранний зимний вечер приближался и навевал мысли о ночлеге, заставляя Кукутиса внимательнее в горизонты всматриваться. Еще чуть-чуть, и потемнеют, приблизятся горизонты, зажгутся лампочки в окнах домов, которые сейчас со снежными полями смешались и пока невидимы.

Но пока случилось это, как случается всегда в снежное время года, успел Кукутис вдоль дороги не один километр пройти, а может, и все три. И как только молочные сумерки опускаться стали на белую землю, от шоссе, по обочине которого шел Кукутис, отслоилась узкая асфальтированная дорожка и отправилась вправо к огонькам неведомого страннику поселка. И как только ступил Кукутис на эту дорогу, как остановился рядом «малюх» – старая итальянская микролитражка, и распахнул водитель перед одноногим стариком дверцу.

– До Бжежницы? – спросил.

Странник не знал, как этот поселок называется, но в машину сел, хоть и пришлось повозиться с несгибаемой деревянной ногой, прежде чем дверца с его, Кукутиса, стороны закрылась смогла.

Ехали они минут семь, и за эти минуты успел Кукутис согреться и о себе чуток рассказать. Хотел было даже на ночлег к доброму водителю – стареющему мужичку лет шестидесяти – попроситься, да не сделал этого. Вот если б они дольше ехали! А так – семь минут знакомства – не повод на ночлег напрашиваться!

Возле первого же дома поселка попросил Кукутис остановить машину. Вышел. А «малюх» дальше поехал и свернул на какую-то другую, невидимую уже дорогу, уходящую вправо от поселка.

Домики тут были каменные и двухэтажные. Это Кукутиса огорчило сразу. Живущие в кирпичных домах люди обычно не такие гостеприимные, как те, что в деревянных живут.

Окна ближнего дома горели одинаковым ровным желтым светом, словно за каждым таким окном одинаковые люди жили, и все в комнатах их тоже было одинаковым, таким же, как в других комнатах этого дома.

Прошел Кукутис чуть дальше по тропинке и увидел, что из окон первого этажа третьего в ряду дома на снег больше света падает, чем из окон ближних домов. Приблизился и увидел яркую витрину кафе. Внутрь зашел, огляделся. Все столики заняты: где двое, где трое мужиков сидят и пиво пьют. И только за одним столиком с бокалом белого вина – молодая женщина в джинсах и синем свитере с необычно сплетенной русой косичкой волос. Косичка, в которую были собраны волосы с самой макушки, опускалась, закрывая левое ухо, почти до самого плеча. Рядом с ней – мальчишка лет четырех от роду. Мальчишка на листе бумаги цветными карандашами круги рисует. Увлеченно и сосредоточенно.

– Можно возле вас? – спросил Кукутис, с интересом рассматривая ее необычную прическу.

Женщина подняла взгляд на спросившего. Кивнула, не сказав ни слова.

Присел Кукутис за стол, оглянулся на прилавок, за которым бородатый поляк с веселыми глазами стоял в поварской белой куртке. За его спиной на прикрепленном к стене телевизоре показывали без звука футбольный матч в какой-то теплой стране. Футболисты бегали по зеленому полю, но никто в кафе не обращал на них никакого внимания.

– Тут самому надо заказывать, – сказала женщина Кукутису, решив, что он официанта ждет.

– Ага, – кивнул странник. – Отдохну чуток и пойду закажу!

Пять минут наслаждался Кукутис теплом и домашним легким шумом, сплетенным из разговоров за другими столиками, шуршанием карандашей по бумаге, цоканьем кружек, чашек и ложечек, которые время от времени собирал бармен со столов и складывал в мойку. Но потом поднялся, подошел к стойке. Протянул бармену раскрытую ладонь с горстью монет.

– Тут, может, есть и ваши злотые? Посмотрите, а вдруг на чашечку чаю хватит?

Опустил бородатый бармен взгляд на монеты Кукутиса. Среди старинных английских шиллингов и фартингов, среди царских российских гривенников и болгарских левов увидел он серебряный польский грош Зигмунта Первого. Выудил его двумя пальцами из горсти. Посмотрел таинственно на одноногого клиента, словно догадался о чем-то тайном.

– Есть тут польские, – прошептал радостно. – Даже на ужин хватит, не только на чай! Подождите полчасика, вам моя жена приготовит!

«Что такое полчасика в жизни человека, который не умеет умирать?!» – подумал Кукутис и усмехнулся.

Вернулся за стол. Покосил взглядом на молодую женщину с необычной косичкой, на ее малыша, державшего в руке толстый цветной карандаш, как матерые бандиты держат нож – острием книзу, крепко сжав рукоятку в ладони. Малыш продолжал наполнять лист бумаги жирными цветными кругами, время от времени меняя цветные карандаши, но не меняя способ рисования.

– А ты попробуй квадрат нарисовать, – негромко предложил Кукутис мальчику по-польски.

Мама малыша обернулась. Малыш замер, карандаш вертикально застыл на бумаге.

– А как это? – спросил малыш.

– Можно? – Кукутис взял коричневый карандаш точно так же, как держал его мальчик, нарисовал в свободном углу листка квадрат и устало вздохнул.

– Трудно, – сказал он. – Давай я попробую по-другому! – Он взял карандаш пальцами, как ручку, и легко несколько раз обвел квадрат, а после, поменяв несколько раз карандаши, сделал его разноцветным.

Малыш с интересом смотрел на пальцы старика. Потом попробовал сам взять так карандаш. Было видно, что он боится его выронить – пальцы мальчика оказались не приучены его держать.

– Вы, наверное, из Беларуси, – сказала молодая женщина.

– Почему вы так подумали? – удивился Кукутис.

– У нашего сельского старосты домохозяйка из Минска, она тоже всем показывает, как надо правильно делать. Долго втайне пыталась их сына с левши на правшу переучить, пока ее не заставили книгу прочитать о том, что левша имеет больше шансов стать президентом Польши, чем правша. Только тогда успокоилась, но до сих пор за всеми присматривает, где бы ни оказалась, и советы дает!

Говорила это все женщина с косичкой вполне приветливо, без единого намека на недовольство.

– Вы почти угадали, – улыбнулся Кукутис. – Я из Литвы, а Беларусь когда-то тоже была Литвою.

– Ошиблась, – выдохнула она. – Литовцы другие, они советов не дают и никого переучить не стараются.

– А вы откуда так много о литовцах и белорусах знаете?

Женщина задумалась. Посмотрела на сына – он снова водил карандашом, как ножом, по бумаге, стараясь не выскакивать линией из уже многократно наведенных кругов с жирными разноцветными краями.

Молодую женщину с косичкой звали Агнешкой. Жила она прямо над кафе на втором этаже, и поэтому почти каждый день спускалась сюда посидеть и послушать шум жизни. После недолгой паузы призналась она, что о литовцах только слышала, но ничего точного про них не знает, так как в их селе литовцев нет и раньше не было. Слышала она только, что когда-то давно два литовца где-то недалеко отсюда с неба ночью на землю упали и разбились насмерть. Было это в прошлом веке. А вот белорусов видела она немало, видела и русских с украинцами, и даже одного испанца, у которого машина как раз рядом с их селом обломалась и поэтому пришлось ему три дня у них жить.

Вздрогнул Кукутис, услышав про двух упавших с неба литовцев. Вспомнил ту ночь, когда они до Каунаса не долетели. Вспомнил, как сам с десятками тысяч других ждал их с утра на Каунасском аэродроме. Но дальше вспоминать не стал. Отвлекся.

Жена бармена зашла в кафе в синем длинном платье с повязанным поверх платья белым фартуком. В руках она несла поднос с большой глиняной миской, над которой поднимался пар. Шум разговоров в кафе стих, все на нее смотрели, как она к Кукутису подходила, как перед ним миску ставила и нож с вилок, закрученные в бумажную салфетку, клала. На ее круглом лице светилась такая свежая улыбка, какие Кукутис прежде только на старинных рекламных открытках разных гостиниц видел.

– Смачного! – выдохнула бархатно жена бармена и тут же отошла, не разворачиваясь к гостю спиной, к дверям.

Потрясающе сочный запах свежезапеченной рульки упорно звал Кукутиса опустить взгляд вниз, на миску. Но он выдержал испытание запахом свиной ножки и опустил свой взгляд на еду, только когда жена хозяина кафе кивнула на прощанье и вышла.

Свиная ножка с румяной корочкой лежала на боку в окружении печеной картошки и печеного пастернака, добавлявшего сладость в и так богатый аромат этого царского блюда.

Кукутис, обычно не обращавший особого внимания на еду, в этот раз оживился, взбодрился в ожидании трапезы. Краем уха он услышал, как малыш за столом перестал водить карандашом по бумаге. Краем глаза заметил, что все внимание малыша теперь было приковано к свиной ножке, над которой поднимался ароматный пар. Словно малыш готовился нарисовать эту ножку. Мама малыша тоже заворожено смотрела на глиняную миску Кукутиса.

Странник размотал салфетку, взял в руки вилку и нож, отрезал кусочек мяса и отправил себе в рот. Сколько раз он уже в жизни лакомился запеченной рулькой, но каждый раз новая рулька казалась ему самой вкусной из всех ранее съеденных. Вот и сейчас это ощущение чуть ли не пугало его: ведь самое вкусное человек обычно съедает перед смертью. После смерти уже ничего вкусного быть не может. Но мысли Кукутиса о смерти и еде, хоть и появлялись в голове время от времени, но никогда не заставляли его помрачнеть и утраститься. Кукутис, уже похоронивший тысячи знакомых и незнакомых людей, свyksя с иногда вызывающей досаду особенностью своей жизни – со своим временным или постоянным бессмертием. Он просто не умел умирать. Ни родители его, ни соседи родителей, ни сама жизнь его этому не научили. Другие вокруг умели умирать. Приходило время, и они ложились на диван или в кровать, звали к себе друзей и родных попрощаться, говорили наставления и пожелания по разделу их имущества, если таковое у них имелось, а потом спокойно закрывали глаза и умирали. Некоторые, конечно, умирали не в кровати и без прощальных слов, как те двое, Дарюс и Гиренас, что упали на землю нынешней Польши во времена, когда хозяйничали там немцы, вместо того, чтобы приземлиться в Литве, где их ждала вся страна, собравшаяся еще с вечера и до утра тщетно выглядывавшая огоньки самолета в черном небе.

Неподвижность малыша, не сводившего с рульки маленьких своих глазенок, отвлекла Кукутиса и оживила его мысли, заставив забыть о смерти и умирании. Странник отрезал кусочек свиной ножки и, наколол на вилку, протянул мальчику. Тот взял пальчиками кусочек мяса и поднес ко рту, но сразу есть не стал. Видимо, ему понравился теплый запах свинины. А Кукутису понравилось, как мальчишка аккуратно зажал подушечками трех пальчиков кусочек мяса – именно так, как надо держать карандаш или ручку.

– Молодец, – сказал малышу Кукутис. – Хорошо мясо держишь!

Мальчик присмотрелся к своим пальцам. Затем поводит длинным кусочком мяса над бумагой, воображая, что держит в руках карандаш, а потом не удержался и отправил свинину в рот.

Кукутис предложил кусочек свинины и его маме, но она, как бы, судя по ее взгляду, ни хотела полакомиться мясом, отказалась от угощения. Правда, после этого так посмотрела на своего сына, что понял Кукутис: отказывается она от мяса в пользу мальчика. И тогда отрезал странник еще кусок свинины и протянул на вилке малышу.

– Вы не знаете, где тут у вас переночевать можно? – спросил Кукутис Агнешку, закончив трапезу, разделенную с малышом, имя которого он до сих пор не знал.

– Думаю, что Марек с Ядвигой, – она кивнула на хозяина кафе, – вас приютят на ночь. А если хотите, можете у нас переночевать. У нас просторнее. А они с двумя детьми живут. К тому же в дальнем подъезде.

– Тогда я лучше у вас, – кивнул, соглашаясь, Кукутис.

Утром, когда Кукутис проснулся на узкой кушетке в довольно просторной кухне, за окном еще царствовала темнота. В квартире было тихо, хотя перед тем, как открыть глаза, сквозь ослабевший под утро сон слышал странник шаги, поскрипывание дверей и постукивание посуды. Интерес к точному времени Кукутис считал забавой молодых и смертных. Поэтому даже неточное время его не интересовало, так что карманные часы, циферблат которых защищала круглая крышка с вензелями и надписью на немецком «Возвращайся с победой!», так и остались в кармане пальто, висевшего в коридоре.

Усевшись на кушетке, Кукутис достал из-под нее свою деревянную ногу с пристяжными ремешками. Прикрепил ее надежно к культе, после чего натянул штаны сначала на деревянную ногу, а потом и здоровую в левую штанину просунул. Поерзал привычно, подтягивая штаны вверх, застегнул все пуговицы на них и завязал веревочный пояс. Только после этого осмотрелся и заметил в темноте на кухонном столике, что под окошком стоял, две кастрюльки и белый прямоугольник бумаги, придавленный круглой стеклянной солонкой.

«На работу, что ли, пошла?» – подумал о хозяйке.

Включил свет, пересел на стул, взял в руки записку.

«Извините, что так получилось, – писала хозяйка квартиры аккуратным школьным почерком. – Я подумала, что вам все равно хорошо бы отдохнуть с дороги, и потому оставляю вас в квартире со Сташеком до вечера. Мне давно надо было в город съездить за покупками – одежду сыну купить, да и мне тоже. От нас до города два часа, и назад два часа. Раньше ужина не вернусь, но на ужин привезу что-нибудь. Не сердитесь! Отдыхайте. Сташеку и вам я на завтрак блинчики в кастрюле оставила. На обед в холодильнике журек есть и винегрет. Агнешка».

– Коварные в Польше женщины! – прошептал, усмехнувшись, странник. – Не успеешь у нее заночевать, а наутро тебя уже ответственным за ребенка делают! Ладно!..

Вышел из кухни, заглянул за следующие двери – там, в комнате чуть большего размера, чем кухня, на диване спал, посапывая во сне простуженным носом, мальчишка. Слева – застеленная железная кровать, справа под окном письменный стол.

«Сташек, стало быть», – подумал Кукутис, аккуратно закрывая за собой дверь перед тем, как вернуться в кухню.

За окном уже светлело, когда дверь в кухню открылась и сонный мальчик в пижаме привычно прошел к столу и уселся на табуретку.

– Ну привет, – сказал ему по-польски Кукутис. – Будем завтракать?

Сташек, не удивившись присутствию гостя, кивнул.

Кукутис положил на тарелку мальчика круглый блинчик, полил его клубничным вареньем. Сташек провел пальчиком по канту тарелки, словно проверяя ее на круглость – на лице у него появилась улыбка. Утренняя сонливость покидала мальчишку. Соскочив с табуретки, он прошлепал голыми пятками по линолеуму пола до кухонной тумбочки, вытащил из ее ящика два ножа и две вилки, и вернулся за стол. Однако, взяв в руки нож и вилку, замер в нерешительности, не сводя глаз с красного пятна варенья.

– Знаешь что, – обратился к нему Кукутис. – Я тебе открою одну тайну, которая потом в жизни не раз поможет! Хочешь?

Сташек кивнул.

– Все, что можно скрутить в трубочку, надо обязательно скручивать! И еду, и одежду. Еда так легче в рот проходит, а одежду так легче с собой возить. Вот смотри!

И он, размазав варенье по всему своему блину, скрутил его в «сигару», взял в руку и откусил ее кончик.

Сташек опустил вилку и нож на стол и принялся сосредоточенно скручивать в трубочку свой блин.

– Молодец! – похвалил его странник. – У тебя с первого раза получилось!

Глава 18. Париж

Если заткнуть уши музыкой и включить в смартфоне песенку про зонтик Рианны, то никаких неприятных ощущений легкий зимний парижский дождик не принесет. Зонтик не нужен. Его ведь надо нести над собой. А у Барби и так руки заняты – одной рукой толкать коляску с чужим ребенком неудобно. К тому же к поручню коляски привязан поводок с сенбернаром. Кличка у собаки совсем человеческая и, к тому же, сверхфранцузская – Франсуа. И хозяйева французы – Сюзанн и Режис. Правда, Режиса Барбора видела только один раз. Когда его жена Сюзанн завела Барбору в коридор их квартирки на рю де ля Вилетт. Завела и сразу познакомила и с мужем, и с их собакой. Сказала, что Франсуа – спокойный и никуда ее во время прогулок тянуть не будет. И бояться его не надо, хоть он и большой.

– А почему вы объявление на английском написали? Я думала, что вы тоже иностранцы! – удивилась тогда Барби, поняв, что перед ней настоящие французы, хоть и отлично говорящие по-английски.

Сюзанна усмехнулась, услышав вопрос.

– Мы писали по-французски, и к нам одна за другой пришли по объявлению три старушки, живущие по соседству. Болтливые и одинокие, и у каждой дома своя маленькая собачонка. Франсуа на них произвел сильное впечатление. Одна при виде сенбернара даже за сердце схватилась! Хорошо хоть доктора не пришлось вызывать. Поэтому решили нанять кого-нибудь из мигрантов. Мигранты всегда моложе и работы не боятся!

Да, Сюзанн именно так и сказала тогда про мигрантов. Барбора, припомнив разговор, улыбнулась и немного замедлила шаг. Остановилась у поляны, на которой уже несколько раз видела группу, занимающуюся йогой под руководством миниатюрной китайки. В этот раз йогов в парке Бут Шомон не было. Наверное, из-за дождика. Однако погода явно не мешала десяткам, если не сотням прогуливавшимся по аллеям старичков и старушек с собаками и без. Погода не мешала и десяткам юных мамаш толкать впереди себя коляски с младенцами точно так, как толкала свою Барбора.

«Может, и они никакие не мамы?» – подумала она.

И продолжила путь. Увидела слева от аллеи явно искусственную горку над искусственным озером. А на его поверхности – море уток.

Сенбернар степенно шел справа, словно охранял коляску со спящим малышом. Пес оказался столь послушным и разумным, что в какой-то момент Барбора и сама представила себя хозяйкой такой же большой и покладистой собаки, только в будущем, когда у них будет своя квартира и свой собственный малыш!

Дождик усилился, и Барбора поневоле зашагала быстрее. Она шагала к выходу из парка. Уже выйдя за металлическую ограду, остановилась. Дома, выходявшие на парк, уже зажгли свои глаза-окна. Уличные фонари отражались в мокром асфальте тротуаров. И стеклянные двери углового кафе, открываясь и закрываясь, игрались со светом ближайшего фонаря. До возвращения малыша родителям оставалось около часа. До возвращения собаки хозяевам – чуть меньше. Можно будет сначала отдать собаку, потом ребенка. Малыш сейчас проснется и захнычет. На этот случай его уже ждет бутылочка с молочной смесью.

Зайдя в кафе, Барбора сразу прошла к столику у окна. Отодвинула очутившуюся на пути деревянную вешалку с красным пальто, чтобы втиснуть между ней и столом коляску. Сенбернар спокойно улегся на пол. Бармен вышел из-за стойки.

– Мадам? – спросил он.

Барбора вытащила из ушей наушники и сунула их в карман куртки к смартфону. Попросила коньяка и очень вовремя кашлянула. Бармен одобрительно кивнул.

Малыш захныкал. Словно почувствовал, что сейчас его точно услышат.

Пришлось поднять его аккуратно из коляски. Теплый синий комбинезончик, закрытый на молнию, скрывал малыша почти целиком. Она вынула его из комбинезона. Заглянула в сонное покрасневшее личико.

– Ну что, Валид? Кушать хочет? – спросила, укладывая на коленях так, чтобы его головка легла на внутренний изгиб локтя. Дала ему бутылочку со смесью.

Пригубила коньяк, принесенный барменом, и первый маленький глоток как бы вернул ее, Барбору, себе самой. Мысли и обрывки прошлых разговоров отошли на второй план. А на первом осталась она сама в теплом и уютном кафе. А ведь только что ей было холодно и сыро. Только что она отодвигала вешалку с красным пальто, принадлежащим, видимо, женщине с короткой старомодной стрижкой, сидящей через столик от нее. Перед женщиной – бокал вина и пепельница. В руке сигарета. А разве в европейских кафе можно курить? Барбора усмехнулась, чувствуя, как расслабилась из-за самой малости коньяка. На женщине – красный свитер. А волосы, кажется, покрашенные. Седые, покрашенные в такой пепельный цвет, который словно подсказывает, что они под краской все равно седые.

Бармен выскочил из-за стойки к двери, открыл, впуская внутрь еще одну коляску! Ее толкала худенькая кучерявая брюнетка в фиолетовой стеганой куртке с капюшоном. Вместе с коляской и брюнеткой в кафе забежала коричневая такса, тоже одетая в фиолетовую телогрейку на молнии. Телогрейка была из того же материала, что и куртка хозяйки. Брюнетка оглянулась по сторонам, остановив свой остренький взгляд на Барборе, а потом, сдвинув с дороги два стула, подкатила коляску к соседнему с Барборой столику. Кивнула улыбочиво Барборе, сняла курточку и, переступив через сенбернара, повесила ее на деревянный рог вешалки. Осталась в синей шерстяной кофточке, застегнутой на крупные пуговицы.

– Il fait froid⁹, – сказала она Барборе, еще раз улыбнувшись.

– Pas Français, – Барбора развела руками. – English!

– Холодно, – молодая женщина легко перешла на английский. – Здесь всегда зимой паршиво и дождь каждый день!

Барбора кивнула.

Брюнетка весело крикнула что-то бармену, и тот через минуту принес ей чашечку кофе и стакан лимонада с мятным сиропом. Мятный аромат дотянулся до носа Барборы и она, словно защищаясь от него, инстинктивно подняла ко рту бокал с коньяком.

– Вы из Англии? – спросила брюнетка, снова обернувшись к Барборе.

– Нет. Из Литвы. А вы?

– Я отсюда, из Бельвиля. Родилась в Алжире, но выросла тут.

Брюнетку звали Айша и она то и дело посматривала на лежащую возле своих ног таксу в фиолетовой телогрейке. Такса махала хвостиком, не сводя глаз с сенбернара. Сенбернар, разлегшийся перед коляской Валида, тоже смотрел на таксу, но как-то лениво и безразлично.

Пустая пластмассовая бутылочка из-под молочной смеси выпала из ручек малыша, стукнулась о деревянный пол и подкатилась к морде сенбернара. Валид снова заснул, и Барбора опустила его в коляску.

– Сколько ему? – спросила Айша.

– Семь месяцев.

– Моему только четыре. – Она с любовью оглянулась на свою коляску. – Вы сюда с мужем приехали?

Барбора кивнула.

– Он работу нашел?

– Он – клоун. – На лице Барборы сама по себе возникла ироническая усмешка.

⁹ Холодно! (фр.).

– Мой тоже клоун! – критически произнесла брюнетка. – Предлагали ему хорошую работу в универмаге, а он в таксисты полез. Теперь его ни днем дома нет, ни ночью!

– Нет, мой действительно клоун, – Барбора поспешила исправить двусмысленность. – Актер-любитель. Он в Вильнюсе в рекламных акциях работал, а тут пока только на улице... А на улице много не соберешь. Вот если б он французский выучил!

– Настоящий клоун? – кругленькие глазки Айши загорелись искренним любопытством. – Он ходит на «Марше де клун»?

– Куда? – переспросила Барбора. – На рынок клоунов?

– Ну да, – закивала Айша. – Мне рассказывали, что, когда их много, они очень смешные!

– А где этот рынок?

– Где-то на рю де Севр, возле университетской больницы!

– Рю де Севр, – повторила Барби, стараясь запомнить название улицы.

Оглянувшись на бармена, попросила кофе.

За окнами кафе откуда ни возьмись засветило солнце. Не яркое и, видимо, уставшее от повседневной борьбы с облаками, не дававшими ему досвечивать до земли и людей.

Они обе – Айша и Барби – обернулись, заметив попавшие внутрь кафе лучи. Айша достала горсть мелочи и выложила мелкими монетками возле чашечки оплату за кофе.

– Извините, а это ваш ребенок? – осторожно спросила Барби, кивнув на коляску.

– Ага, – на ходу бросила Айша, снимая с вешалки свою фиолетову куртку.

– И собака ваша?

– Конечно, – кучерявая брюнетка рассмеялась. – А это что, не ваша собака? – кивнула она на сенбернара.

Барби отрицательно мотнула головой.

– Еще увидимся, – приветливо проговорила Айша и, развернув коляску с проспавшим весь их с Барборой разговор малышом, покатила ее к двери. Такса побежала следом, провожаемая немного удивленным взглядом сенбернара, все еще лежавшего на полу и опустившего большую и добродушную морду мимо лап на правую сторону.

– Рю де Севр, – еще раз повторила Барбора и тоже принялась отсчитывать вытащенную из кармана куртки мелочь.

Глава 19. Лондон

Странная эта штука – гарь от сгоревших бумаг. Точнее ее запах. Почему он так въедается в одежду, в волосы? Почему его невозможно смыть с первого раза?

Клаудиус не спал уже полночи. Хотя Ингрида, жаловавшаяся на запах гари, который он принес с собой, уже давно заснула.

Конечно, жаль, что они так и не доехали прошлым вечером до Марюса. Но впереди – жизнь. И не просто жизнь, а жизнь лондонская. В которой надо быть «flexible», то есть гибким. Настолько гибким, чтобы при появлении возможности заработка легко отменять планы. Ведь какие планы без заработка?

Ингрида спала, повернувшись лицом к окну. Ее голова лежала ровно посередине маленькой подушки. Клаудиус полюбовался, насколько спокойно ее лицо. Осторожно слез с кровати. Вышел на кухню.

Тут урчал холодильник, тикали часы, что-то едва слышимо жужжало. Эту кухню даже самый отъявленный романтик никогда бы не смог назвать уютной. Но другой кухни пока не было. Да и эта была, по большому счету, не их кухня, а кухня английской коммуналки. Ее надо было просто пережить. Но для этого опять же необходим заработок. Желательно постоянный. И тогда можно будет сначала оплачивать маленький уют, а потом, если все будет хорошо, то и больший!

Клаудиус еще раз помыл голову, пытаясь отмыться от неприятного запаха гари. Вспомнил запах отцовской автомастерской и запах отца, который перекочевал из мастерской в их квартиру и прижился в ней. Мама иногда жаловалась на этот «аромат» бензина и моторного масла. Иногда отправляла его в душ. Но запах никуда не девался, и чаще всего она его просто не замечала. Точнее, замечала его, только когда хотела заметить, когда надо было найти причину для своего недовольства. Конечно, со своей работы никаких ярких запахов она принести не могла. Какие запахи в больнице, где она трудилась старшей медсестрой? Запах накрахмаленного белого халата? Запах валерьянки? Запах лекарств и нашатырного спирта? Нет, она все эти ароматы оставляла на рабочем месте. Как ей это удавалось, Клаудиус до сих пор понять не мог. Разве бывает работа, которая не передает работающему свои запахи? А если б ему пришлось сжигать бумаги каждый день? И за это очень хорошо платили? Что бы тогда сказала Ингрида?

Клаудиус вздохнул и окинул грустным взглядом кухоньку. Тут для них, конечно, не хватало места. Их пространство измерялось шагами, и ни одна линия их пространства не превышала трех-четырех шагов. Четыре шага – это длина их комнаты. Хотя, если захотеть, то можно растянуть эти два с половиной метра на шагов восемь. Но зачем? Реальность ему известна. Эта реальность некомфортна и временна, но срок ее временности зависит только от него самого! Надо меньше спать и старательнее искать нормальную работу! Но он ведь и сейчас не спит. И думает именно об этом! Клаудиус успокоился. Нет, он не ленив, он не тормоз, он думает о будущем, пока любимая спит и, возможно, видит это прекрасное будущее в цветном английском сне?

В коридоре скрипнула дверь. Потом шаг. Потом тишина, словно шагнувший прислушался. Клаудиус замер. Снова шаг или два нарушили относительное ночное беззвучие. И Клаудиус понял, что из своей комнаты вышли соседи.

Щелкнул замок квартирной двери. И Клаудиус пригнул голову. Ведь из квартирной двери ты сразу попадаешь в колодец перед их полуподвалом. И дальше уже поднимаешься по железной лестнице как раз мимо кухонного окна вверх, на уровень тротуара.

Еще один щелчок входной двери, и за кухонным окошком проплыли два силуэта. У парня на плечах рюкзак, а у девушки в руке – спортивная сумка. Они поднимались по лестнице почти бесшумно. Клаудиус завороченно проводил их взглядом. Куда они? Зачем?

Пару минут спустя он вышел из кухоньки в коридор. Остановился перед дверью в комнату соседей. Увидел оставленный в замочной скважине ключ. Потянул дверь на себя – она поддалась.

Комнатка за дверью напоминала их временную спальню. Также одна кровать, два стула, небольшой квадрат зеркала на стене. На ковролине пола – пустые жестянки из-под пива. И рядом упаковка четырех полных жестянок пива, скованных пластиком.

– Значит, вернутся, – Клаудиус усмехнулся, вспомнив, как решил, провожая их взглядом, что они тайно покидают свое жилище.

Когда Клаудиус проснулся, в нос ему ударил запах кофе. Он спал на краю кровати, и голова его почти свисала с края подушки. Может, именно поэтому Ингрида поставила кружку кофе прямо на пол под его изголовье.

Он попытался глотнуть кофе не поднимая головы, и тут же обжег губы. Чертыхнулся от души. В комнату на его голос вернулась Ингрида в домашнем халатике.

– О! Обновка! – удивился он.

– Ага, – кивнула Ингрида. – Тут рядом магазинчик, в котором можно за пару фунтов с ног до головы одеться!

– Секонд-хэнд из Европы?

– Благотворительность из Англии. Кстати, халатик был новенький, с биркой! За полтора фунта!

– Покажешь магазинчик после завтрака, – Клаудиус поднялся, натянул джинсы и свитер. – Я как раз вчера денег заработал.

– Тогда готовь завтрак! Наши яйца справа, соседские слева! – скомандовала девушка.

Когда уминали яичницу, сидя за кухонным столиком, по железной лестнице за окном спустилась Таня.

– Вы мне сейчас сто двадцать фунтов за следующую неделю можете дать? – спросила она, заглянув на кухню.

Клаудиус отрицательно мотнул головой. Таня перевела взгляд на Ингриду, но Ингрида словно и не обратила на нее внимания. Вилкой она «ошипывала» правильной солнечной формы желток, освобождая его от белка.

– Через пару дней, – пообещал Клаудиус.

Татьяна вздохнула и закрыла за собой дверь. Но через минуту снова появилась на кухне.

– А эти, соседи ваши? Вы их не видели? – спросила несколько озабоченно.

– Вроде ночью шумели, – ответил Клаудиус.

– Они мне за неделю задолжали, – сказала она.

– Да придут они, вон и продукты их в холодильнике, и пиво у них есть, – уже не поднимая головы, произнес Клаудиус.

Таня заглянула в холодильник.

– Их еда слева, – подсказала Ингрида.

– Да тут одни яйца! – выдохнула Татьяна.

Глава 20. Пиенагалис. Возле Аникщяя

Большая черная сумка на молнии весила, должно быть, килограмм тридцать, если не больше. Еще в Аникщяе Рената удивилась, как тяжело было Витасу ее нести от автобуса до машины и как качнулся ее маленький «фиат», когда Витас почти уронил ее в багажник.

Пока ехали, Рената перебрала в голове все возможные подарки, способные столько весить, но никакой вразумительной подсказки от своего воображения не получила. Самым тяжелым подарком в ее мыслях могла быть только какая-нибудь китайская ваза, но, с другой стороны, вазы ведь делают из фарфора, а фарфор легкий. То есть ваза вполне могла быть большой, но такой тяжелой? Это вряд ли. Кухонная техника? Комбайн с электрической мясорубкой? Тоже не мог быть таким тяжелым, да и не был Витас настолько сельским парнем, чтобы дарить своей возлюбленной на Рождество кухонные принадлежности!

Любопытство ускоряло ритм сердца, и Рената на ходу посматривала на Витаса, ожидая, что он все-таки раскроет тайну подарка до того, как откроет замок-молнию на сумке.

Но Витас только улыбался хитро и молчал, посматривая на заснеженное полотно земли по обе стороны дороги и на взявший в тиски эту дорогу зимний лес.

На замерзшей гравийке Рената сбавила скорость, и машина плавно закачалась.

Снова, как кораблик к пристани, медленно уткнулся красный «фиат» передними колесами в конец колеи, остановившись под боковой деревянной стеной амбара.

Тропинка вела прямо от машины к порогу дома. Протопанная не из-за машины, конечно, а потому, что по этой тропинке ходил каждый день по несколько раз Йонас к Барсасу или в амбар, или в погреб, что находился за амбаром.

Доски порога жалобно скрипнули, когда Витас опустил на них тяжелую сумку. Вдвоем занесли они сумку на половину Ренаты.

– Таких тяжелых подарков я никогда в жизни не получала! – призналась Рената, посмотрев на ладонь левой руки с красной вдавленной полосой от ручки сумки. – Это что, стройматериалы?

– Нет, кое-что пооригинальнее! Но если тебе не понравится, то подарим твоему деду! Ему точно подойдет! Хотя я для него бутылку «Жальгириса» привез... В общем, выбирай, что хочешь? Кота в мешке или бутылку «Жальгириса»?

– Кота в мешке, – Рената развела руками.

– Тогда получай! – Он наклонился, бжикнул молнией замка, раскрывая сумку, оттянул ее края, чтобы Рената могла заглянуть внутрь.

– Что это? – удивилась девушка, разглядывая странный прибор военно-зеленого цвета, размером со швейную машинку.

– Это «черный ящик», – пояснил наконец Витас. – Для самолетов.

Лицо Ренаты выразило недоумение. Она посмотрела в глаза Витасу странным, разочарованным взглядом.

– Откуда он у тебя? – спросила после паузы.

– В девяностом отцу на радиозаводе вместо зарплаты за год семь штук дали, обещали потом обратно выкупить, но Союз развалился и они остались у нас... Я думал, тебе будет интересно! Он ведь новенький!

Рената вдруг рассмеялась, не сводя глаз с Витаса. Сначала тихо, потом громче.

– Ты чего? – Витас, казалось, обиделся.

– У меня нет самолета, – сквозь смех выкрикнула она. – И у деда тоже нет!

В комнате, заполненной звонким смехом Ренаты, Витас вдруг почувствовал себя дураком, полным дураком.

Открылась дверь из коридора и в проеме появилось удивленное лицо деда Йонаса.

– Что это тут у вас? – спросил он. – Так смеетесь, будто телевизор смотрите!

– Это она смеется, а не я! – принялся оправдываться Витас. – Здравствуйте, с Рождеством!

И тут же суетливо парень полез в открытую сумку и вытащил картонную коробку с бальзамом «Жальгирис». Подошел с ней к старику, вручил.

– О-о! – закивал дед Йонас, тоже улыбаясь приветливо и радостно. – Хорошая вещь! Жаль только, что мне его только каплями принимать можно! Но ничего, буду себе в чай капать! Так надолго хватит!

Рената наконец успокоилась, но тень только что звучавшего смеха на ее лице осталась.

– Так это он тебя рассмешил? – обратил на нее свой взгляд дед Йонас.

– Ага, подарком! – прыснула она. – Посмотри, может, лучше его тебе отдать? – она кивнула на стоящую на полу сумку.

Йонас подошел, наклонился над открытой сумкой.

– Что-то военное? – спросил и обернулся к Витасу.

– Ну почти, – неохотно стал объяснять Витас. – «Черный ящик» для самолетов, мой отец их на Каунасском радиозаводе в советское время делал. Но его ведь можно по-разному использовать! В нем магнитофон очень качественный, теперь таких не делают! И аккумулятор мощнейший!

– Это он мне на Рождество подарил, – произнесла Рената и снова хихикнула.

– Оригинально, – закивал дед Йонас. – Это, что ли, тот завод, что «Шилялисы» выпускал?

– Да, и телевизоры, и радиоприемники!

– Странные все-таки люди в Каунасе живут, – проговорил словно сам себе Йонас, не посмотрев на Витаса. – Что-то у них в голове по-другому устроено!

– Ничего не по-другому! – упрямо заявил Витас.

– Ладно, – Йонас махнул рукой, словно предложил к своим собственным словам серьезно не относиться. – Пойдем ко мне, я вам «Жальгириса» в чай накапаю. И себе тоже! – предложил он.

Когда перешли на дедову половину дома, Рената стала серьезной, как камень. Словно вся веселость на ее половине осталась, вместе с открытой сумкой, в которой остался лежать необычный рождественский подарок.

Витас и старик уселись за круглый столик. А внучка Йонаса занялась чаем.

К чаю дед попросил достать из верхнего шкафчика старинного буфета большие красные в белый горошек чашки – те самые, из которых они на Рождество чай пили.

Йонас щедро налил в чай Витасу бальзама, себе чуть-чуть, да и Ренате только пару капель.

– Вот ты скажи, ты ведь в Каунасе родился? – спросил он, глядя на Витаса.

– Ну да, – ответил тот.

– А знаешь, как раньше говорили: «В Вильнюсе добрые люди живут, а в Каунасе – злые»?

– Слышал, – признался Витас. – Но это же в Вильнюсе говорили так, а не в Каунасе.

– Наверное, – старик закивал и пригубил чаю. – А почему у вас так чертей любят?

– Почему любят? – не понял Витас.

– Ну, единственный музей чертей на всю Литву почему-то в Каунасе, а единственный музей ангелов на всю Литву почему-то у нас, в Аникияе? – хитро проговорил Йонас и перевел взгляд на Ренату, словно она и была одним из ангелов.

Витас пожал плечами.

– Это, наверное, коммунисты в советское время Музей чертей основали специально, чтобы люди про Каунас плохо думали, – предположил Витас и посмотрел виновато в глаза Йонасу. Парень был явно смущен и не понимал, к чему старик клонит.

– Ну ты загнул, – Йонас усмехнулся. – Коммунисты чертей придумали?! Надо же такое сказать?! Черти на несколько тысяч лет древнее коммунистов! А литовские черти древнее других чертей!

– Тогда не знаю, – признался Витас. – Я чертями не интересовался и в церковь не хожу... Кстати, мой папа на радиозаводе в церкви работал, – вспомнил он, и глаза его загорелись. – Там у них самый секретный цех в недостроенном костеле был, поэтому и радиозавод называли «Святым радиозаводом».

– Во как! – искренне удивился дед Йонас. – Интересно! Может, и зря я никогда в жизни в Каунас не ездил?

– Может, и зря, у нас красиво! – убедительно закивал Витас.

А Рената с усмешкой на губах только и переводила взгляд то с деда на Витаса, то с Витаса на деда, слушая их разговор и пытаясь угадать, к чему Йонас клонит. Сначала было испугалась, что дедушка хочет как-то унижить или обидеть Витаса, но быстро поняла, что мысли Йонаса в другом направлении работают. Да и в чувстве юмора старику никто отказать не смог бы, так что оставалось Ренате только слушать, куда и к чему приведет разговор двух мужчин за дважды крепким чаем.

– У нас тоже красиво, – закивал дед и снова перевел взгляд на внучку. – А ты ему наши красоты показывала? К Пунтукасу возила? На Маяк Счастья?

– Не было времени, – призналась Рената. – Он же всегда, – бросила взгляд на Витаса, – только на денек приезжает!

– Ну, это ваше дело, как вы своим временем распорядитесь! – Старик махнул рукой и повернулся лицом к окну.

– Деда, а может, забережь к себе этот военный подарок? – предложила вдруг Рената.

– Нет, пускай пока у тебя побудет! Я тут ни с кем не разговариваю, только молчу и думаю. А мое молчание и мысли он не запишет!

– Ну тогда можно в амбар отнести! Он у вас большой! – недовольным голосом предложил Витас.

– В амбар не надо, – твердо сказал Йонас. – Там и так столько всего лежит! Как ни зайду, обязательно обо что-то споткнусь!

Витас посмотрел на деда напряженно.

– А вы не будете против, если я к Ренате перееду? – выпалил на одном выдохе.

Дед растерялся.

– Знаешь, – сказал после паузы, глядя Витасу в глаза. – Вы – взрослые люди. Нравится вам быть вместе – будьте вместе! Если Рената тебя позовет сюда, переезжай!..

Он еще раз посмотрел на Ренату, вдруг ставшую серьезной и немного озабоченной.

– ...а если не позовет, то сам понимаешь, – закончил дед. – А если переедешь, то и мне будет с кем про «черные ящики» и про Каунас поговорить! Женщинам такие темы не интересны!

– Ты что, с ума сошел? – шепотом набросилась на Витаса Рената, когда вернулись они на ее половину дома. – Может, сначала надо у меня спрашивать разрешения?

Витас опустил голову и молчал, как пьяница под укорами жены.

– Или у вас там в Каунасе действительно все чокнутые? – продолжала возбужденно шептать Рената. – Ты же не к деду переезжать собрался?!

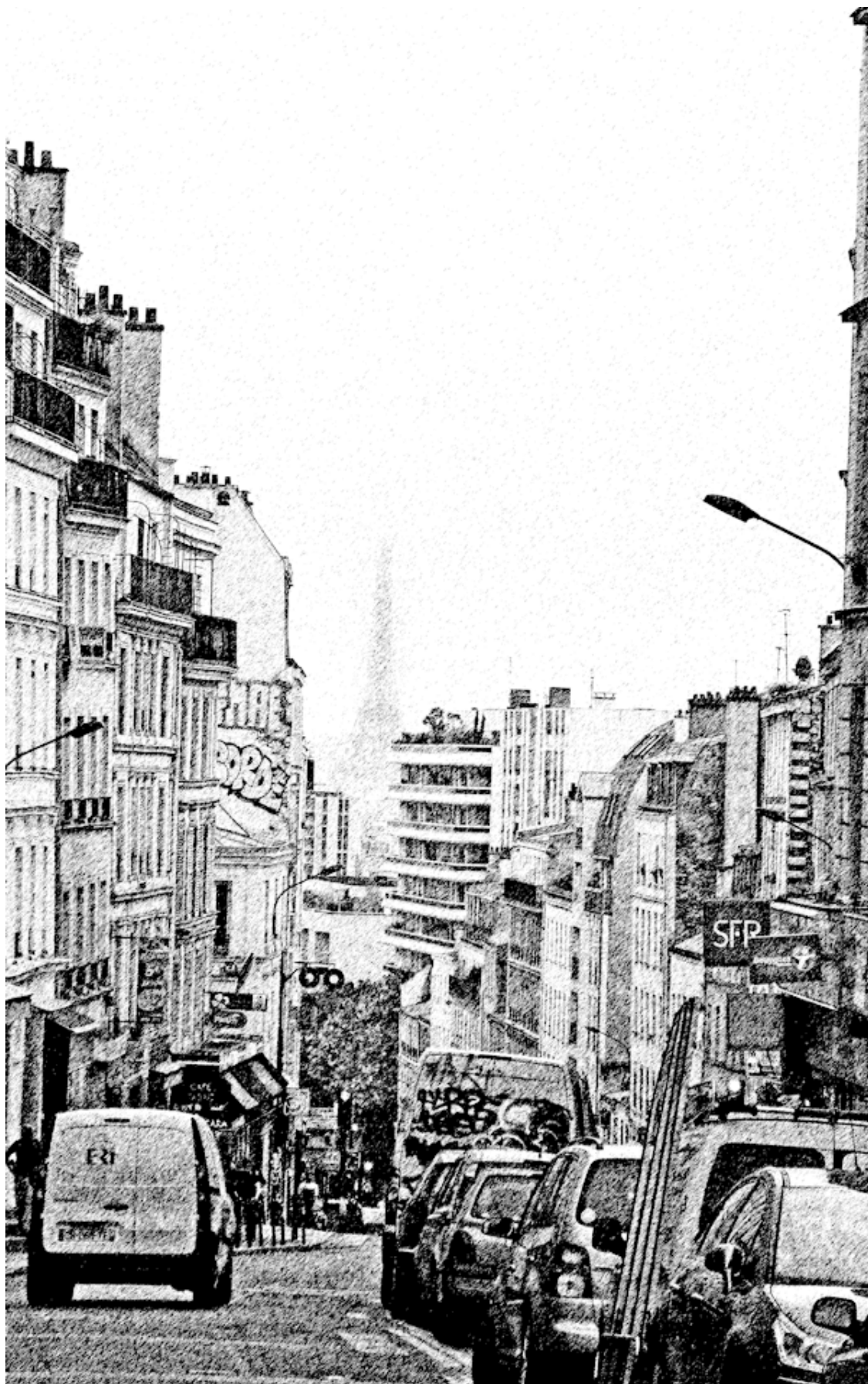
– Извини, – Витас оторвал взгляд от пола. Посмотрел в глаза Ренате. – Это все из-за этого чертова «черного ящика»! Может, и правда, что у нас не так, как везде... Недаром один Каунас «черные ящики» на весь Советский Союз делал!

– Перестань чепуху нести! – Рената тяжело вздохнула, сделала шаг к Витасу, обняла его. – Поехали, я тебе наших ангелов покажу! Может, они твою голову от глупостей почистят!

Витас обнял Ренату. Прижал к себе и, уткнувшись носом в ее висок, прошептал: – Извини! Я сегодня – дурак!

– Хорошо, извиняю! – прошептала в ответ Рената. – А теперь – к ангелам!

Глава 21. Париж

Когда поезд шестой линии метро выехал на мост Бир-Хакейм, слева словно ниоткуда выросла Эйфелева башня, и Андрюс, первый раз оказавшийся в вагоне этой линии, проводил ее взглядом, пока она не спряталась за жилыми мансардными крышами парижских домов. Поезд метро, казалось, забыл, что он должен быть подземным. Наоборот, он поднялся на виадук и вилял собой, как змея хвостом, повторяя все изгибы сначала широкого бульвара де Гренель, а потом и его продолжения – бульвара Гарибальди.

Выйдя на станции «Севр-Лекурб», Андрюс спустился по железным ступенькам вниз. Оглянувшись назад, словно хотел еще раз удостовериться, что платформы этой станции находятся над, а не под землей. Только потом осмотрелся по сторонам в поисках рынка. Но на открытом и занятом только машинами и мотороллерами площадном пространстве на пересечении бульвара с авеню Суффрен никакой торговой жизни не наблюдалось. Только нижние этажи зданий как на бульваре, так и на авеню пестрели фасадами и витринами магазинчиков, неоновой зеленью аптечных вывесок и крестов, привычными логотипами мини-маркетов и банковских отделений.

– Рынок клоунов?! – прошептал себе Андрюс и пожал плечами. – «Наверное, эта парижская алжирка просто подшутила над Барби, – подумал он. – Или это название какого-нибудь особого бюро трудоустройства для клоунов и актеров?»

На парижском небе все еще светило солнце, решившее в этот день компенсировать людям почти неделю сырости и серости. Ехать обратно в Бельвиль или даже просто до площади Республики не хотелось. Ну да, он может часок, остававшийся до сумерек, покривляться возле площадной карусели и насобирать несколько евро, может быть, и десять, но все равно Барбора принесет больше, и с гордостью будет сравнивать свой заработок с его мелочью. Нет, она, конечно, все это делает без задней мысли, без желания показать, кто в доме хозяин. Она, наверное, просто шутливо провоцирует Андрюса, подталкивая его к поиску работы посерьезнее и понадежнее. Сама же сказала на днях: «Ты бы в какое-нибудь актерское агентство сходил! Тут же сотни фильмов снимают, им наверняка актеры нужны, хотя бы для массовки!» – «Но я ведь по-французски ни бум-бум, как и ты!» – Таким был его ответ. – «А зачем французский для безмолвной роли?» – «А чтобы понимать команду: куда смотреть, куда идти!»...

Да, она согласилась с его аргументом. Да и спором этот разговор нельзя было назвать. Так, поболтали да и только. Поболтали и замолчали. Каждый о своем замолчал. Он не знал, о чем задумалась Барбора. Барбора так и не узнала, что он вспомнил кусочек детства, странный и забавный кусочек – «голый пляж» в Паланге, заполненный голыми женщинами. И мама его – тогда еще молодая и тоже голая, водит его, трехлетнего голыша, за руку по желтому песку пляжа от одной подстилки к другой. И на каждой подстилке сидит хозяйка, а рядом с ней на той же подстилке или на расстеленной газетке или клеенке лежат товары: одежда, украшения из золота, кожаные перчатки красного цвета. Почему они так запомнились ему – красные кожаные перчатки? Этот пляж-базар, куда не могли попасть милиционеры, чтобы восприпятствовать «запрещенной и незаконной» торговле, запомнился Андрюсу в деталях и лицах. Никто туда не мог попасть в одежде – пляжные женщины-торговки сразу поднимали такой крик, что перепонки могли лопнуть. Ну а что может сделать голый милиционер на таком пляже-рынке, даже если у него в руках бумага и ручка для составления протоколов?! Ничего не может! Голые женщины непобедимы! Андрюс был там, на этом пляже, десятки раз, пока не вырос и пока мама не перестала брать его с собой. Почти все, что носила мама, покупалось там. Мерялось и покупалось. Мерялось все на пляже быстро и на голое тело. То справа вдруг на привычном фоне желтого песка и такого же цвета обнаженных женщин появлялась фигура в красном платье, то слева вдруг с трудом и с завидным упорством натягивались на толстые ноги джинсы и окрашивали мерявшую их женщину, точнее нижнюю ее половину, в синий цвет. Это был странный мир, к которому не подошла бы никакая музыка. Только песочный шепот Балтийского моря. А вот ему мама там ничего не купила и, наверное, купить не могла – голые женщины

продавали только женскую одежду и всякие женские побрякушки и аксессуары: сумки, платки, перчатки... Нет, кажется, там продавались и детские вещи, но только для девочек. И опять Андриус вернулся мыслями к паре красных кожаных перчаток, лежавших прямо на песке рядом с коричневой сумочкой, украшенной большой металлической пряжкой-застежкой. Они – эти перчатки – так понравились маме! Она их меряла несколько раз. Спрашивала цену. Отходила в другой конец пляжа, заходила по щиколотку в прохладную балтийскую воду и снова вела его к толстой женщине с большой грудью и круглым добродушным лицом. Андриус помнил, как мама снова и снова меряла перчатки и, надев их, шевелила пальчиками, поворачивая ладонь перед своим лицом то тыльной стороной, то внутренней. Она их меряла и вела разговор с голой торговкой. Разговор о совершенно посторонних вещах, о том, что не продавалось на пляже, – о вкусе местного молока, которое каждое утро приносила к деревянному домику их пансионата молодая краснощекая блондинка-крестьянка, о том, где можно найти янтарные бусы подешевле, о том, что путевки в пансионаты и дома отдыха Паланги скоро снова подорожают. Она их так и не купила, эти перчатки. Но намерялась их на пару лет вперед!

Андриус прогулялся пару кварталов по бульвару Гарибальди назад в сторону бульвара де Гренель, потом вернулся к спуску со станции метро и повернул на рю Лекурб. Снова слева зеленая неоновая вывеска аптеки и зеленый крест, в центре которого мигало электронными точками точное время – 15 часов 40 минут.

Андриус остановился под аптекой. Задумался. «Рынок на рю де Севр!» – опять вспомнил он слова Барборы.

Вернулся на рю де Севр. Прошел квартал до выходившей на улицу авеню, засаженной двумя рядами высоких деревьев. Тут не было никаких следов рынка. Хотя в этом месте можно было себе представить временные ряды торговцев зеленью, сыром, вином. Но ничего этого не было. Напротив авеню, под косым углом выходившей на рю де Севр, по другую сторону улицы стояли невысокие здания больничного квартала. Андриус прошел дальше. Промелькнула табличка с номером дома – «136».

– О, так эта улица не из коротких, – понял Андриус и хотел было уже зашагать по ней до самого ее начала, но тут взгляд его упал на коричневую хозяйственную сумку в руках у чернокожего парня, неспешно шедшего навстречу. Из сумки торчали загнутыми носками вверх ярко-желтые клоунские туфли огромного размера. Андриус остановился. Парень прошел мимо походкой гуляющего по парку человека. Дошел до авеню и свернул на нее.

– Интересно, – прошептал Андриус и отправился за ним следом. Дойдя до угла косой авеню, засаженной высокими деревьями, он чуть не столкнулся с этим же парнем нос к носу – тот как раз снова выходил на рю де Севр и шел теперь в обратном направлении. В джинсах и джинсовой куртке с поднятым воротником, в твидовой кепке, в белых кроссовках этот чернокожий парень меньше всего, казалось, подходил на роль клоуна. Но выглядывающее наружу содержимое сумки его выдавало. Теперь Андриус разглядел там и скомканный или на скорую руку засунутый в сумку клоунский костюм из атласной ткани веселых, режущих глаз цветов: ярко-салатового, желтого и ярко-красного.

– Интересно, – прошептал Андриус и, подождав, пока чернокожий парень пройдет метров десять, отправился такой же прогуливающейся походкой за ним. Парень остановился на углу у кафе с красным фасадом и замер, всматриваясь в арку, словно встроенную между двумя одинаковыми одноэтажными домиками старинной постройки.

– «Госпиталь Нектар», – прочитал Андриус надпись сверху арки. Слева над входом висела большая буква «N». Из арки вышла, живо обсуждая что-то на ходу, группа молодых парней и девушек, наверное, студентов. За ними следом – пожилая женщина с заплаканным лицом и сложенным зонтиком в руке. Двое мужчин остановились на улице у арки, пожали друг другу руки. Один вошел, другой отправился в сторону метро.

Андрюс покосил взглядом на парня в джинсах и джинсовой куртке. Тот говорил по мобильному, не сводя глаз с арки-входа на территорию госпиталя. Закончив, спрятал телефон в карман куртки и, развернувшись, зашел в кафе.

Понаблюдав за аркою пару минут, Андрюс тоже нырнул в кафе. Остановился у барной стойки, заказал эспрессо. Дождался кофе и, усевшись на высокий табурет, полуобернулся и осмотрелся. Невзрачная обстановка, большой телемонитор на стене, на котором показывали без звука футбольный матч, все это никак не создавало ощущения уюта. Да и на телеэкран никто из посетителей не смотрел. «Джинсовый» чернокожий парень сидел с бокалом пива один за столиком. За другим столиком расположились двое белых, но смугловатых парней. У окна – женщина лет сорока с взъерошенной рыжей копной волос. На спинке стульчика рядом висела ее желтая куртка с белым воротником из искусственного меха. Андрюс представил ее в куртке и чуть не рассмеялся – такая получилась в его воображении картинка: рыжая копна волос, явно крашенных, маленькое личико, худенькое, словно сдутое, как сдутый шарик, и белый пух воротника.

В дверь кафе заглянул, а потом, обратив свое внимание на клиентов, и зашел высокий мужчина в коричневом пальто и коричневых брюках. В руке, в полупрозрачном пластиковом пакете – плюшевый мишка. Он бросил взгляд и на Андрюса и, как показалось Андрюсу, осмотрел его с ног до головы, после чего прошел в зал и подсел за столик к «джинсовому» парню. Они заговорили негромко, но даже если бы они и говорили громче, Андрюс ничего бы не понял.

Бармен – мужчина лет пятидесяти с животиком, хорошо скрытым под мешковатым черным свитером, – подошел к ним. Но мужчина явно не собирался тут оставаться – он и присел прямо в пальто, даже не расстегнув его. Поднял взгляд на бармена и отрицательно мотнул головой.

Пока Андрюс проводил взглядом бармена обратно до стойки, мужчина в коричневом пальто уже пересел к рыжеволосой женщине. Он говорил, она кивала. Разговор длился не больше двух минут. После этого они вдвоем вышли: в его руке плюшевый мишка, в ее – синяя, плотно набитая спортивная сумка-«сосиска».

Странно, но белый воротник куртки все-таки не сделал эту женщину особенно смешной или нелепой. Андрюс бросил взгляд на «джинсового» – тот выглядел раздраженным. Сделал глоток пива, опустил взгляд на свою сумку, стоявшую на полу. Из сумки по-прежнему торчали клоунские аксессуары. Парень поднял ее и поставил прямо на сиденье соседнего стула.

«Чтобы было лучше видно!» – догадался Андрюс.

Он оставил на стойке один евро и десять центов и вышел на улицу. Увидел, как мужчина в коричневом пальто с плюшевым мишкой в пакете вместе с рыжеволосой женщиной заходят в арку больничного комплекса.

Андрюсу показалось, что он начинает понимать увиденное. Хотя «картинка» была еще не четкой, ей, как эпизоду, вырванному из фильма, не хватало субтитров или диалогов.

Он перебежал дорогу и тоже вошел в арку. Не прячась и уже не боясь быть замеченным, он зашагал за странной парой, выдерживая вежливую дистанцию.

Странная пара привела его к четырехэтажному зданию. Тут у входа он заметил две семьи с маленькими детьми и еще одного ребенка постарше – в инвалидной коляске. Рядом с коляской – хорошо одетая чернокожая женщина. Не мать, ведь ребенок был белым.

Мужчина и рыжеволосая женщина зашли внутрь. Андрюс остался снаружи. Пока стоял у двойных стеклянных дверей, внутрь прошел и «джинсовый парень» с сумкой, из которой торчали загнутые носки огромных клоунских ботинок. Прошел следом за молодой женщиной в черных кожаных брюках и такой же кожаной куртке, несшей в левой руке мотоциклетный шлем, а в правой – пакет из супермаркета «Франпри».

Сумерки уже опустились на Париж, на его пятнадцатый квартал, на рю де Севр и на госпиталь «Нектар». Во всех окнах четырехэтажного корпуса горел свет. Все больше людей

заходило в двойные стеклянные двери и выходило из них. И Андрюс перестал следить за входящими и выходящими. Но тут его внимание отвлекла уже виденная ранее пара – мужчина в коричневом пальто и рыжеволосая маленькая женщина в белой куртке и с синей спортивной сумкой-«сосиской» на плече. Они вышли и остановились рядом с ним, разговаривая дружелюбно на французском. Женщина натянула на руки белые кожаные перчатки. Потом оба достали свои мобильники, она продиктовала мужчине в коричневом свой номер, он тут же набрал и из ее мобильного полилась мелодия песни «Don't worry, be happy!»

Андрюс улыбнулся.

Музыка стихла, мобильники вернулись в карманы хозяев. Мужчина и женщина обменялись еще несколькими фразами, после чего в руках мужчины появился бумажник. Он вынул из него двадцать евро и протянул ей. Кивнул на прощанье и зашагал к арке, выводящей на улицу. Женщина осталась. Осмотрелась по сторонам и Андрюс вдруг почувствовал, как она остановила на нем свой взгляд. Он стоял в трех шагах.

Она подошла и спросила что-то по-французски.

– Pas Français, – заученно повторил Андрюс свой универсальный ответ на любой вопрос, заданный ему по-французски.

Она показала жестом, что просит сигарету.

Он отрицательно мотнул головой.

Глава 22. Где-то между Згожельцем и Гёрлицем

До границы с Германией оставалось двадцать два километра. На машине – минут двадцать, не больше. Яркое голубое небо благодаря особой, хрустальной прозрачности промерзшего воздуха отражалось в снегу, как в зеркале.

Уютный деревянный сруб автобусной остановки защищал от холодного ветра. Кукутиса сюда подвез местный лесник, старик-добряк, на ухоженном зеленом «полонезе». Сначала он хотел высадить странника у поворота к своему лесничеству, но уже в дороге сказал: «Нет, высажу я тебя за лесом!» и провез Кукутиса лишний десяток километров. Поближе к немцам. Туда, где вместо леса начиналось бесконечное снежное поле.

Солнце только-только поднялось в зенит. Кукутис смотрел на его белый холодный круг. Смотрел и мысленно прощался с Польшей, такой понятной и знакомой! Вот выйдет он сейчас к дороге, станет у ее края и может сразу, может, через полчаса, подберет его какая-нибудь машина и увезет дальше. Увезет туда, где уже не так легко найти случайный ночлег, туда, где люди меньше вздыхают о прошлом и меньше рассказывают о себе, о своих бедах и радостях.

А до вечера еще далековато было. До сумерек – часа четыре, а до настоящего вечера, который зевать заставляет, все семь-восемь. Может, поэтому Кукутис и не спешил, спрятавшись от холодного ветра в деревянном срубе автобусной остановки.

По дороге мимо сруба-остановки проехали в сторону Германии сразу десять фур с одинаковым коричневым медведем, нарисованным на борту у каждой. Проехали, подняв за собой снежную поземку, которая шлейфом за последней машиной вдогонку помчалась. И наступила тишина и неподвижность. Длилась она несколько минут и вынудила Кукутиса выйти из своего укрытия и на дорогу в сторону Литвы посмотреть. А там – голая дорога. Посмотрел тогда Кукутис в сторону Германии: и там пусто! Удивился и подумал о равновесии. О равновесии движения машин и людей. Когда это равновесие существует, то все в мире в порядке. Приезжают сто машин из Германии в Польшу и сто машин из Польши в Германию, приходит литовский Кукутис в польское село, а какой-нибудь польский Кукутис оказывается случайно на литовском хуторе. Так должно быть и так наверняка происходит, только никто всего этого движения не видит, потому что никто не может так внимательно смотреть сверху вниз на землю. Никто, кроме того, кто может! Но существует ли тот, кто может так смотреть, не понятно пока Кукутису. Может, и существует. А может, и нет. Он, Кукутис, существует. Это Кукутису точно известно. Он существует и постоянно ощущает, что существуют другие литовцы, литовцы, разбросанные по хуторам Литвы, и литовцы, разбросанные по миру, и каждый из них мечтает построить свой хутор в чужой стране. И вот стоит только с кем-то из них какой-то беде приключиться, как начинает у Кукутиса сердце болеть. Начинает покалывать. И если в самом низу сердца покалывает, значит это, что какой-то литовец в беду в Южной Африке попал. Тогда переживает просто Кукутис эту боль, понимая, что никак он до Южной Африки вовремя не доберется. Он-то и в Европе никогда не успевает на помощь, но всегда спешит. В Европе легче спешить. Европа маленькая и она чаще всего у Кукутиса в сердце болит. Хотя и занимает она только малую часть сердечной поверхности. Но зато «европейскую» боль своего сердца чувствует Кукутис острее, чем любую другую. Чувствует так точно, что сразу определить может: из Парижа она доносится или из Тулузы! Из Парижа литовская боль, конечно, доносится намного чаще. Он уже и не помнил точно, сколько раз ему этот путь проделывать приходилось – то от Мариамполе до Парижа, то от Сартая до французской столицы. А когда-то давно, очень давно, наверное, еще до окончания Первой мировой, на которой он свою правую ногу потерял, видел Кукутис зарево удивительное на горизонте. Видел его, выглядывая из окопа. И сказал ему тогда товарищ по окопу, что это Париж горит. Был тогда Кукутис чуть моложе и спорить любил. И сказал он товарищу, что Париж далеко и Европа огромна, а значит, горит где-то ближе, может,

даже в соседнем бельгийском городке. Товарищ на то отрицательно головой в каске мотнул и сказал одну фразу, которую память Кукутиса сохранила лучше, чем лицо товарища. Вместо лица от товарища в памяти только каска осталась. И несколько секунд голоса, сказавшего: «Во время войны Европа становится маленькой». Да, это точно. А в мирное время она расправляет свои поля и леса и опять превращается в почти необъятное пространство, изрезанное бесконечными дорогами, по которым для равновесия равное количество машин и людей перемещаются в противоположных направлениях.

Мороз, пробравшийся за поднятый воротник серого пальто, поторопил Кукутиса. Снова вышел он к дороге, всмотрелся в сторону Польши и, увидев несколько пар желтых автомобильных глаз-фар, медленно к нему приближающихся, улыбнулся. Хотя и было ему жаль покидать Польшу, а не покинув ее, до Парижа не доберешься!

Глава 23. Лондон

Соседи больше не появлялись. Оказалось, что они сбежали, не заплатив за две недели. Таня не очень-то расстроилась. Пару минут ругалась, проклинала их и свою доброту. А потом быстренько навела в комнатке порядок. Оставшиеся от них яйца разрешила съесть Клаудиусу и Ингриде, а пиво забрала себе. И уже на следующий день привела в квартиру новых постояльцев – и тоже молодую пару, приехавшую из Будапешта. Они даже не представились, но при встрече в коридоре или на кухне приветливо улыбались.

Клаудиус в первый момент с досадой пожаловался Ингриде на странное поведение новых соседей.

– А зачем им представляться! – Ингрида пожала плечами. – Ты думаешь, мы будем долго с ними бок о бок жить? Завтра они убегут или мы послезавтра съедем, и что – держать их имена в памяти?!

Клаудиус внезапно понял, что Ингрида права. Все вокруг изменчиво и быстротечно. За последние несколько дней ему удалось немного подзаработать и каждый раз в новом месте. И в каждом новом месте он с кем-то говорил, кого-то слушал и ни у кого не спрашивал имени. На оптовом рынке рыбы с трех часов утра таскал пластиковые лотки от продавцов к машинам рестораторов и владельцев кафе, закупавшихся на день. В скверике возле кладбища выгуливал беременную спаниельшу пожилого иранца, знакомого Татьяны. Иранец, имя которого Клаудиусу так и осталось неизвестным, выдал ему на пороге своей квартиры двадцать фунтов за два часа выгула и, не попрощавшись, закрыл перед носом дверь. Но самым тяжелым, хотя и самым прибыльным, оказался предыдущий день, когда, опять же благодаря Татьяне, Клаудиусу довелось помогать молодому безымянному поляку разрезать болгаркой во дворе заброшенного склада металлические конструкции строительных лесов. Они вдвоем снимали с автомобильного прицепа трубу с приваренными креплениями, ставили ее на сбитые ими же из подручного дерева козлы и сначала отпиливали от трубы все лишнее, а потом и саму четырехметровую трубу распиливали пополам. Поляк оказался проворным, его цепкие длинные пальцы сразу привлекли внимание Клаудиуса. Они бы подошли и пианисту, и карманнику, но достались, как оказалось, специалисту в области сантехники. После нескольких часов упорного труда он предложил Клаудиусу выкурить по косячку, а после косячка сделал совершенно неожиданное предложение: расплатиться за труд именно «косячками». Клаудиус отказался, пояснив, что ему нужны деньги, так как жена беременна. Поляк без лишних слов вручил ему тридцать фунтов.

По дороге домой Клаудиус остановился у жалкой с виду кафешки. Одно окошко, одна дверь. Справа у двери на доске мелом ценник, где первым пунктом стоял кофе за семьдесят пенсов.

– Заслужил! – Клаудиус решительно зашел, сел за шаткий столик.

Пока грел ладони о горячую кружку, думал о том, как легко ему удалось сегодня убедить поляка заплатить деньгами. Всего-то и делов: взял и соврал, что жена беременна. А Ингрида не только не беременна, но и не жена. Хотя какая разница? Живут они вместе и вполне счастливо. Может, как-то слишком спокойно? Без страсти, которой сопровождалась их первые ночи на приграничном с Беларусью фестивале и последующие редкие свидания. Да, страсть спряталась, испугавшись то ли лондонского климата, то ли шаткости местной жизни, где шаткость столика в дешевой кафешке оказывалась наименьшим и не заслуживающим даже огорчения раздражителем. А вот шаткость жизни – штука, отвлекающая от всего. Думаешь о завтра: каким оно будет? А потом снова думаешь о следующем завтра, а потом о следующем... И нет времени думать о чем-то другом или чувствовать. Нет времени и сил для страсти...

Клаудиусу вспомнились слова Ингриды о том, что и они могут съехать с квартиры так же легко и незаметно, как прежние соседи. Куда съехать?!

Хозяин кафешки, смуглый, похожий на турка или тунисца, подошел, предложил поужинать. Курица с картошкой за три девяносто девять. Клаудиус вежливо отказался. В это время очень кстати в кафешку зашли несколько строителей в синих испачканных краской комбинезонах. Хозяин заспешил к ним.

Дома Клаудиус рассказал Ингриде про поляка, про то, как убедительно соврал ему о ее беременности. Ингрида усмехнулась как-то нехорошо, неприятно.

– А может, ты действительно беременна? – осторожно спросил он.

– Я? И не надейся! Вот купишь дом или квартиру, работу постоянную найдешь, тогда можно будет и помечтать! – последние слова она произнесла почти нежно, чем успокоила Клаудиуса.

Правда, мечты о покупке дома и постоянной работе тут же окунули его в раздумья. А Ингрида тем временем вытащила из кармана джинсов пятьдесят фунтов и помахала купюрой в воздухе.

– Откуда? – удивился Клаудиус.

– Я сегодня фотомodelью поработала.

– Таня?

Ингрида кивнула.

– Не бойся, не раздевалась! Парикмахерскую рекламировала.

Клаудиус с сомнением поднял взгляд на ее волосы. Никакой прически, ничего нового – просто волосы до плеч, да и всё. Всё, как обычно.

– Наоборот, – пояснила Ингрида. – меня фотографировали лохматой, а завтра сделают прическу и снова сфотографируют. Ну, чтобы две фотографии на витрине: до и после.

– Это хорошо, – отвлеченно и грустно произнес Клаудиус. – Так они и жили...

– А что тебя не устраивает? – удивилась Ингрида.

– Отсутствие семейного уюта, – признался он.

– Согласна, меня тоже это не устраивает. Но всё в твоих руках!

– Давай выпьем чаю! – предложил Клаудиус.

– Давай! – согласилась Ингрида.

Они только собрались выйти из комнаты, как открылась дверь соседей, и парочка, разговаривая на ходу по-венгерски, прошла на кухню.

– Кто не успел, тот опоздал, – огорченно произнесла Ингрида.

– Может, они быстро? – Клаудиус бросил на подругу подбадривающий взгляд. – Давай подождем!

– Давай, – Ингрида кивнула.

Глава 24. Аникщяй

К полудню радио в машине пообещало снегопад, но это обещание вызвало у Ренаты лишь улыбку. Небо над Аникщяем светилось удивительной голубизной, деревья, подступавшие к дороге, стояли неподвижно. Снег блестел так, что хотелось оставить машину на обочине и пробежаться по нему, прислушиваясь, как хрустит его подмерзшая и обветренная нижними ветрами корочка. А еще лучше было бы пробежаться по снегу вдвоем с Витасом, взявшись за руки. Пробежаться и ощутить на щеках колючий и бодрящий морозец! Но Витас придет только через пару дней. У него остались в Каунасе незавершенные дела, да и квартирантов он нашел капризных. Они ему целый список написали, что он должен еще в квартиру купить, чтобы им у него дома комфортно жилось.

Впереди появились окраины Аникщяя. Рената сбавила скорость.

Два шпиля костела Святого Матаса выглянули из-за домов и деревьев, и снова пропали. Но сегодня в планы Ренаты посещение костела не входило. Она оставила машину на парковке магазинчиков стройматериалов, в ряд которых странным образом затесалась ветеринарная аптека.

– Добрый день! – окликнула Рената, осматриваясь в этом пустом странном квадратике, который так не был похож на обычную аптеку, хотя и кассовый аппарат, и застекленные витрины тут присутствовали.

Женщина лет сорока, кучерявая и круглолицая, в зеленом рабочем халате, вышла из подсобки. Вышла и, не скрывая удивления, уставилась на посетительницу.

Рената сама тоже на себя посмотрела – на куртку, на джинсы, на сапоги, пытаясь понять недоумение на лице работницы ветеринарной аптеки.

– Вас, наверное, дедушка прислал? – произнесла женщина и словно обрадовалась собственному предположению, изменившему выражение ее лица на спокойное и умиротворенное.

– Вы знаете моего дедушку? – удивилась Рената. – А! Может, он что-то для собаки покупал?

– У нас для собак ничего нет, только для пчел! – возразила женщина в зеленом халате.

– Пчел у нас уже лет десять, как нет! – Рената пожалала плечами. – Я хотела у вас кое-что спросить. Ко мне из Каунаса жених переезжает, он дипломированный ветеринар и уже работал там в ветлечебнице. Вы не знаете, где он может у нас работу поискать?

– К вам из Каунаса переезжает? В Аникщяй? – Глаза кучерявой дамы округлились от удивления.

– А что? – не поняла ее реакции Рената. – Так вы не подскажете?

– Вы извините, обычно все отсюда выехать стараются! Кому повезет, тот в Гамбург, а кому не очень – то в Каунас! А чтоб сюда?! А ветлечебницы у нас нет, ближайшая в Паневежисе. Можете там узнать!

– Так это далеко! – огорченно выдохнула Рената.

– Уж ближе, чем Каунас, в любом случае. Меньше шестидесяти километров!

Попрощалась Рената, вышла на морозец.

«Сюрприз не получается, – подумала. – А хорошо бы ему работу подыскать! Вот бы он обрадовался!»

Проехалась в центр городка на Баранаускаса, зашла в кафе, взяла чаю с облепихой. Вспомнила, как показывала Витасу Музей ангелов и как он сначала посмеивался над всеми эти стоящими и подвешенными окрыленными фигурками, пока не остановился перед ангелом-странником – деревянной статуэткой с двумя чемоданчиками в руках. Чем-то это ангел-странник зацепил его. После этого он уже и на других ангелов смотрел не так саркастически и снисходительно. А после музея они пришли сюда, в это кафе. И она пила такой же облепиховый

чай, а Витас взял кофе. И пообещал показать ей Каунас и Музей чертей. «Каунас посмотрю, а к чертям не хочу!» – смеясь, сказала ему тогда Рената. Столик, за которым они сидели и болтали про Каунас, сейчас был занят парой пенсионеров. «Я тоже никогда туда не хотел, но знаю, что чертей там больше, чем у вас ангелов! Даже твой дед об этом знает!» – снова прозвучал в памяти Ренаты веселый голос Витаса. Славно они тогда погуляли и поболтали тут, в Аникшяе! И сейчас ей тут хорошо, хотя сегодня она одна. Зато в следующий раз они приедут сюда вдвоем! Ведь хорошо иметь любимое кафе, любимую кондитерскую, любимый хлебный магазинчик, что угодно, но любимое. Чтобы можно было держать в памяти как бы живую карту родного городка и знать, где, на какой улице и в каком доме для тебя всегда приветливо горят окна, хотя ты там не живешь!

«А может, съездить в Паневежис, найти там ветлечебницу и узнать, есть ли для Витаса работа ветеринара? – подумала вдруг Рената. – Автобусом туда час езды, не больше! Если б его взяли, я бы отвозила его на автобус, а потом забирала с автобуса домой! Все равно рано или поздно в Аникшяе для меня работа найдется! И тогда я буду каждый вечер приезжать сюда и пить облепиховый чай, пока его автобус не подъедет к автовокзалу!»

Она мечтательно посмотрела в окно и увидела летящие вниз снежинки – крупные, пушистые, легкие. Показалось, что на улице стало темнее.

Посидела еще с полчаса, допила оранжевый ароматный чай. Выйдя на порог, остановилась и ахнула – с неба повалил настоящий снегопад! Не поверила своим глазам, сморгнула несколько раз, накинула капюшон на голову. Подошла к машине, а она уже не красная, а белая от снега. Мотнула удивленно головой и в кафе вернулась обождать. Ехать под таким снегопадом не хотелось! У нее же не снегоход, а машинка на четырех маленьких колесиках!

Вернулась за свой столик и разнообразия ради заказала черный чай с медом. За окном продолжал валить снег, и иногда казалось Ренате, что его кто-то прямо над окном лопатой вниз сбрасывает. Потому что некоторые снежинки словно собирались вместе и падали быстрее других из-за своей «дружной» тяжести.

Глава 25. Париж

Парижское метро укачивает нежно. В его звуках отсутствует металл, отсутствует несносный шум. Колеса у метро резиновые. Поезд поворачивает мягко, почти игриво. То налево, то направо. Словно постоянно объезжает некие подземные преграды. И только некоторые отрезки подземки, словно специально для удивленного пробуждения задремавших пассажиров, сделаны прямыми. Вот и отрезок одиннадцатой линии от станции «Бельвиль» и дальше в сторону Периферик прямой, как натянутый между двумя столбами трос для канатоходца. Но задремавшего Андрюса прямая подземная колея не пробудила. Осталась позади его станция «Жардан», остались позади и следующие станции, и только на конечной – «Мэри де Лиля» – он открыл глаза, удивившись, что поезд долго стоит на месте. Усталость – и физическая, и эмоциональная – не позволила ему даже на себя рассердиться. Он опустил взгляд вниз – сумка, зажатая между ног, была на месте. Сумка, в которой лежала его маленькая «инвестиция» в профессию, никуда не делась. Никто ее не украл, хотя он уже не раз слышал о том, как воруют в метро вещи у заснувших или пьяных пассажиров.

Вышел на платформу нетвердым шагом моряка, ступившего с корабля на берег. Огляделся. На противоположной платформе в такой же зеленый поезд садились пассажиры. Перешел туда по подземно-надрельсовому переходу. Успел зайти в поезд и поставить сумку на пол, как двери вагона синхронно закрылись.

«Хорошо бы сегодня выпить», – подумал.

Мобильник показал время – половина девятого.

– Интересно, а Барби уже поужинала, или ждет меня?

Поезд наконец тронулся. Андрюс смотрел вверх на линейную схему одиннадцатой линии. Еще четыре станции, и он дома!

Влажный прохладный ветерок прочесал его волосы, провел невидимой мокрой ладошкой по лицу. Легко ставший родным Бельвиль радовал то тут, то там горящими вывесками на китайском и арабском языках. Все витрины светились, хотя большинство магазинчиков уже были закрыты. У интернет-кафешек, из которых можно было дешево звонить по всему миру, стояли представители парижского интернационала: индусы, африканцы, арабы, вьетнамцы. Они обычно занимали весь тротуар, но, видя прохожих, всегда прижимались к витрине, освобождая дорогу.

«Интересно, кому они звонят?» – подумал на ходу Андрюс, проходя мимо очередной интернет-кафешки.

И вдруг остановился, посмотрел на витрину, на приклеенные к ней расценки телефонных разговоров. Нашел в длинном списке стран родную Литву – двадцать центов за минуту!

– Позвонить можно? – спросил по-английски.

– Ок, номер три! – Парень-араб за прилавком, под стеклом которого были выложены бэушные мобильники и новенькие зарядные устройства, кивнул на ряд телефонных кабинок, похожих на старомодные шкафчики для одежды.

Андрюс достал пять евро, протянул парню.

– After¹⁰, – сказал парень и махнул рукой в сторону кабинок.

Длинные гудки, доносившиеся из трубки черного стационарного телефона, показались Андрюсу завораживающей музыкой. Он знал, что каждый длинный гудок соответствует длинному звонку телефонного аппарата, стоящего в его доме, в доме его родителей. Даже если там никого нет, это не страшно. Главное, что он смог потревожить с расстояния двух-трех тысяч километров тишину его дома, смог напомнить о себе вещам и мебели, среди которых он совсем недавно жил.

Длинные гудки продолжались, и Андрюс уже было собирался опустить трубку на место, как вдруг знакомый до боли, запыхавшийся голос не крикнул ему в самое ухо: – Алло! Алло!

¹⁰ Потом (англ.).

– Мама, привет! – выдохнул удивленно Андрюс. – Как ты?

– Андрюс! Родной! Привет! Я только-только зашла! Еще и снег с сапог не стряхнула. Слышала из-за двери, как телефон звонит, а ключ как назло в сумке потерялся! У меня все в порядке! Ты лучше скажи, как у вас?

– Отлично! Заработал сегодня сорок евро!

– Это в день?

– Да!

– Молодец! Так это что, ты тысячу в месяц получаешь?

– Нет, меньше, – Андрюс усмехнулся. – У меня пока не каждый день такой заработок.

– Главное, что ты устроился! Как Барбора? Что она делает?

– Няней работает. Больше меня получает.

– Ну слава богу, что у вас все хорошо!!!! Я так переживала!

– Нет, у нас все отлично! Я недавно вспоминал, как ты меня в Паланге на «голый пляж» водила!

– Нашел, что вспоминать! – рассмеялась мама. – Все об этом времени забыли, а ты решил вспомнить!!

– Как у тебя с деньгами?

– Хватает, не беспокойся! На пенсию, конечно, не разгуляешься, но я подработку нашла! Два раза в неделю консержкой в новом доме. У меня своя комнатка, телевизор!

– Ты телевизор долго не смотри! Для глаз вредно! – шутливо посоветовал Андрюс. – Извини, мне пора. Барбора дома ждет!

– Привет ей передай! Поцелуй ее от меня! – попросила мама.

– Обязательно!

Спонтанный телефонный разговор с мамой и разбудил Андрюса окончательно, и согрел. Усталость прошла. Осталось ощущение некоего душевного неудобства, но оно так просто не уйдет. Его надо выговорить. Если Барби еще не ужинала, то он ей все за ужином и расскажет. Больше ведь ему тут не с кем разговаривать!

Барбора лежала одетая на кровати поверх зеленого одеяла и смотрела в потолок. Она даже не повернула голову, когда Андрюс вошел в квартиру.

Андрюс разулся, подошел, глядя на улыбающийся портрет кучерявой африканки на стене.

– Ты устала?

– Ага, – выдохнула она.

– А я думал, мы выйдем поужинаем? У китайцев или вьетнамцев. Или даже у французов? – Он достал две синие двадцатиевровые банкноты и помахал ими над ее лицом, скорее пытаясь оживить ее взгляд, «приклеенный» к потолку, чем удивить своим сегодняшним заработком.

– Ого! – она посмотрела на Андрюса. – Это же сколько ты часов кривлялся у карусели?

– Не у карусели, – ответил он спокойно. – Помнишь, ты мне говорила про «рынок клоунов» на рю де Севр? Кто-то тебе про этот рынок рассказал. Так вот никакого рынка там, конечно, нет. Но есть большая больница и кафе напротив, в котором сидят клоуны. Сидят и ждут, пока за ними не придут родители какого-нибудь больного ребенка. И они приходят и нанимают клоуна! Если у родителей есть деньги, и больному ребенку клоун понравился, то у клоуна будет постоянный заработок. Если не повезет, то одноразовый.

– Ну и как? Тебе повезло? – Барбора уселась на кровати, обняв свои согнутые колени.

– Кажется, да! Меня нанял один африканский дипломат. Из Камеруна. У него там сын лечится. Зовут Поль. Ему лет тринадцать.

– А чем он болеет?

Андрюс пожал плечами.

– Я не спрашивал. Как-то неудобно. Я только часик у него пробыл. Смеется, как здоровый. На английском шпарит, как на родном. Папа тоже. Папа сказал, что зайдет за мной в кафе завтра в пять!

– Сорок евро за час?! – удивленно выдохнула Барбора и грустно покачала головой.

– Нет, по двадцать в час. А что тут плохого? – не понял Андрюс.

– Плохого ничего! Просто не верится. А скажи, – она пристально уставилась ему в глаза. – В этом кафе сидят только клоуны? – Задумчивая грусть на ее лице сменилась веселым любопытством. – С носами, в ярких костюмах с надувными шариками?

– Нет, они одеты, как обычные люди, но у каждого с собой сумка с костюмом и разными приколами. Так что, пойдем поужинаем? – снова спросил Андрюс.

Барбора поднялась с кровати.

Рю де ля Вилетт всегда увлекала за собой вниз, в сторону площади Републик. Вот и в этот раз Андрюс и Барбора, выйдя из четырехэтажного дома, в котором снимали квартирку, повернули направо и отправились вниз по улице. Влажный прохладный ветерок дул им в лицо, он словно поднимался вверх по этой улочке, освежая своим касанием всех, идущих ему навстречу.

– Может, сюда? – Барбора остановилась, глядя на открытый ливанский ресторанчик по другую сторону улицы.

– Давай! – с готовностью согласился Андрюс.

Глава 26. Лондон

– Ну что? Пошли? – прошептала Ингрида, прислушиваясь.

Клаудиус бросил взгляд на темные пятна двух рюкзаков, лежавших на полу под ногами.

– Ты все проверила? – спросил он, оглянувшись на окошко, за которым темнела лондонская ночь. – Давай на секунду включим свет!

– Не надо. Я все проверила. В холодильнике у нас масло, сосиски. Думаю, до вечера она не поймет, что мы съехали...

Они бесшумно покинули квартиру, поднялись по железной лестнице на уровень улицы и уверенно зашагали в сторону Эссекс-роуд. Когда вышли на нее, повернули налево. Увидев скверик, сбавили шаг и присели на мокрую скамейку отдохнуть.

– Я и не думала, что ты такой ревнивый! – Ингрида бросила на Клаудиуса пытливый взгляд. – В Литве ты таким не был!

– В Литве не было повода.

– Как это не было повода?! Свидания раз в две недели! А ты не спрашивал себя: с кем я могу в промежутки между нашими свиданиями встречаться? Я ведь могла и жить с кем-то вместе, удирая два раза в месяц к тебе, а ему говоря, что еду к родителям...

– Ну ты же порядочная... Ты бы так не поступила!

– А зачем тогда ты поперся следить за мной в парикмахерскую? – Ингрида удивленно покачала головой.

– Ну не платят просто так за две фотографии пятьдесят фунтов, – выдохнул Клаудиус. – Я за тебя боялся. Этот придурок явно на тебя глаз положил!

– Не придурок, а Карстен, парикмахер! А мужчины-парикмахеры – они всегда тонко ощущают красоту. Кстати, половина из них – голубые! Так что зря волновался!

– Видишь, ты даже его имя знаешь, хотя раньше говорила, что не надо ни с кем тут знакомиться... А что я должен был думать?! Он тебя стриг и фотографировал... А потом повел кормить обедом. Это нормально?

– Нормально, – Ингрида усмехнулась. – Он же не домой к себе повел, а в кафе! Да успокойся ты! Тоже мне: чистый и порядочный! Кто только что с квартиры сбежал, не заплатив за неделю?

– Ну ты даешь! – Клаудиус обернулся к Ингриде. – Это же твоя идея!

– Идея моя, а ты согласился! Если б ты был чистый и порядочный, ты бы твердо сказал: «Нет, мы так делать не будем! Мы честные!», и мы бы сейчас спокойно спали бы под теплым одеялом...

– ...в холодной комнате, – добавил Клаудиус.

– Вот видишь! Теперь у нас обоих синдром гастарбайтера! Разбогатеем, тогда и вспомним про мораль и честность! Кстати, там, куда мы сегодня поедем, нам никого не надо будет обманывать! Там все по-честному! И даже интернет бесплатный.

– Да, интернет – это самое важное! – хмыкнул Клаудиус. – Ты только не сказала, куда мы едем, что мы там будем делать и где мы будем жить?

– Помучайся, помучайся! – голосок Ингриды стал наигранно жалостливым. – Я это место нашла, я и решу: когда тебе все рассказать! Хотя я лучше тебе покажу. Когда приедем! Нам там надо быть к десяти утра!

Вспыхнувший монитор мобильного осветил бледное лицо Клаудиуса.

– А сейчас почти два часа ночи, – сказал он.

– Поэтому мы так медленно и идем! – Теплые пальцы Ингриды провели по небритой щеке Клаудиуса. – К десяти утра у тебя вырастет настоящая щетина! Но это не страшно!

К шести утра они добрались, уставшие, до вокзала Ватерлоо. Купили два билета до Ишера и сели в первый пригородный поезд, отправлявшийся на Гилфорд. Железные колеса стучали, прерываясь на короткие остановки. Мимо пронеслись таблички с названиями станций Клэпхэм Джанкшн, Уимблдон, Сербитон. И вот, наконец, после получаса дороги они вышли на мокрую платформу станции Ишер. Вышли и оглянулись.

– А теперь? – спросил, зевая, Клаудиус, присматривая место, куда можно было бы опустить рюкзак.

– Туда идти еще рано. Надо подождать.

Комнату ожидания на первой платформе индус-железнодорожник открыл как раз, когда они подходили к двери. Улыбнулся. Пожелал хорошего дня.

– Ох, если бы все были такими! – уже опустив рюкзак на пол и упав в железное кресло, произнес в спину железнодорожнику Клаудиус.

– Ты хочешь, чтобы все в Англии были индусами? – усмехнулась Ингрида.

– Угу, – Клаудиус кивнул. – Я хочу, чтобы все в Англии были вежливыми индусами-железнодорожниками. Меня такая Англия вполне устроит!

– Но тогда и тебе придется стать индусом-железнодорожником!

– Согласен!

– И что, домой потом ты тоже индусом вернешься? – разыгравшаяся фантазия изгоняла из головы Ингриды усталость.

– Мы с тобой оба вернемся: я – индусом, а ты – индусской!.. Спать хочется...

– Ну спи, а я покараулю твой сон, – пожалела бойфренда Ингриды, посмотрела на него ласково. – У тебя и рюкзак тяжелее! Давай, вздремни! Я потом тебя разбужу!

И Клаудиус, прильнув головой к ее плечу, провалился в дрему. Проваливаясь, он слышал ее дыхание, слышал биение ее сердца, доносившееся сквозь плоть, сквозь кожу, сквозь футболку, зеленый свитер и пуховую китайскую куртку.

Ритм ударов ее сердца был неспешным и ровным. И даже если это было не ее сердце, а его собственное, то все равно этот ритм усыплял лучше любой таблетки.

Где-то рядом останавливались поезда, бжикали автоматические двери вагонов, открываясь, и тут же гулко сдвигались, соударяясь твердыми резиновыми кантами. Дробный стук спешащих подошв. Все это не беспокоило, не отвлекало, не пробуждало. Только когда разом все стихло, Клаудиус открыл глаза, словно проверяя: не провалился ли он часом в другой, безмолвный и безжизненный мир. Теплый запах волос Ингриды его успокоил. Она тоже дремала, уткнувшись лбом в его висок. Аккуратно, сохраняя неподвижность, Клаудиус достал из кармана куртки мобильник. Четверть десятого. Скоро встреча с кем-то, скоро тайна, которую так радостно и гласно хранила Ингрида, дразня его, раскроется. И он поймет, куда и зачем они приехали. Но сначала надо ее разбудить, потом искать дорогу, улицу, дом или офис...

– А мы в кассе спросим, как туда пройти, – предложила Ингрида, когда они покидали уютную комнатку ожидания.

В кассе станции никого не оказалось. Окошко было закрыто.

Поэтому дорогу к записанному у Ингриды адресу они спрашивали на заправке.

– Вы пешком? – удивился китаец-заправщик.

Клаудиус кивнул. Китаец объяснил дорогу, при этом несколько раз повторив, что там легко заблудиться и что идти туда предстоит не меньше получаса.

По обочине автодороги шли они друг за другом, ощущая и усилившуюся тяжесть рюкзаков, и накопившуюся с прошедшей ночи усталость. Мимо шипели шинами по мокрому асфальту малолитражки. На развилке остановились, припомнили маршрут, описанный китайцем. Свернули налево. Минут через пять оказались еще на одной развилке. Направо и вверх на холм уходила узкая, в ширину одной машины, дорога, украшенная табличкой «Grosvenor Drive».

– Ну вот и наша улица! – обрадовалась Ингрида. – Теперь надо найти дом номер три и мы на месте!

Ближе к вершине холма дорога раздвоилась.

«One Grosvenor Drive», – прочитал Клаудиус на синей табличке, прикрепленной к двум приземистым столбикам на краю правого ответвления дороги.

– Чего это они цифры буквами пишут? – удивился он вслух. Потом оглянулся по сторонам. – Тихая улица!

Свернув на третьей развилке на боковую дорожку, Ингрида и Клаудиус дошли до закрытых железных ворот, за которыми справа стоял симпатичный двухэтажный домик из красного кирпича с глиняной черепицей на крыше, поросшей пятнами зеленого моха.

Ингрида, сбросив рюкзак, осмотрела ворота и калитку. Нашла переговорное устройство. Несколько раз безрезультатно нажала на кнопку. Оглянулась растерянно.

– Кажется, нас не ждут, – произнес Клаудиус.

Они уселись под воротами на рюкзаки.

– А кто нас тут должен встречать? – Осторожно нарушил молчание он.

– Может, мы просто рано пришли, – Ингрида пожала плечами. – Надо подождать. Спешить все равно некуда.

– Это точно! – закивал Клаудиус.

В ее голосе он услышал нервные нотки и решил больше пока вопросов не задавать. Она все спланировала, привезла его сюда. Пусть сама что-то и предлагает!

Он оглянулся на засыпанную листьями аллею за воротами. Обсаженная туями, эта аллея сворачивала направо. Несмотря на ее запущенный вид, было件нятно, что за ней когда-то ухаживали. Только сейчас этот парк выглядел полудиким, заброшенным. Да и «аллейные» туи стояли не по росту. Некоторые из них отклонялись от общего ряда, другие, наоборот, наклонялись вперед, нависали над дорожкой.

– У тебя есть план «Б»? – после получасового молчания негромко поинтересовался Клаудиус.

Ингрида отрицательно мотнула головой. В ее глазах блеснули слезы.

И тут она вздрогнула, направила взгляд на дорожку, по которой они сюда пришли, в сторону, откуда все громче и громче доносился звук автомобильного мотора.

Старенькая, необычного вида малолитражка-универсал вынырнула из-за деревьев и, подъехав к воротам, остановилась.

Из машины выбрался восточной наружности человек в длинном сером плаще. Не глядя на Ингриду с Клаудиусом, обошел машину, открыл одну из двух задних дверок, взял оттуда черный кожаный портфель и зонтик. Когда он захлопнул автомобильную дверцу, Клаудиусу показалось, что захлопнулась обычная квартирная дверь. Он присмотрелся и обомлел – задняя половина кузова была деревянной. И стекла заднего ряда напоминали обычные окошки старого литовского домика.

«Самоделка?» – подумал Клаудиус.

А водитель необычной машины остановился перед ними.

– Вы – Ингрида? – спросил он с аристократическим английским выговором, так не шедшим его восточному лицу.

Ингрида приподнялась с рюкзака.

– Меня зовут Ахмед, вы со мной договаривались по телефону, – продолжил он.

Из черного портфеля Ахмед достал маленькую сумочку, а из нее извлек связку ключей. Попробовав три из них, он с четвертой попытки открыл замок калитки справа от ворот и жестом поманил Клаудиуса и Ингриду зайти.

Дверь в двухэтажный домик из красного кирпича ему удалось открыть со второй попытки. Уже в узком холле-коридорчике Клаудиуса что-то насторожило. Спертый сырой воз-

дух вызвал желание чихнуть, но он зажал себе пальцами нос и подождал, пока это желание пройдет.

На полу прямо по центру коридорчика стояли почти новые мужские тапки. Ахмед их отодвинул ногой под левую стенку и прошел вперед. Оставив рюкзаки под вешалкой, Ингрида и Клаудиус последовали за Ахмедом и оказались в маленькой кухне, где аккуратный деревянный столик был установлен прямо под таким же аккуратным окошком. Увидев деревянную лакированную раму, Клаудиус сразу же подумал о машине, на которой приехал Ахмед.

А тот вытер столик губкой, взятой с краешка мойки. Опустил на стол свой портфель и извлек из него синюю пластиковую коробку для документов. Затем вытащил тонкий ноутбук.

– Садитесь! – кивнул он молодой паре на стулья.

Клаудиус напрягся. Ведь он до сих пор не знал, куда они приехали и что их здесь ожидало. О чем Ингрида за его спиной договорилась с этим Ахмедом? Что за документы лежат в синей пластиковой коробке? Зачем тут компьютер?

А Ахмед разложил ноут на столе, включил. И остановил свой взгляд на Клаудиусе.

– Я не знаю, какой у вас опыт работы, – сказал он.

– Я... – начал было что-то лепетать Клаудиус, застигнутый врасплох.

– Да ладно! Расскажите хозяину! Минуточку! – остановил парня водитель необычной машины. И уставился в монитор своего серебристого «Apple».

Над столиком зависла продолжавшаяся несколько минут тишина. Клаудиус краешком глаза наблюдал, как Ахмед пытался с кем-то соединиться по скайпу. Наконец длинные тягучие гудки зазвучали в маленькой кухне. И кухня под «музыку» скайпа показалась Клаудиусу уютной и живой. Уставшие глаза Ингриды тоже ожили. Она подняла взгляд на верхние полки над массивной, сделанной под старину плитой. На них стояли старинные чайники и кофейники из старого, мутного металла, должно быть, олова. Чуть ниже на другой полке – три медные сковородки с длинными ручками.

– Мистер Кравец, вы меня слышите? – на изысканном английском спросил кого-то Ахмед.

– Yes, yes, – ответил некто Кравец.

– Мы уже у вас. Желаете ли вы поговорить с экономкой и садовником перед тем, как я от вашего имени подпишу с ними контракт?

– С испытательным сроком? – уточнил с сильным акцентом некто Кравец.

– Конечно, господин Кравец.

– Да, давайте их сюда.

Ахмед развернул «Apple» экраном к молодой паре. Перед ними возникло круглое лицо бородатого мужчины. Взгляд уставших глаз прошелся по лицам Ингриды и Клаудиуса. Синеватые «мешки» под глазами этого Кравца говорили или о бессонной ночи, или о бессонной жизни. Он поднес ко рту сигарету, затянулся и медленно выпустил дым в сторону.

– По-русски понимаете? – перешел он на русский.

– Ну немного, – ответил Клаудиус.

– А много и не надо! – успокоил Кравец. – Вы точно из Литвы? Покажите паспорта!

Ингрида достала оба паспорта, развернула, по очереди показала собеседнику.

– Отлично, – сказал он. – Меня недавно парочка белорусов пыталась развести, тоже выдавали себя за литовцев. А я принципиально славян на работу не нанимаю! Поняли?

Оба кивнули.

– Детали вам пакистанец расскажет. Связь со мной будете держать по скайпу. Этот компьютер остается у вас. Выходить на связь будете каждый вечер в двадцать два ноль-ноль. Если я не отвечаю – ничего страшного! Если вы не звоните – это повод для разрыва контракта. Кто из вас будет старшим?

Клаудиус с Ингридой удивленно переглянулись.

– В каком смысле? – осторожно спросил парень.

– В смысле ответственности.

– Я, – твердо заявила Ингрида.

Клаудиус с облегчением кивнул.

– Как зовут?

– Ингрида.

– Можно, я тебя буду называть Ингой, будем экономить буквы и время. Значит, так. Главное – вы живете в этом домике и отвечаете за всю территорию и за усадьбу. Хотя все это пакистанец вам расскажет. Он может приезжать в любое время, чтобы вас контролировать. Я за это ему деньги плачу. Все обязанности в контракте. Рад познакомиться. Пока!

Пакистанец Ахмед развернул ноут экраном к себе. Отключил. Закрыв. Вытащил из коробки файл с бумагами.

– Вот контракт, – сказал он, протягивая его Ингриде. – Можете прочитать, можете просто подписать, а я все устно расскажу. Так лучше запомнится.

– Рассказывайте, пожалуйста, – попросила Ингрида.

Клаудиус застыл. Его английский был послабее, чем у Ингриды, но Ахмед говорил так четко и ясно, что Клаудиусу показалось, будто его знания языка мгновенно улучшились до потрясающего уровня.

Ахмед пообещал показать основной дом и объяснить, как его содержать в чистоте и порядке. Как пользоваться кредиткой, которую он также вытащил и вручил Ингриде вместе с конвертиком, в котором находилась бумажка с пин-кодом. Когда речь зашла об уходе за садом, он перевел взгляд на Клаудиуса. Рассказ Ахмеда длился минут двадцать, после чего Ингрида подписала под двумя экземплярами контракта, а уже под ее подписью поставил свою и Клаудиус, заметив, однако, что в контракте его имя и фамилия отсутствовали.

Они прошли по аллее до большого трехэтажного особняка. Поднялись по мраморным ступенькам к парадному входу, прикрытому портиком, стоявшему на четырех колоннах. Тут Ахмед открыл двери с первой попытки – ключ от них был побольше других. Первым делом показал кладовку с инструментарием для уборки дома. Потом провел по всем этажам. На третьем этаже располагались до десятка просторных спален, каждая со своим особым интерьером. На втором этаже – зал с камином, библиотека, совмещенная с бильярдной, столовая с удлиненным овальным столом на человек тридцать и тоже с большим камином. На всех стенах столовой висели портреты важных мужчин в старинных одеждах.

– А кто этот Кравец? – поинтересовался Клаудиус.

– Хозяин усадьбы, – ответил пакистанец.

– А чем он занимается?

– Бизнесом, – холодно ответил Ахмед, давая понять, что ему не нравится любопытство только что принятого на работу садовника. – Я должен еще дать вам ключи от служебной машины и показать хозяйственные постройки...

– А какая машина? – оживилась Ингрида.

– Сейчас увидите! – спокойно охладил ее любопытство пакистанец.

Свернув за особняк и пройдя по аллее, высаженной волнистой линией, все трое вышли к выложенной бетонными квадратными плитками площадке, на которую выходили окна, двери и две пары въездных ворот одноэтажного кирпичного здания, стоявшего буквой «Г». Слева чуть дальше виднелась уже знакомая ограда усадьбы и еще одни ворота.

В руках у Ахмеда опять зазвенели ключи. Он открыл дверь и они зашли внутрь.

– Там, – указал он направо на блестящую стальную дверь, намного более солидную, чем входная, – вход в погреб и морозильники. А нам сюда!

Дверь с левой стороны открылась с легким скрипом и они вошли в гараж, где Клаудиус к своему удивлению увидел такую же винтажную машину, на какой приехал Ахмед. Отлича-

лась она только цветом – приятным светло-бирюзовым. Может, именно из-за цвета деревянные детали кузова показались Клаудиусу темнее, чем на машине пакистанца.

– А она ездит? – спросила Ингрида.

Ахмеду ирония в голосе девушки явно не понравилась. На какое-то мгновение его взгляд стал презрительным, но презрение тут же улетучилось, оставив место безучастному безразличию, с которым он проводил эту «экскурсию» с самого начала.

– Ездит, и будет ездить, если вы не поломаете. А если поломаете, придется оплачивать ремонт, – холодно произнес он.

– А как она называется? – спросил Клаудиус.

– «Моррис Майнор Тревел».

– У вас такой же? – дружелюбно поинтересовался парень.

На смуглом лице Ахмеда появилась едва заметная улыбка.

– Да, – выдохнул он. – Это одна из лучших британских машин! Классика! Позапрошлый хозяин усадьбы знал толк в автомобилях. Последние двое просто покупали все, даже не зная, что они покупают...

Ахмед достал из портфеля прозрачный пластиковый конверт с ключами от машины и протянул Клаудиусу.

– Он не умеет, это я вожу! – Ингрида протянула руку и взяла конверт. Ахмед несколько разочарованно посмотрел на парня.

Перед тем как уехать, Ахмед показал молодой паре навесной шкафчик со всеми ключами – он висел в кладовке их нового служебного жилища с громким названием «Gate House». Также Ахмед оставил свою визитку и копию подписанного контракта.

Закрывать калитку за пакистанцем они вышли вдвоем. «Моррис Майнор Тревел» Ахмеда, громко заурчав мотором, тронулся с места и плавно въехал в лес, скрывшись за деревьями по желанию сворачивавшей направо асфальтированной дорожки.

– Круто! – выдохнул Клаудиус, оглядываясь по сторонам и осматривая доступную взгляду территорию, на которой им теперь предстояло обитать. Остановил взгляд на Ингриде. – Ну ты даешь! – С тобой точно не пропадешь!

– Со мной – нет, – усмехнулась Ингрида. – А вот с тобой – можно!

Глава 27. Земля Заксен

– У нас слишком хорошие дороги, – с сожалением говорил Кукутису кучерявый молодой немец, успевший уже рассказать подобранному им в пути одноному страннику о том, что год назад добровольно ушел на пенсию, чтобы насладиться плодами своего аптекарского труда.

Немец был из тех людей, которые берут попутчиков для общения и при этом никаких вопросов не задают. Главное – рассказать попутчику о себе и о своих проблемах, если последние существуют. У Карла, похоже, проблем не было. И Кукутис слушал его внимательно в благодарность за то, что тот остановился и предложил его подвезти.

Спидометр на БМВ Карла показывал 170 км в час. И впереди, и позади ехали машины приблизительно с той же скоростью. Автобан то и дело поворачивал то влево, то вправо.

– Когда в стране много хороших дорог, то люди редко останавливаются, чтобы осмотреться по сторонам, – продолжил Карл после короткой паузы. – Всем просто хочется побыстрее куда-нибудь доехать...

– Да, – кивнул Кукутис. – Но ведь автобан совершенно не прямой! Да и машины у вас, в Германии, хорошие. Почти не ломаются! А это, наверное, приводит к безработице среди автомехаников!

Карл оторвал на мгновение взгляд от дороги и посмотрел на пассажира чуть озадаченно. Помолчал с минуту, потом снова бросил взгляд на Кукутиса, но в этот раз уже с улыбкой на лице.

– Нет, автомеханики у нас все при деле! У нас же по дорогам не только немецкие машины ездят! И французских полно, и корейских... А некоторые немцы специально российские «Лады» покупают!

– Зачем? – удивился Кукутис.

Немец пожал плечами.

– Наверное, отличиться хотят, – предположил он. И снова покосил любопытным взглядом на странника. – А вы, наверное, не немец! Или не совсем немец! Немецкий язык у вас какой-то интересный!

– Вы правы, – кивнул Кукутис. – Я не совсем немец. Я из Жемайтии.

– Жемайтия? – повторил Карл, прислушиваясь к незнакомому слову. – Это страна?

– Это земля. Рядом с Восточной Пруссией.

– Восточная Пруссия?! А разве она еще есть?

– Это как посмотреть! – ответил Кукутис. – Жемайтия тоже ведь вроде и есть, а вроде и нет. Но для меня, для жемайтийца, конечно есть. Думаю, что и Восточная Пруссия для восточных пруссов существует, а для других, может, и нет ее больше! А вы, случайно, не восточный прусс? Хотя вряд ли! Тогда б вы не сомневались в ее существовании!

– Я? Я – немец, – проговорил задумчиво Карл.

– Немец – это по документам, как я – литовец! А глубже, под немцем у вас кто?

– Под немцем у меня шваб. По матери. А по отцу... Отец с Балтики был, Штральзунд, Пенемюнде, потом в Ростке рыбу ловил.

Кукутис замолк, задумался. Опустил затылок на подголовник удобного кресла. Захотелось вздремнуть.

Водитель, бросив на пассажира-попутчика мимолетный взгляд, включил радио. В дорожный шум добавилась классическая музыка. Скрипки невидимого оркестра запели, как стая соловьев.

У Кукутиса кольнуло в сердце. Где-то в районе Парижа. Но кольнуло слабо. Один раз кольнуло и успокоилось.

Поэтому мысли Кукутиса не озаботились сиюминутной географией боли. Мысли Кукутиса вместо этого стали рисовать ему сон.

- Йонас! – окликнула мальчика мама.
- Витаутас! – окликнула того же мальчика другая мама.
- Роландас! – окликнула его третья.

А он, трехлетний, стоял растерянno, переводя взгляд маленьких голубых глазенок с одной мамы на другую, и вдруг за их спинами увидел еще одну маму, которая еще только собиралась выкрикнуть его имя. Растерянность сменилась страхом и мальчик зажмурился, повторяя шепотом, как заклинание: «Я не ваш, я свой собственный! Я не Йонас, я не Роландас, я – Кукутис!»

На губах задремавшего пассажира-попутчика водитель заметил улыбку. И сам улыбнулся, завидуя пассажиру.

Глава 28. Аникщай

На автовокзал Аникщяя Рената приехала за полчаса до прихода автобуса из Каунаса. Выехала с хутора заранее, чтобы не спешить на заснеженной дороге. Но «фиатик» преодолел зимнюю гравийку легче, чем она ожидала. Сам нащупал колею под снегом и доплелся по ней до асфальта, по которому уже не один десяток машин с утра проехал, укатав снег и определив края дороги. Дальше ехала она с той же черепашьей скоростью, но намного увереннее. А когда припарковалась, чай из малиновых листьев в термосе все еще был горячим. И она сидела в машине, пила чай из металлической кружечки-крышки термоса и смотрела на автобус, набравший желающих ехать в Утену, ближний городок, который местами был больше похож на настоящий город, чем сам Аникщай, гордившийся самым высоким в Литве костелом, но если забраться на одну из его двух башен, то и смотреть особенно было не на что, кроме извилистой «святой» реки Швентойи.

Наконец автобус на Утену уехал, и после пятиминутного отсутствия жизни на автовокзале и его платформах вместо привычных маленьких автобусиков к приземистому одноэтажному комплексу подъехал белый «Неоплан».

Витас вышел одним из первых, а потом, когда водитель открыл нижнее багажное отделение, вытащил оттуда два объемных чемодана и рюкзак.

Рената уже бежала к нему. Они поцеловались и только потом поздоровались.

– Поместится в твоей крошке? – спросил он, указав взглядом на багаж.

– Если внутри не «черные ящики», то как-то устроим!

Чемоданы оказались не тяжелыми. Рюкзак тоже особенно не давил плечи Ренате, вызвавшейся помочь донести его до машины. Именно рюкзак и поместился в багажник, заняв там почти все место. Чемоданы не без труда Рената с Витасом запихнули на заднее сиденье.

– Это все? – спросил, выглянувший на шум в коридор, дед Йонас.

– Нет, конечно нет! – возразил Витас. – Это только одежда и компьютер. Мебель я квартирантам оставил, а остальные свои вещи маме отвез. Она на даче одна живет, а там места хватает!

– Стало быть, с переездом! – Йонас закивал вполне приветливо. – Отмечать будем?

Витас вопросительно глянул на Ренату и тут же полез в карман куртки, вытащил двести литов, протянул деду.

– Это мой вклад на содержание дома! – сказал.

Старый Йонас улыбнулся. Деньги взял.

– Я думал, ты моложе! – проговорил. – А теперь вижу – взрослый и ответственный! Ну, если будете праздновать, зовите! У вас стол больше моего!

Разувшись и повесив куртки в коридоре на вешалке, Рената и Витас занесли вещи в комнату.

– Я тебе полшкафа освободила, – она кивнула на открытый платяной шкаф с висевшим на перекладинке десятком свободных деревянных «плечиков».

Разобравшись с одеждой, Витас стал искать место для своего ноутбука.

– Можешь пока обеденный стол использовать, – подсказала Рената.

– Я потом нормальный рабочий столик куплю, – пообещал Витас, оставив компьютер на кухне. – Праздничный ужин будем делать? Твой дед вроде не против!

– Конечно, я приготовлю! – пообещала Рената.

Пока она стояла у плиты, Витас включил компьютер и через модем вошел в интернет.

– Что-то у тебя сеть плохо ловится! Медленно! – пожаловался он.

– Тут надо иметь терпение, – Рената обернулась. – Здесь все плохо «ловится»! Я на днях хотела для тебя работу найти, но у нас есть только одна ветеринарная аптека, да и та только для пчеловодов. А ветлечебницы нет. Ближайшая в Паневежисе. Может, съездим узнаем?

– Что узнаем? – удивился Витас. – А кто тебе сказал, что я хочу работать в ветлечебнице?

– Но ведь работать надо! – произнесла она нежно, чтобы не мог он ответить на ее слова резко. – Я вот себе тоже работу ищу.

– Не стоит беспокоиться, – попросил ее Витас. – Если будет нормальный интернет, я себе и так работу найду. А ездить в другой город и сидеть там с больными собаками и кошками с девяти до шести я не хочу!

Ужинать собрались за овальным столом. К вареной картошке Рената нарезала ветчины, поставила солений, на доске – початый квадрат черного литовского хлеба, не потерявшего ни свежести, ни аромата с сочельника. Налила в стаканы компота.

– А что-нибудь покрепче есть? – спросил Витас, присаживаясь.

– У деда есть, пойдی пригласи его, заодно и попроси, чтобы он бальзам прихватил!

Витас вернулся за стол со старым Йонасом и с бутылкой подаренного старику в прошлый раз «Жальгириса». Рената уставилась на деда веселым взглядом – он зашел в своем любимом сером костюме, в старой, но глаженной зеленой рубашке с вертикальными синими полосами, с темно-красным галстуком. Пестрота рубашки и галстука по сравнению с серостью костюма словно подсказывали, что все внутри Йонаса радуется, хоть он и пытается свою внутреннюю радость удержать в рамках неких консервативных правил.

– Ты чего так нарядился? – не удержалась внучка.

– Ну как же? Твой жених к нам в дом переехал! Разве это не праздник? До свадьбы вашей я могу и не дожить, сейчас годами вместе живут и не венчаются. Так что для меня это все равно, что на свадьбу прийти! Если вы не против!

– Я не против, – заявил Витас. – Тогда и я приоденусь!

Он взял из шкафа свой костюм, рубашку и вышел в спальню. Вернулся оттуда уже совсем другим, похожим на успешного адвоката – все с иголочки и подчеркнуто дорогое.

Рената провела растерянным взглядом по мужчинам, тоже отошла к шкафу, взяла лучшее платье – темно-синее с красными цветами, туфли на каблучке.

Картошка чуть остыла, но теперь они сидели действительно, как на свадьбе. Только без гостей. Витас разлил по рюмкам бальзам. Дед Йонас достал и положил рядом с вилкой справа от своей глиняной миски очки с толстыми линзами.

– Ну что, совет да любовь? – спросил он, приподняв рюмку.

Ренате стало жарко. Как-то странно она себя почувствовала, словно что-то не так было этим вечером, словно что-то важное она пропустила, не сделала. Она обернулась к Витасу, будто ожидая помощи, поддержки или подсказки. Витас не заметил в ее взгляде беспокойства. Он смотрел на ее губы, обернувшиеся к нему. Наклонился к ней, поцеловал. Поднял рюмку, чокнулся с дедом и протянул ее Ренате.

Свадебная атмосфера, которую дед Йонас еще пару раз попробовал создать вокруг ужина, не удерживалась. Она ускользала, пропадала, как вода в сите. И обычного разговора завести им не удалось, потому что, казалось, каждый о чем-то своем думал и это «свое» не становилось общим. Дед Йонас, перестав говорить о свадьбе, вспомнил, что Барсас опять очень вялым стал, не ест почти ничего. Витас пообещал утром посмотреть собаку. Рената уже в который раз про костел Святого Матаса упомянула и сказала, что с одной из его башен весь Аникщай увидеть можно. Сказала, а потом представила себе выражение лица Витаса, если он ничего интересного с высоты башни в их городке не увидит. Только Витас, казалось, был всем доволен, на его щеках пьяный румянец от бальзама засветился. Сам он только поддакивал или показывал свой интерес к словам деда или Ренаты. Ел, пил. Может, и думал о чем-то, но делиться

мыслями не спешил. Только за чаем вдруг вспомнил, что у бабушки на хуторе всегда мед был. Дед был пасечником. Старый Йонас, услышав это, ожил, глаза загорелись.

– У меня тоже была пасека, два десятка ульев. От моего отца Витаса досталась. Только погибли пчелы! Моя Северюте умирала, и я не мог за ними следить, а в округе тогда какая-то пчелиная болезнь завелась...

– Да, пчелы – это хлопотно, – поддакнул Витас. – А вашего отца, значит, тоже Витасом звали!

– Да, как тебя, – дед улыбнулся, забыв о давно погибших пчелах. – Я – сын Витаса, и ваши дети будут детьми Витаса! Это хорошо!

В этот момент Витас заметил, что глаза у Ренаты совсем не веселые и не радостные.

– Ты устала? – беспокоился он.

Девушка кивнула.

– Ну спасибо! – Старый Йонас поднялся из-за стола, взял очки свои. – Я тоже подустал, пойду отдыхать!

Кровать Ренаты – старая, довольно широкая – показалась Витасу узкой и тесноватой.

– Надо будет новую купить, – прошептал он, прижимаясь к ее теплему телу.

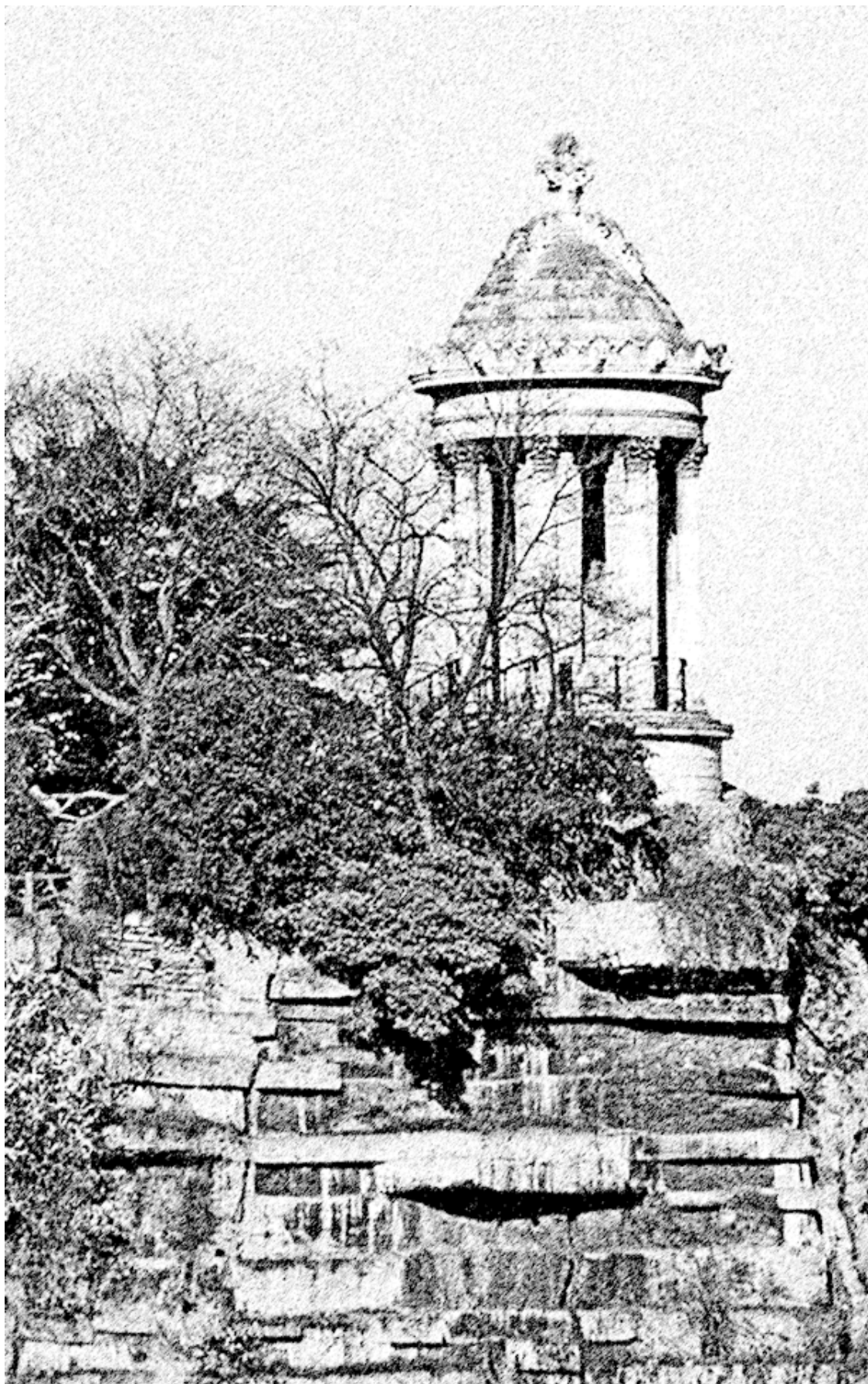
– Вот заработаешь и купишь! – прошептала она в ответ.

– Заработаю и куплю! – пообещал Витас и приник к ее губам.

Теплый запах чужого тепла проник в ноздри Ренаты. Поцелуй, в который ее «увел» Витас, казался бесконечным и желавший быть бесконечным. И запах Витаса стал вдруг сладким, своим, родным.

«Моё „я“ закончилось», – объяснила вдруг Ренате четкая и вовремя появившаяся мысль. Но проникнуть глубже в мозг этой простой мысли не удалось: Ренату уже унесло в мир других, несловесных ощущений, ощущений, отключающий мозг, в мир, где слова становятся музыкой и теряют свое словарное значение.

Глава 29. Париж

Если бы шел дождь, она бы точно ни за что не согласилась идти к Пер-Лашез в вечерних сумерках. Не потому, что боится кладбищ, а просто странно и глупо гулять с малышом в коляске не в просторном парке Бут Шомон недалеко от дома, а по тесным тротуарам в уличном шуме машин, развозящих парижан по домам после окончания рабочего дня. В это время года рабочий день заканчивается самым темным вечером.

Резиновые шины колес коляски по-особому шипят на мокром асфальте. Дождь шел ночью и утром, а уже днем тучи покинули небо над городом, уступив свое место облакам и разрывам между ними, сквозь которые проглядывала привычная и яркая небесная синева.

Барбора остановилась на переходе. Дождалась зеленого сигнала. Пошла дальше. Малыш в коляске спал. Он, наверное, проспит всю дорогу до кладбища и обратно. Вот уже и поворот на бульвар де Бельвиль, отсюда до Пер-Лашез минут пятнадцать.

«Если Андрюс будет каждый день зарабатывать хотя бы по тридцать евро, я оставлю себе только прогулки с собакой», – подумала она.

Мама малыша Лейла уже второй раз напрягла Барбору. Первый раз, неделю назад, она попросила прогуляться с коляской в другую сторону, до канала Сан-Мартан, чтобы передать ее родственнице пакет со специями. К ним приехала бабушка из Бейрута и привезла массу гостинцев. Так она сказала.

Теперь ситуация повторилась, только какой-то дальний родственник родителей Валида должен был ждать Барбору у правого края кладбища возле кафе со странным названием «Добедодо».

Бесконечная змея машин и мотороллеров с включенными фарами ползла по бульвару. Мотороллеры спешили к своей цели, объезжали уткнувшиеся в пробку автомобили слева и справа, протискиваясь между машинами, задевая зеркала заднего вида и получая взамен в спину отборные французские ругательства. Час пик пробуждал в воздухе Парижа атмосферу агрессии. Агрессии скорее театральной, буффонадной, чем той, от которой надо прятаться. Но все равно этот шум действовал на нервы. Настроение у Барборы и так было не праздничное.

Слева показалась стена кладбища и сразу открылась вогнутая дуга-воронка с воротами центрального входа, уже закрытого. Барбора уже гуляла тут, но без коляски. Они с Андрюсом оказались у кладбища в тот момент, когда из машины, припаркованной прямо у входа, благодетели в белых поварских куртках принялись кормить голодных и бездомных. Очередь этих несчастных казалась бесконечной и, так же, как змея, только змея тихая и терпеливая, она своим концом почти достигала правого края кладбища. Именно там, по словам Лейлы, и находилось это кафе, на рю де Репо, то есть на улочке Покоя, уходящей влево вверх, на улочке, где с одной стороны стояли жилые дома, а с другой – кирпичная стена города мертвых.

Перед кафе, на втором и третьем этажах которого располагалась одноименная с кафе гостиница, никто Барбору не ждал. Внезапно наступившая вокруг почти-тишина удивила ее. Густой поток машин и мотороллеров продолжал свое движение по бульвару, но здесь – всего в каких-нибудь сорока метрах – никакого назойливого шума. Словно близость стен кладбища отталкивала все ненужные и чуждые для покинувших этот мир звуки. От этой почти-тишины Барборе стало легче. Ее раздражение, связанное с вынужденной прогулкой, прошло. Вспомнилось дождливое утро. Вспомнилась прогулка с сенбернар. Прогулка в том же чудесном парке, в котором она обычно возит по аллеям коляску с Валидом. Только этим утром после того, как пес сделал все свои дела, она завела его в квартирку. Себе сделала чай, а собаке, улегшейся у двери, дала кусочек колбасы. Сенбернар, когда зашли, ринулся в их комнатку и оставил на полу много мокрых следов. Андрюса уже не было, он уехал сразу после завтрака. В «клоунское кафе» на рю де Севр. Может, он уже дома?

– Вы Барби? – спросил мужской голос из-за спины.

Барбора обернулась. Перед ней стоял парень лет двадцати в куртке с капюшоном. Рассмотреть его лицо ей не удалось. Козырек от капюшона закрывал глаза.

– Мне Лейла передала два пакета, – сказал он.

– Там один, – Барбора бросила взгляд на коляску, закрытую прозрачной пластиковой накидкой от дождя.

Она сдвинула накидку и достала легкий пакетик, лежавший в ножках малыша. Передала его парню.

– Там должен быть еще один, – недоверчиво проговорил он и сам наклонился над коляской и полез туда рукой. – Вот! Вот он! – обрадованно воскликнул парень, вытащив с другой стороны коляски – со стороны изголовья – пакет размером в два раза больше первого.

– Спасибо! – сказал он и ушел в сторону бульвара, в сторону шума и движущегося света фар.

Барбора поправила пластиковую накидку от дождя. Вдохнула и, развернув коляску, отправилась в обратный путь.

Лейла ждала ее возле булочной. Они всегда встречались здесь, на рю де ля Вилетт, в пяти минутах ходьбы от их квартиры.

– Завтра можете отдохнуть, моя мама с ним погуляет, – сообщила Лейла, вручая Барборе тридцать евро. – А послезавтра утром я вам позвоню!

Андрюса еще не было дома, и Барбора первым делом вытерла высохшие на полу отпечатки лап сенбернара. Включила электрочайник. Присела за стол. Взяла из деревянной миски-хлебницы утренний круассан, макнула его кончик в открытую баночку с шоколадным кремом и откусила. Приятная сладость во рту не смогла отвлечь ее от воспоминания о сомнительной прогулке до кладбища, не смогла отвлечь ее от неприятного послевкусия этого вечера. И тридцать евро, полученные за услуги няни-курьера, тоже не радовали. Думать об этом не хотелось, но и не думать Барбора не могла. Единственное, что она точно могла, так это оставить эти мысли и сомнения себе, чтобы не нагружать Андрюса, когда тот вернется домой. А он, если день оказался удачным, обязательно будет навязывать свою радость ей, не обращая внимания на ее настроение. Будет навязывать и обязательно навяжет. И она ему не будет перечить и снова пойдет с ним во вьетнамскую или китайскую забегаловку, которые тут гордо именуют «ресторанами».

Барбора вздохнула. Попыталась отвлечь себя от этого неприятного состояния. Подумала о друзьях, находящихся теперь далеко. О Клаудиюсе и Ингриде, до которых отсюда намного ближе, чем до Ренаты и Витаса, так пока и не доехавших из Аникция до своей Италии! Интересно, как у них там дела? Действительно ли сидят на хуторе Ренаты? Это же, наверное, такая скука! А Ингрида в последний раз по скайпу показала роскошный особняк, за которым они теперь присматривают и в котором устраивают себе ужины и обеды. У них все отлично. Есть и деньги, и машина. Хоть кому-то из их доброй «шенгенской» компании повезло!

На лице Барборы появилась грустная улыбка. Нет, и тут тоже не все так плохо! Даже – наоборот! Тут все отлично, просто они еще не обвыкли, не приспособились к этой парижской легкой жизни. Просто не удастся заработать! Хотя нет, на жизнь они почти зарабатывают, а вот на спокойствие – нет. Но процесс идет. И Андрюс, кажется, в этом процессе обгоняет ее, Барбору. Хотя это она ему рассказала о «рынке клоунов» на рю де Севр. И хотя никакого реального рынка там не оказалось, но он его нашел! Потому, что не дурак!

Улыбка Барборы перестала быть грустной.

И очень вовремя. За входной дверью звякнули ключи. Два замка поочередно щелкнули и дверь открылась.

Барбора поднялась ему навстречу. Поцеловала.

– Ты, наверное, хочешь пойти куда-нибудь поужинать? – спросила она.

– А что, у нас ничего нет? – растерялся Андрюс. – Я как-то устал сегодня. Думал, что дома поужинаем.

Барбора с облегчением вздохнула.

– Я тоже устала, – призналась она. – Можем и тут перекусить.

Уже за столиком, поедая круассан, превращенный в бутерброд с сыром, Андрюс немного ожил, стал беспричинно усмехаться и подхихикивать, чем вызвал у Барборы любопытство.

– Ты чего? – не выдержала она.

– Папа этого больного мальчика, его зовут Ганнибал, – заговорил Андрюс. – Я таких странных еще не видел! Заплатил мне только двадцать евро сегодня. Сказал, что все деньги у него ушли на дорогой итальянский костюм. А сам и так пришел в костюме «Хуго Босс».

– А ты разве разбираешься в одежде? – удивилась Барбора.

– Нет, но на рукаве пиджака у него пришита лейбочка с фирмой! Рубашка тоже крутая! Но нормальный человек эту лейбочку с пиджака срезал бы! А он к тому же дипломат! И ездит на крутом «мерседесе»!

Барбора пожала плечами.

– Африка, – выдохнула она с таким видом, что это слово было универсальным объяснением всему, что удивило Андрюса. – А как мальчик?

– Ничего! Смеялся. У него, оказывается, болезнь костей. Но во Франции эту болезнь лечат. В Камеруне медицины практически не существует. Ганнибал сказал. Правда, мальчишке придется лежать в больнице несколько месяцев.

– Это хорошо, – Барби закивала.

– Почему хорошо? – Андрюс посмотрел на нее озадаченно.

– Для тебя хорошо, – объяснила Барбора с нотками вины в голосе. – Пока он болеет, у тебя есть регулярная работа.

– Да, – согласился Андрюс. – Только сначала он мне платил по сорок евро, а теперь – двадцать.

– Будь благодарен и за это! Ты же можешь там еще кого-нибудь найти для того, чтобы рассмешить?!

– Клоун не обязан смешить, – Андрюс дожевал круассан и посмотрел в покрашенное вечерним мраком окно, выходящее во двор. – Я, конечно, сижу там, в кафе. И это действительно похоже на «рынок клоунов». Заходит человек, рассматривает нас, выбирает одного и уводит... Чаше всего уводят Джека, он чернокожий, иммигрант. Говорит, что из Нигерии. Есть два парня-албанца, Сесиль сказала, что они родные братья, сидят всегда мрачные, совершенно не смешные, приходят иногда еще и другие клоуны. Сесиль всегда сидит за столиком у окна.

– А Сесиль это кто? – с подозрением спросила Барбора.

– Француженка. Рыжая, маленькая, ей, может, уже и пятьдесят стукнуло! Она иногда ходит в детскую онкологию бесплатно детей смешить. Ну и несколько раз за день ее берут родители к своим больным детям за деньги. Она симпатичная, но по-английски не очень.

В куртке Андрюса, оставленной на настенной вешалке у двери, зазвонил мобильный. Он достал телефон.

– Да, да, привет, Поль! – сказал в трубку. – Хорошо. Во сколько? Как сегодня? Договорились. Спокойной ночи!

Вернулся за столик и опустил телефон на узкий подоконник.

– Это кто? Тот мальчик из больницы? – поинтересовалась Барбора.

– Да, сказал, что папа за мной в кафе завтра не зайдет. Попросил, чтобы я сам к нему поднялся.

– Хорошо, когда клиенты сами звонят, – Барбора одобрительно улыбнулась и вдруг замерла, пропала.

Нет, она по-прежнему сидела напротив за столиком, перед блюдом с крошками от круассана, перед пустой чайной чашкой, перед открытой банкой «нутеллы», стоявшей как раз посередине стола. Но она больше не смотрела на Андрюса. Она вообще никуда не смотрела, хотя глаза ее оставались открытыми. Может, она смотрела внутрь себя, в память сегодняшнего дня.

Она смотрела на то, что от сегодняшнего дня осталось в ее чувствах и переживаниях. Она смотрела на высокие кирпичные стены кладбища «Пер-Лашез», на вывеску отельчика со странным названием «Добедодо», с фасадных окон второго этажа которого должны быть хорошо видны могилы и памятники. Она смотрела на кафе «Пер-Лашез» с весело и игриво светящимся красным неоновым цветом названием над входом по другую сторону бульвара Менильмонтан. Она видела себя, толкающую коляску по мокрому асфальту вверх по улице Бельвиль. И видела маму Валида, невзрачную молодую арабку, лицо которой она никогда бы не смогла описать так, чтобы кто-то смог отобразить его в своем воображении, пользуясь только описанием Барборы.

– А у тебя как день прошел? – поинтересовался Андрюс.

– А? День? – переспросила, «возвращаясь» за стол, Барбора. – Хорошо. Как обычно. До обеда – собака, после обеда – ребенок.

– И кто тебе из них больше нравится? – шутливо любопытствовал он.

– Собака, – сразу ответила Барбора. – И ребенок тоже, – добавила она после едва заметной паузы. – Но собака больше... Ее не надо катать на коляске!..

Андрюс рассмеялся.

Глава 30. Сейнт Джорджез Хиллз. Графство Суррей

Обеденный зал особняка господина Кравеца как бы исчез, когда Клаудиус зажег на трех шестиугольных серебряных подсвечниках все свечи и выстроил их в прямую линию на вытянутом овале трапезного стола. Над каждым подсвечником затрепетало неяркое облако света. Казалось, что оно чуть расползается, растворяется. И действительно лакированная столешница вроде бы и не сразу отразила этот свет, а словно подождала несколько мгновений.

Клаудиус обошел стол, еще раз подровнял крайние подсвечники. Отодвинул их чуть ближе к центру. Подровнял и кресла, то ли действительно старинные, то ли сделанные под старину, с высокими подлокотниками и изящной спинкой.

Клаудиус на мгновение замер, прислушался. Полнейшая тишина, как ни странно, не пугала его. Не пугало его и то, что из обзора исчезли темные деревянные панели стен, поднимавшиеся от паркетного пола на полутораметровую высоту, и старинные портреты в тяжелых рельефных рамах. Все это пропало, когда он «переключил» освещение с электрического на свечное.

В кармане джинсов завибрировал мобильник.

– Все готово, ты скоро? – спросил Клаудиус.

– Десять минут, – ответила Ингрида.

Она выехала на их служебном «Моррис Майнор Тревел» почти час назад, чтобы купить на вынос горячий ресторанный ужин, достойный повода. А поводом для праздничного ужина являлось их чудесное переселение из чужой съемной комнатки в полуподвальном Лондоне в отдельный двухэтажный кирпичный дом с возможностью пользоваться настоящим английским особняком и настоящим английским автомобилем. Конечно, переселением их душ и тел командовала Ингрида, и автомобилем управляла Ингрида, и старшей на вверенной им приватной территории тоже назначили ее. Но Клаудиус легко поборол в своей душе осадок некой собственной «вторичности» и «второстепенности». Да, он мужчина! Да, он считает себя умным и физически крепким. Но женщинам свойственна хитрость и гибкость ума. И без хитрости и гибкости ума Ингриды они бы так и сидели в крохотной холодной комнатке в Ислингтоне, стаскиваясь нос к носу с безымянными соседями, спешащими первыми занять кухню или душевую, или туалет.

Окна столовой особняка выходили на парадный подъезд. Клаудиус еще полчаса назад аккуратно специальным крючком на длинной полированной палке, похожей на бильярдный кий, плотно задвинул шторы. Но теперь он забрался за штору и прильнул взглядом к темноте за окном. Темнота длилась минут пять, пока свет фар автомобиля не рассеял ее перед тем, как въехать в доступный взгляду Клаудиуса «кадр» окна, и остановиться прямо перед ступеньками помпезного входа.

Клаудиус поспешил навстречу Ингриде. Она легко поднялась по мраморной лестнице на второй этаж, неся в руках картонную коробку, над которой едва заметно поднимался пар. Запах восточных специй обгонял ее. Клаудиус распахнул перед ней обе створки высоких дверей. Она впорхнула в столовый зал и опустила коробку на стол возле центрального подсвечника.

Выложила на темную, полированную, мягко отражающую горящие свечи столешницу пластиковые контейнеры с едой. Сняла крышечки и тут же, словно в контейнерах находился кислород или горючий газ, свечи, как показалось Клаудиусу, вспыхнули ярче, в зале стало чуть светлее. И воздух наполнился аппетитным коктейлем восточных ароматов. Кислое, сладкое, острое – подогретые запахи смешались, заиграли в носу Клаудиуса.

Он открыл бутылку вина. Прошел до правого края стола и наполнил бокал Ингриды так грациозно, словно тренировался для исполнения в каком-нибудь фильме роли слуги лорда. Когда выравнивал спину, почувствовал затылком чей-то взгляд. Оглянулся. Над ним на стене

висел старинный портрет английского аристократа в белом парике и судейской мантии. Задумчиво прищуренный взгляд аристократа уходил в другой конец зала, туда, где вот-вот присядет сам Клаудиус.

Ингрида вдруг спохватилась, испугалась за столешницу. Подложила под контейнеры бумажные салфетки.

Когда всё разложили по тарелкам, она сбросила пластиковые контейнеры обратно в картонную коробку и опустила ее под стол.

Несмотря на красоту и какое-то особенное ощущение неповторимости и важности этого мгновения, Клаудиус время от времени беспокойно оглядывался на закрытые двойные двери, за которыми, в коридоре второго этажа, горели яркие светильники. Парадная дверь была закрыта изнутри. Черный выход из кухни к узкой дорожке, ведущей к сараям и гаражам, тоже был закрыт. Но несоответствие их с Ингридой маленького человеческого счастья с этим торжественно-чужим пространством то и дело заставляло вздрогнуть или с опаской обернуться, проверить, а не подглядывает ли за ними кто-то.

Ингриде же, наоборот, все нравилось. Клаудиус через длину стола, через горящие над уровнем их взгляда свечи всматривался в ее лицо, которое из-за теплой непрозрачности воздуха потеряло «фотографические» черты и приобрело черты «портрета маслом». Взгляд его не мог не подниматься время от времени на портрет судьи в мантии и в белом парике. Ингрида казалась наследницей этого незнакомца. Не лицом, не взглядом, а свободной, независимой осанкой. Она тоже, как казалось Клаудиусу, всматривалась в его, Клаудиуса, лицо, и тоже прищуривалась. И тогда едва заметный наклон ее головы и взгляд словно повторяли такой же наклон головы и взгляд человека, изображенного на портрете за ее спиной.

– Ида, я тебя люблю! – прошептал Клаудиус, едва наклонившись вперед.

И почувствовал, как произнесенные шепотом слова оторвались от его губ и со скоростью бабочки полетели над столом к Ингриде. Она их поймала своими губами и в ответ отправила Клаудиусу воздушный поцелуй.

Он поднялся, прошел к ее краю с бутылкой вина, наполнил снова ее бокал. Наклонился, прикоснулся своими губами к ее щеке, к ушку.

– Спасибо! – прошептал. – Ты построила для нас замок!

Вернувшись на свой край, Клаудиус торжественно поднял бокал с вином. Ингрида подняла свой. Они пили вино медленно, так медленно, как больным переливают кровь. Они чувствовали, что земля под ногами стала тверже, надежнее. Что боги на небе не сводят с них глаз. Что теперь всё будет иначе потому, что у них появился собственный мир. Он, конечно, совпадает с чьим-то чужим миром, который они должны охранять и содержать в красоте и порядке. Но у хозяина чужого мира, видимо, слишком много других миров, он не вездесущ, он не может быть везде. Он даже не может быть тут. А значит, пока его нет, портрет судьи на стене вполне может воспринимать Ингриду и Клаудиуса, как новых хозяев этого старинного особняка.

Без четверти десять мобильник завибрировал в кармане у Клаудиуса, предупреждая, что через пятнадцать минут у них ежедневный «скайп-доклад» господину Кравцу о делах в его английском имении. Последние три дня он на связь не выходил. Но, помня жесткие правила, прописанные в контракте, они все равно должны сидеть у монитора компьютера и ждать до четверти одиннадцатого, после чего можно с чувством исполненного долга забыть о господине Кравце до следующего, завтрашнего вечера.

Глава 31. Пиенагалис. Возле Аникция

Воскресные планы поехать в Паневежис пришлось отложить. Сухой морозный день, обещавший приятную автомобильную поездку под зимним солнцем, неожиданно начался с плохой новости – умер Барсас.

Рената и Витас уже обувались в коридоре, когда дверь с улицы раскрылась и в проеме остановился, глядя на них отрешенно, дед Йонас с кастрюлей, в которой он всегда варил еду для пса. Над кастрюлей еще поднимался пар. В коридоре запахло смесью вареной картошки, пшенки и костного бульона.

– Мой пес сдох, – выдохнул Йонас потерянно.

Потом опустил взгляд на кастрюлю, которую держал за ушки двумя руками в теплых рукавицах. Попятился назад, вышел на порог и опустил ее там. Вернулся в коридор, уже закрыв за собой двери.

– А вы куда? – спросил, глядя на Ренату.

– Я же тебе говорила, в Паневежис. Витасу показать и закупиться. Там магазинов побольше.

– Да, – Йонас кивнул. – Ну езжайте! А я его закопаю.

Рената и Витас переглянулись.

– Да мы можем и в другой раз поехать, – неуверенно произнес Витас.

– Да, – подхватила Рената. – В будний день даже будет лучше! Может, и ветлечебницу там посмотрим! – она бросила взгляд на Витаса.

Парень огорченно замотал головой.

– Далась тебе эта ветлечебница?! – бросил он негромко.

– А разве тебе не интересно? Ты же ветеринар! – зашептала Рената и тут же смутилась, заметив на себе странный, задумчивый взгляд деда.

– Вы так разговариваете, будто уже сто лет вместе живете и надоели друг другу, – сказал он беззлобно. – Можете ехать, я справлюсь!

– Нет, – решительнее произнес Витас. – Я помогу. Земля ведь мерзлая.

Возле шести продольных могильных холмиков, в продолжении этого грустного белого ряда застучали две лопаты клинками по мерзлой земле. Лопата Йонаса стучала не часто, он останавливался, делал паузы, а потом с силой опускал ее на землю и она звенела в ответ, ударившись и отбив от ее уже очищенной от снега поверхности несколько земляных льдинок. Лопата Витаса стучала по земле чаще. И именно лопата Витаса пробилла первой земной лед и вошла под его холодную броню в мягкую, замершую на зиму землю. Слой промерзлости не превышал нескольких сантиметров. Дальше копалось легко, и будущая могила Барсаса углублялась на глазах.

Дед Йонас устал, остановился, уткнул клинок лопаты в лед у ног и оперся о ее древко.

– Видишь, моя последняя собака меня покинула, – сказал он, наблюдая за продолжающим работать Витасом.

Парень кивнул. Бросил на старика полный сочувствия взгляд.

– Хватит! Не человек ведь! – остановил его через пару минут Йонас. – погоди, я сейчас! Он зашел в дом. Вернулся оттуда с куском теплой шинельной ткани.

– Подмоги! – попросил, остановившись у лежавшего на снегу перед будкой Барсаса.

Переложили они на расстеленный кусок ткани мертвого пса. Йонас укутал его.

– Теперь не замерзнет, – проговорил с грустью в голосе. Поднял взгляд на Витаса. Тот все понял.

Взявшись вдвоем за края свертка, они подняли завернутого в шинельный отрез Барсаса и опустили на дно неглубокой могилки. Потом засыпали ее.

– Надо будет добавить земли, когда потеплеет, – сказал Витас.

Дед кивнул.

– Пошли, помянем! – скомандовал он.

Перед тем, как зайти на половину деда Йонаса, Витас заглянул к себе и застал Ренату за стиркой – в ванной комнате гудела вся стиральная машина.

– Ну все, закопали! – доложил Ренате Витас. – Я пойду у него посижу немного!

Посидеть у Йонаса Витасу особенно и не получилось – старик налил себе и парню по рюмке «Зубровки», выпили, а потом он решил прилечь отдохнуть.

Витасу и не хотелось уходить от деда, но пришлось. В коридоре он надел куртку и ботинки и снова вышел во двор. Постоял у пустой собачьей будки, подошел к амбару – дверь была закрыта. Прогулялся к ближнему лесу, слушая, как потрескивает под ногами снежная корка.

На небе светило солнце. Светило легко, прохладно и безучастно.

Витас задрал голову и смотрел на него несколько минут, удивляясь, что совсем оно не яркое и глазам от этого смотрения ничуть не больно. Солнце словно тоже было покрыто ледяной коркой, не пропускавшей солнечное тепло вниз к людям.

Устав смотреть вверх, Витас решил прогуляться до ближайшего заброшенного хутора. Но когда дошел до дома и амбара, то понял, что заброшенным это хозяйство называть не стоило. Все двери были закрыты на новенькие навесные замки. И хотя никаких следов обуви на снегу двора и у дверей Витас не увидел, но из уважения к навесившим замки людям ушел с чужой земли.

Когда сумерки принялись закрашивать отступавший день, Витас ощутил голод и вернулся в дом.

– Скучно тут у вас, – вырвалось у него, когда зашел в комнату.

– Может быть, – ответила Рената. – Но скучно бывает, только когда нечего делать!

Эти слова прозвучали, как укор. Ведь Рената как раз раскладывала на постеленной поверх стола клеенке выстиранные рубашки Витаса.

– Это я так, – пошел он на попятную. – Просто прогулялся. Дед твой отдыхать прилег.

Зашел Витас на кухню, отрезал себе черного хлеба и смастерил бутерброд с ветчиной.

Рената поставила в правом углу доску для глажки, достала утюг. Хотела было воткнуть вилку утюга в розетку, но увидела, что розетка занята. Из нее торчала древняя вилка, от которой странный толстый провод тянулся к стоящей под стенкой сумке с «черным ящиком».

– Можно твой «черный ящик» отключить? – в голосе Ренаты прозвучали нотки раздражения.

– Вообще-то он твой, – ответил из кухни Витас и тут же выглянул оттуда. – Ну, или наш! – поправил он себя.

Рената наклонилась, выдернула за шнур вилку из розетки. Включила утюг.

– Чем ты думал, когда его сюда вез? – спросила в сердцах.

– Не сердись, – попросил Витас. – А то он все записывает! Это же все-таки магнитофон!

Рената недовольно мотнула головой и промолчала. Принялась за глажку.

Витас вышел из кухни.

– Может, хочешь сам погладить? – спросила она, не выдержав его взгляда, показавшегося ей снисходительным и сочувственным одновременно.

– У меня так не получится, – мягко ответил Витас.

Часов в семь она сварила вермишель и отправила Витаса позвать деда на ужин.

– Он не открывает, – сообщил Витас, вернувшись из коридора.

Рената сама решила позвать старика Йонаса. Стучала с минуту по двери, и, не дождав-
шись ответа, зашла. Старика в доме не было. Она обулась и накинула куртку. Вышла в мороз-
ную темень. Прошла к амбару и увидела деда, сидящего на вынесенном из дому стуле у
могилы Барсаса. Дед сидел неподвижно, воротник кожуха был поднят и закрывал его седую
голову почти до самой макушки.

– Ты замерзнешь! – крикнула Рената.

Подбежала к нему, присела на корточки, заглядывая в лицо.

– Не замерзну! – упрямо проговорил старый Йонас.

– Слава Богу! – выдохнула с облегчением внучка. – Я испугалась, что ты уже замерз!

– Да я только пять минут, как вышел, – признался дед. – Захотелось почувствовать: как
оно – быть собакой зимой и на холоде...

– Я ужин сделала, придешь?

Дед отрицательно мотнул головой.

– Посижу пока тут. Есть все равно не хочется.

Поужинали они вдвоем, а потом Рената попросила Витаса составить деду компанию во
дворе.

– Возьми бальзам и рюмки, поговори с ним, а потом заведи в дом! – попросила она.

– Ну ты из меня прямо социального работника делаешь! – беззлобно произнес Витас,
поднявшись из-за стола.

Оделся, вышел со стулом во двор. Уселся рядом с Йонасом, налил две рюмки «Жальги-
риса». Одну деду протянул.

– Для согрева! – сказал.

Дед рюмку взял. Выпил одним глотком, крикнул и возвратил. Недолго думая, Витас
наполнил ее еще раз, а свою тоже в один глоток выпил.

– Вы тут всю жизнь прожили? – спросил, протягивая вторую рюмку.

Дед кивнул. Взял рюмку, но ко рту ее не поднес. Задержал в рукавице.

– Всю, – сказал. – От начала и до конца.

– И как? Как тут жилось? – Витас пытался разговорить деда.

– Жилось, – ответил тот. – Сначала хорошо, потом хуже, потом, когда жена умерла,
грустно жилось, да Рената грустить не давала.

– А ее родители? – осторожно спросил Витас. – Она о них говорить не любит...

– А что она может о них сказать, если она их и не помнит почти! Только по фотогра-
фиям... Они уехали за границу, когда ей лет шесть было. Сказали, что на три месяца. Денег
заработать. Отец ее там и похоронен, за границей. А мать, – дед Йонас сделал паузу, выпил
рюмку бальзама и протянул пустую Витасу, – а мать пропала. Тоже, наверное, умерла.

Витас выпил свой бальзам и опять наполнил рюмки.

– И что, вы ее не искали? – спросил удивленно.

Старый Йонас отрицательно покачал головой.

Помыв посуду, Рената забеспокоилась. Оделась. Опять вышла во двор.

– Вы тут ночевать собрались? – спросила сердито у двух подвыпивших мужчин.

– Забирай его домой, – предложил Йонас.

– Нет, вы оба пойдете, – твердо сказала она. Так твердо, что и дед, и Витас зашевелились,
поднялись со стульев, и захрустела снежная корка под их ногами. Позади, следом за ними,
несла к порогу дома два стула Рената: один старый и легкий, из кухни Йонаса, а второй тяжелый
и не такой старый, из комнаты Ренаты.

– Я бутылку и рюмки там забыл, – остановился вдруг Витас.

– Никто за ночь не выпьет, – выкрикнула негромко Рената. Нотки раздражения прозвучали в ее голосе слишком явно.

И Витас послушно продолжил путь. Короткий зимний путь к порогу дома, в котором теперь жил.

Глава 32. Земля Заксен

Если бы Бог, создавший землю, был немцем, то и земля была бы квадратная. Все углы были бы прямыми, и было бы намного легче и понятнее по ней передвигаться.

Если бы Бог, создавший землю, был немцем, то в земле было бы намного больше железной руды и угля. И все эти минеральные драгоценности лежали бы на удобной глубине и возле дороги, по которой к ним можно было бы подъехать. Если бы Бог, создавший землю, был немцем, то и все люди, населившие землю, тоже были бы немцами. Бог-немец не стал бы заселять землю французами или греками. Зачем оно ему?

Если бы Бог, создавший землю, был литовцем, он бы создал немца и поручил бы ему подготовить чертежи будущей земли с подробным описанием всей необходимой для существования земли инфраструктуры. Если бы Бог, создавший землю, был литовцем, он бы попросил своего заместителя-немца для создания Литвы выделить половину какого-нибудь удобного для проживания континента, где жилось бы ни жарко и ни холодно, где земля охотно бы кормила своими полезными солями всякую съедобную растительность, где зверей и птиц было бы намного больше, чем людей, где не было бы гор, но чередовались бы леса с речками и озерами.

Если бы Бог, создавший землю, был литовцем, он бы обязательно создал французов и попросил их заниматься виноделием, создал бы поляков и попросил бы их делать самую вкусную водку и самую вкусную колбасу в мире, создал бы чехов и попросил бы их обмотать весь мир своей звукопередающей проволокой, чтобы все в мире имели доступ к музыке и к радионовостям. Если бы Бог, создавший землю, был литовцем, он бы никогда не смог решить: кому можно доверить писать новости для такого всемирного проволочного радио.

Но Бог, создавший землю, не был ни немцем и ни литовцем, не был он ни французом, ни голландцем. И поэтому Бог создал литовцев, немцев, французов и голландцев и сказал он им, чтобы они сами свои страны обустроивали с его высочайшего позволения.

И отправились они строить свои королевства, отвлекаясь иногда на размножение, а иногда на эпидемию чумы или холеры, после каждой из которых опять приходилось отвлекаться на размножение, чтобы было кому эти королевства строить.

Мимо скамейки, на которой сидел задумавшийся странными мыслями странник с деревянной ногой, прошла полненькая блондинка, толкая впереди себя коляску с ребенком. Невидимый Кукутису ребенок мурлыкал, а она смотрела на дорогу впереди коляски, смотрела строго и монотонно. Ее взгляд своей неподвижностью отражал неподвижность ее мысли. Неподвижность мысли делает движения человека ритмически однообразными и правильными в геометрическом смысле. Это Кукутису было известно давно, со времен войны. Тогда те, что постоянно думали, чаще высовывали голову из окопов и оттого умирали чаще. А те, у кого мысль оказывалась неподвижной, так и сидели неподвижно, и из окопов не выглядывали. Потому и выжило их больше, хотя многие стали калеками.

Аллея в этом парке была тщательно очищена от снега. И скамейки вдоль аллеи тоже. Но только одна женщина гуляла по парку со своим ребенком и только один он – Кукутис – сидел на скамейке. Виновата, конечно, зима. Или, возможно, виноваты газеты? Кукутис бросил взгляд на лежащую рядом на скамейке газету, которую только что читал. На немецкую газету, в которой первые несколько страниц были посвящены добрым или немного странным новостям про себя – про немца, а последующие две – странным или недобрым новостям про других: про бастующих французов, про недовольных греков, про кровожадных исламистов и про то, как в Америке акула откусила руку студенту Гарварда.

Кукутис еще успел в мыслях пожалеть этого однорукого студента, но жалость как-то уж слишком мгновенно превратилась в уверенность, что этот студент обязательно станет выдающимся ученым, так как чем меньше у человека конечностей, тем больше он работает голо-

вой! Да и самые выдающиеся ученые, которые лучше всего понимают строение мира, они ведь вообще парализованы и живут в инвалидных колясках. Тут Кукутису и его собственная нога вспомнилась. Та нога, с которой он уже много лет назад попрощался. Вспомнилось, как долго он привыкал без нее жить и как долго привыкал к деревянной ноге, и как много он тогда думал. Обо всем думал: о мире, о войне, о Европе и смерти, о Литве и любви. И как только он стал на одну ногу короче, сразу мысли его стали неизмеримо длиннее, четче, просто бери их целиком и в книгу записывай!

Кукутис никогда в жизни не брал в руки газету специально. Всякий раз газета попадала ему в руки случайно и всякий раз он потом жалел, что принялся ее читать или просматривать. Первый раз он пережил подобное, когда какая-то газетка, кстати – тоже на немецком – залетела к нему в окоп благодаря ветру. Ветер, видимо, вырвал ее из рук какого-нибудь офицера и понес по обугленной войной земле над воронками, траншеями и блиндажами.

В той газете писалось о подвигах и о близкой победе. Но писалось на немецком, а рядом с Кукутисом в окопе сидели канадские солдаты. Кто-то курил, кто-то писал письмо на колене, подложив военный планшет. А Кукутис читал немецкую газету и дошел до странички солдатских анекдотов. Сначала даже обрадовался, подумал, что сейчас переведет канадцам немецкие солдатские анекдоты и они вместе посмеются. Но немецкий солдатский юмор не вызвал даже малейшей улыбки. И тогда наслюнил Кукутис палец и высунул его из окопа, чтобы проверить направление и силу ветра. Ветер дул в тыл. «Ладно, – подумал Кукутис, – пускай там почитают!» и подбросил газетку вверх. Ветер ее подхватил и сразу поднял на пару метров над землей. Тут же прозвучал выстрел и газетка дернулась, пораженная пулей, но что ей, газетке, от пули? Ничего. Дернулась и дальше по ветру полетела. А немцы ей вдогонку еще пару пуль пустили. А потом бахнули из пушки.

Оборвал свои воспоминания Кукутис. Не любил он об этом пушечном выстреле вспоминать. Все пытался выудить из своей памяти что-нибудь более раннее, что-нибудь довоенное, из детства. Но детство если и вспоминалось Кукутису, то казалось чужим, а не его собственным. Может, потому, что не сохранилось у Кукутиса своей детской фотографии. Не сохранилось, но и не было никогда. Не сохранилось и фотографии родителей, что, если задуматься, было чем-то необъяснимым. Ведь и самих родителей Кукутис не помнил, а из-за этого иногда возникало в его мыслях сомнение – а были ли у него вообще родители? И тогда на помощь приходила память, вытаскивавшая из далекого прошлого голос матери, зовущей отца ужинать: «Марцелиус, где ты? Иди за стол!»

– Марцелиус, – нежно прошептал Кукутис, обрадовавшийся неожиданно теплым воспоминаниям.

– Можно? – спросил вдруг Кукутиса неизвестно откуда появившийся перед ним бомж. Спросил по-немецки с балканским акцентом и указал взглядом на газету.

Кукутис кивнул. Бомж взял газету и потопал по очищенной от снега аллее парка. Дошел до следующей скамейки, постелил на нее пару страниц газеты, уселся сверху и, развернув оставшиеся в руках страницы, углубился с серьезным видом в чтение.

Глава 33. Сейнт Джорджез Хиллз. Графство Суррей

Когда Клаудиус проснулся, окно спальни с внешней стороны все еще было закрыто ночной темнотой. А проснулся он из-за холода. Придвинулся к Ингриде, обнял и сразу ощутил ее нежное тепло. Но насладиться им не успел, так как вдруг, сквозь сон, она что-то недовольно пробормотала и отодвинулась к своему краю кровати.

Клаудиус поднялся, надел тяжелый махровый халат, найденный тут же, в спальне, в первый же день. Ступнями влез в изнутри пушистые тапочки. Спустился на первый этаж и сразу в кухню, к монетоприемнику включателя отопления. Под стенкой, на железной коробке включателя, выложенные в столбик, лежали несколько однофунтовых монет. Клаудиус бросил в отверстие первую, вторую. Второй фунт «отказался» падать внутрь. Своим ребром он выглядывал из щели. И привычного щелчка, обычно сопровождавшего опускаемые монеты, сигнализирующего о возобновлении отопительного процесса, Клаудиус не услышал. Взял вилку, попробовал пропихнуть монету внутрь. Не удалось. Тогда Клаудиус нетерпеливо ударил кулаком по всей железной коробке и фунт наконец провалился в недра аппарата. Послышался щелчок, успокоивший Клаудиуса. Он вернулся в спальню, забрался с головой под тяжелое одеяло. Задремал.

– Этот Артур намного приятнее самого хозяина, – произнес Клаудиус за завтраком, вспоминая предыдущий вечер.

Уже три вечера подряд на связь по скайпу с ними выходил не господин Кравец, заторможенный и всегда грубовато-высокомерный, а молодой человек лет тридцати, похожий на неформала, с сережкой в ухе и подкрученными вверх кончиками аккуратных усов. Его звали Артур. Он улыбался во время разговора. Спрашивал, какая погода. Просил сфотографировать кустарники и аллеи с разных точек, но особенно со стороны главного въезда на территорию. Говорил, что господин Кравец хотел показать снимки ландшафтному дизайнеру. Спрашивал, бывали ли они с Ингридой в Москве. Шутил. И главное: он оказывался на связи сразу, как только они запускали скайп. Ровно в десять вечера.

– Наверное, сын, – предположила Ингрида, намазывая на слегка подгоревший тост арахисовое масло.

Клаудиус наклонился к счетчику отопления и попробовал опустить в монетоприемник еще один фунт. Монета не вошла. Взгляд Клаудиуса остановился на наклейке сбоку металлической коробки.

– О! Тут есть телефон обслуживающей фирмы! – С облегчением произнес он и вернулся за столик.

Фирма, обслуживавшая счетчик, откликнулась быстро, и уже через пару часов из белого «форда-фиесты», остановившегося перед воротами, вышел паренек лет двадцати в синем комбинезоне с пластиковым чехом на голове.

– А чего у вас так жарко? – удивился он, войдя в домик.

Сразу свернул на кухню, присел к коробке счетчика, достал инструменты и маленький ключик.

Удивленный Клаудиус посмотрел на комнатный градусник, висевший на кухонной стене, – 20 Цельсия. Поднялся наверх.

– Представляешь, он заявил, что у нас слишком жарко! – сказал он Ингриде, застывшей в кровати.

– Это, наверное, по сравнению с улицей, – она кинула взгляд на окно, за которым светило солнце. Редкий сухой день словно звал на прогулку.

Клаудиус вернулся на кухню. Боковая стенка коробки счетчика была снята. На полу у ног мастера стояла коробка-копилка и отдельно на полу валялся с десяток однофунтовых монет. А мастер тем временем вставлял внутрь счетчика другую, пустую копилку.

– Забилась! – сказал он, оглянувшись на Клаудиуса.

Потом пять монет с пола положил в карман комбинезона, а остальные опустил столбиком на крышку аппарата.

– Извините, как вас зовут? – спросил Клаудиус.

– Хосе, – представился парень.

– Хосе, а почему вы сказали, что у нас слишком жарко?

– Ну, у них, у англичан, обычная температура в доме зимой градусов 15–16. Они же всегда экономят. А заодно и закаляются!

– И что, большая экономия? – поинтересовался Клаудиус.

– Ну, в таком домике, – парень оглянулся, провел взглядом по стенам. – Если опустите температуру до 15 градусов, то фунтов пятьдесят за месяц сэкономите!

На дворе светило солнце. Градусник с внешней стороны двери показывал плюс восемь. Безоблачное небо кормило взгляд радостью.

– Чего лыбишься? – по-доброму спросила Ингрида, посмотрев на щурившегося на солнце Клаудиуса.

– Я счастлив! – ответил он. – И зима тут солнечная, и дворец ты организовала! Все класс! Спасибо, дорогая!

Он обнял Ингриду, поцеловал в губы, в нос.

– Осторожней, фотоаппарат поломаешь! Забыл, что нам надо аллеи отснять?

И отправились они гулять по вверенной им территории. Садовник и экономка, молодые и красивые. Фотографировали и друг друга на фоне особняка и маленького домика из красного кирпича, в котором обитали, фотографировали аллеи и следы бывших клумб, фотографировали неухоженный и «прохудившийся» местами кустарниковый лабиринт, за которым, как показалось Ингриде, не ухаживали уже лет десять.

– Ты знаешь, как только мы пошлем эти фотки Артуру, нас уволят! Из-за тебя! – совершенно серьезно заявила Ингрида, когда они, вернувшись в домик, сели на кухне пить чай.

– Почему?

– Тебя десять дней назад взяли сюда садовником! По фотографиям видно, что ты все эти дни пробездельничал!

– А мусор? – запротестовал Клаудиус. – Ты видела, сколько я его собрал?!

Ингрида задумалась.

– Знаешь, надо будет другие фотографии сделать! Возьми лопату и фотоаппарат, пойди обкопай пару деревьев и сфотографируй так, чтобы и лопата была видна! Просто воткнешь ее рядом! Пару клумб перекопай, только так, чтоб было понятно, что там будет!

– А ты поможешь? – спросил Клаудиус.

– Нет, через двадцать минут я буду по скайпу с Барборой говорить! Интересно, как они там? Перешли на лягушек и улиток или еще держатся?

Как только Клаудиус взял в руки садовую лопату, так сразу ощутил себя маленьким гномиком в огромном парке. Солнце по-прежнему светило на безоблачном небе. Легкий ветерок шевелил тонкими ветвями аллейных туй. В кармане куртки лежала камера.

А он думал о другом, дорогом фотоаппарате, найденном им в кладовке в чемодане. Под фотоаппаратом там лежала одежда: джинсы и чистые рубашки. Чья-то одежда лежала и просто на полках кладовки. Может, того же хозяина чемодана с фотоаппаратом? Может, кого-то другого?

Земля на краю клумбы оказалась мягкой и податливой. Клаудиус загонял лопату на полклинка и переворачивал вывернутый с поверхности земляной ком кверху ногами.

«Странно, – думал он, опять вспоминая о чемодане и чужих вещах. – Если здесь до нас уже жил какой-то садовник, то почему все такое заброшенное?! Или он просто сидел в доме и ничего не делал, пока его не выгнали? А выгоняли так, что даже собраться с вещами не дали?

Да очень даже может быть! Этот Ахмед то, что ему прикажет хозяин, то и сделает! Поэтому надо работать!»

И Клаудиус заработал лопатой проворнее и быстрее, только загонял теперь лопату на треть клинка, чтобы быстрее клумбу перекопать.

Глава 34. Париж

– А ты вообще-то не совсем клоун, – задумчиво произнес Поль. – Если хочешь, можешь снять свой нос!

– А если не хочу? – Андрюс широко выпучил глаза и наклонил голову на бок. – Нос – не шляпа, его снимать не обязательно!

Мальчик не отреагировал на шутку. В этот день он был грустнее, чем вчера. Грустнее или серьезнее. Он полусидел на коротковатой подростковой кровати, спиной упершись в две поставленные на ребра пухлые подушки, упиравшиеся в свою очередь в невысокую металлическую спинку. Андрюс всматривался в личико Поля, пытаясь понять, как он себя чувствует. Черная кожа не выдавала болезненности или усталости. Только глаза были слишком красные. Поль смеялся, когда вначале несколько раз Андрюс смешил его в присутствии папы. Папа тоже смеялся, когда Андрюс с одним только символическим признаком клоуна – пушистым красным носом на резинке, похожим на уменьшенный балабон на лыжной шапочке, показывал, как проявляют свое настроение домашние животные: свинки, кошки и собаки, как ходит утка и как петух прыгает на конкурента по курятнику. Но этим вечером Полю или не хотелось смеяться, или вообще ничего не хотелось.

Его двухместная палата показалась просторнее из-за излишне аккуратно застеленной второй кровати.

– Ты теперь один? – спросил Андрюс.

– Его забрали в другую больницу, – ответил Поль и вздохнул.

– Я его ни разу не видел, – произнес Андрюс задумчиво. – Как его звали?

– Бенуа. Его с утра увозили на процедуры, а вечером привозили. Он мне только один раз прошептал «привет!» А давай в шашки сыграем?

– Давай, – согласился Андрюс.

– Достань их, они в тумбочке.

Большая белая тумбочка с одной полкой справа от изголовья кровати была заполнена книгами и играми.

Андрюс достал шашки, подкатил к кровати легкий столик на колесиках, расставил шашки на доске.

– Ты белыми, – сказал.

– Нет, ты – белыми, ты же белый. А я – черными.

– Тогда я хожу, – кивнул Андрюс, развернул доску и опустил взгляд на свою шашечную армию.

– Нет, мой ход первый! – с ноткой упрямства, словно с ним кто-то спорил, заявил Поль.

– Хорошо, тогда сегодня черные ходят первыми! Ходи!

– Пойди за меня. Подвинь вперед вот ту, первую с правого края.

Андрюс подвинул черную шашку. Потом пошел своей белой ей навстречу и поднял взгляд на Поля.

– Я хожу той же шашкой вперед, – уверенно заявил мальчик.

Андрюс снова сделал ход за Поля.

Мальчик задумался, внимательно глядя на доску.

– Ну походи за меня еще разик, так, чтобы я выиграл! – попросил он.

Андрюс снял клоунский носик и почесал кончик своего собственного носа.

– Ну, знаешь, – произнес он, – шашки – не такая серьезная игра, чтобы играть до победы!

– Тогда сдайся!

– Сдаюсь, – согласился Андрюс. – Еще одну партию?

Поль отрицательно мотнул головой.

– Нет, руки болят.

Андрюс чуть не рассмеялся.

– Чего они у тебя болят, если я за тебя все время ходил? – Он посмотрел на руки Поля, но не увидел их. Плечи и руки мальчика скрывал клетчатый зелено-коричневый плед.

– Если хочешь, можешь посмотреть, – сказал мальчик и опустил взгляд на верхний край пледа.

Андрюс аккуратно приподнял его. Синяя фланелевая пижамная рубашка Поля была украшена повторяющимися изображениями героев книжки Сент-Экзюпери «Маленький принц». На обеих руках, одинаково согнутых в локтях и лежавших ладонями на животе, блестели металлические конструкции-тубусы, одновременно словно защищавшие спрятанные внутри руки и фиксирующие их положение. Только ладони, лежавшие на животе, были свободны от металлических колец.

– Перелом? – с сочувствием уточнил Андрюс.

– Я же тебе говорил, – Поль посмотрел на клоуна, как на не очень умного. – У меня косточки болят. Болезнь такая. Легко ломаются... А эти штучки, это как брекететы для зубов. Когда все будет в порядке, их снимут!

В палату зашла мулатка-медсестра. Обратилась по-французски к Андрюсу. Он перевел вопросительный взгляд на Поля.

– Меня сейчас на полчаса заберут, ты подождешь? – то ли перевел, сказанное медсестрой, то ли от себя спросил Поль.

– А как ты хочешь?

– Подожди! Я же тебе должен.

Андрюс откатил столик с незаконченной партией в шашки к незанятой кровати. И сам поднялся и отодвинул свой стул в сторону. Медсестра с улыбкой подтянула плед под самую шею Поля, потом нагнулась и нажала педаль внизу кровати. После этого открыла двери в коридор и вывезла мальчика прямо на кровати из палаты.

За окошком темнело. Андрюс закрыл дверь палаты и остался внутри, в этой больничной тишине, совершенно один. Почему-то ему стало холодно и он снял со спинки стула свою куртку, надел. Ощущение холода осталось, но перестало быть физическим. Холод словно перепрыгнул из воздуха в тело Андрюса, внутрь, в грудь. И эта тишина начинала казаться холодной и мрачной. Чего-то очень не хватало Андрюсу. Чего-то, что сделало бы эту больницу и эту палату более знакомой и понятной.

Андрюс закрыл глаза. И ощутил, что теперь холод пробирает его насквозь. Не просто холод, а два разных холода: один давит изнутри, а второй снаружи дует ему в лицо, дует на голый затылок, на пальцы рук.

– Это просто зима, – прошептал себе Андрюс, снова открыв глаза и пытаясь объяснить свое состояние рационально. – Надо купить шарф, перчатки. Это просто сырая парижская зима.

За дверью палаты в коридоре кто-то закашлялся. И холод, охвативший Андрюса, сразу пропал. А на лице вместе с выражением облегчения появилась улыбка, потому что вспомнилось – и не случайно – его единственное пребывание в больнице, в детской больнице, куда его привезли с двусторонним воспалением легких. Вспомнилась палата на шесть больных, кашляющих человечков. Добрая старенькая медсестра или нянечка с марлевой повязкой под глазами, украшенными морщинами.

– Андрюкас, выпьешь вторую кружку горячего киселя? – ее голос прозвучал в памяти так же отчетливо, как до сих пор в ушах звучал голос Поля, его вопрос «Ты подождешь?»

Конечно, он подождет. Не потому, что Поль, а точнее – его папа – кое-что Андрюсу должен. Он подождет, потому, что иначе Полю, вернувшемуся в пустую палату, из которой увезли его коллегу по несчастью, будет грустно. Потому, что Полю не с кем будет поговорить перед

ужинком или перед сном. А когда у человека скованы руки – практически в прямом смысле, когда у человека нет свободы движения, то единственное, что может принести радость или хотя бы отвлечение, это разговор.

Полчаса пролетели удивительно быстро. И та же медсестра привезла кроватку на колесах обратно в палату вместе с ее «пассажиром». Припарковала на прежнее место и снова нажала педаль фиксации колес, своеобразный ручной тормоз кровати.

– Ну как там процедуры? – спросил приветливо Андрюс.

– Я не на процедурах был, – Поль едва заметно мотнул головой. – Меня насквозь просматривали через какой-то аппарат. Что-то замеряли.

Андрюс понимающе закивал.

– Я уже устал, так что можешь идти, – добавил Поль и зевнул в полрота.

Андрюс поднялся со стула, сделал шаг к двери и остановился. Оглянулся. Поль смотрел на него полусонным взглядом. Вдруг его взгляд ожил.

– Ой, извини! Там, в тумбочке, открой! На второй полке.

Андрюс присел на корточки перед белой тумбочкой. Увидел на стопке книг конверт. Взял его в руки. Открыл. Внутри лежали две купюры по двадцать евро.

– Папа сказал, чтобы ты сегодня взял двадцать, а вторые двадцать – завтра, – прозвучал рядом сонный голос Поля.

Спрятав двадцать евро в карман куртки, Андрюс кивнул мальчику, уже закрывшему глаза, и тихонько вышел из палаты.

Возвращаться домой с двадцатью евро заработка в кармане не хотелось. Тем более, что послезавтра надо платить хозяйке квартиры за месяц. Деньги на квартиру с самого начала откладывала и контролировала Барбора. Если б предвиделись проблемы с оплатой, она бы ему сказала. Но все равно, муж должен зарабатывать больше жены. По крайней мере, так Андрюсу думалось. Она наверняка заработала сегодня не меньше сорока евро: двадцать за собаку и двадцать за арабского ребенка. А он – только двадцать и только за ребенка. Может, надо и ему поискать собачку? Только раза в четыре поменьше, но с такой же почасовой оплатой за ее выгуливание!

Андрюс улыбнулся, представив себя с таксой на поводке.

Ноги сами довели его до входной арки. Напротив, через дорогу, краснел фасад кафе «Ле Севр», подсвеченный тремя настенными фонарями, в обоих его окнах, выходящих на входную арку госпиталя, горел свет. Другая сторона улицы удивляла тишиной и безлюдностью в то время, как мимо Андрюса, остановившегося в двух метрах от зебры пешеходного перехода, беспрерывно проходили люди. И шли они в основном к арке. Парижане шли проводить своих больных близких после окончания рабочего дня. Кто-то с цветами, кто-то с гостинцами в пакетах.

«Посижу еще», – решил, не долго думая, Андрюс и, перейдя улицу, нырнул в кафе.

Тот же поношенный жизнью бармен и снова в мешковатом свитере, только другого, в этот раз темно-синего цвета, за стойкой наполнял кому-то бокал разливным пивом. Оглянувшись на вошедшего, кивнул ему, как старому знакомому.

– Un café, – на ходу сказал ему по-французски Андрюс и прошел к свободному столику под правой стенкой.

Пока шел, почувствовал на себе напряженные взгляды двух братьев-албанцев, сидевших так, чтобы их и их выставленную перед столом на полу приоткрытую сумку с выглядывавшими клоунскими аксессуарами, было видно каждому входящему. Других посетителей Андрюс в лицо не узнавал. Хотя по меньшей мере один из них тоже надеялся заработать деньги, отвлекая временных жителей госпиталя «Нектар» от их болезней. Парень с застывшим презрением на лице сидел за столиком справа тоже лицом ко входу. На стуле рядом, тоже чуть развернутом в сторону входной двери, лежали три деревянных ярко раскрашенных булавы для жонглиро-

вания, а под стулом – закрытая, чем-то заполненная спортивная сумка. «Новичок! – подумал про него Андриус. – Кто ж ему позволит жонглировать в больничной палате?!»

Столик, за которым обычно сидела рыжеволосая Сесиль, был свободен, но на нем стояла табличка «Reserve».

Бармен принес заказанный эспрессо.

В кафе зашли парень с девушкой, девушка подняла взгляд на телеэкран, беззвучно показывавший очередной футбольный матч, и тут же потащила парня за рукав кожаной куртки обратно на улицу. Как только они исчезли, в кафе зашли две элегантные француженки бальзаковского возраста. Одна в длинном, ниже колен, синем пальто и такого же цвета шляпке, вторая в серой шубке из искусственного меха. Дама в пальто заговорила с барменом, а вторая принялась рассматривать посетителей.

Заметив у нее в руке букет и бумажный пакет из кондитерской, в котором, должно быть, прятался торт или коробка с пирожными, Андриус спохватился. Ему показалось, что эти дамы выбирают клоуна. Рука сама юркнула в левый карман куртки и достала красный носик на резинке. Надев его, он заметил, как дама сразу обратила на него внимание. И братья-албанцы обернулись, бросив недобрый взгляд.

Андриус подвинул поближе к себе блюдо с чашечкой, бросил в кофе кубик сахара, стал размешивать. Отпивая кофе из чашки, заметил, что дама в шубке идет к нему.

Она присела рядом и спросила что-то по-французски.

На лице Андриуса появилась горькая улыбка.

– Pas Français, – очень мягко, просяще произнес он. – English!

Дама, к его радости, перешла на английский.

– Сколько стоят ваши услуги? – спросила она.

– Двадцать евро.

– Хорошо, пойдемте! Тут рядом, – сказала и поднялась из-за столика.

Андриус быстро снял клоунский пушистый носик и оставил возле чашки плату за кофе.

Проходя мимо албанцев, услышал непонятное шипящее, колющее, короткое слово, явно брошенное ему в спину. Оглянувшись, и по выражению лиц смотрящих на него братьев понял, что не ошибся.

– У вас нет костюма? – спросила на ходу дама в шубке, когда они уже зашли в арку госпиталя. Дама в пальто и шляпке молча шла рядом.

– Нет.

– У нашей мамы сегодня день рождения – восемьдесят пять лет, – сказала она. – Вы зайдете в палату первым, с цветами и пирожными! И развеселите ее, а мы с сестрой зайдём позже! Мама, кстати, знает английский! Она его всю жизнь преподавала!

Они шли к какому-то другому корпусу больницы. Андриуса сковал страх, он лихорадочно думал, как можно рассмешить пожилого человека? Кривляться перед больной старушкой? Ходить уточкой или изображать голодного поросенка? Все это казалось совершенно неуместным. «Ладно, будь что будет!» – решил Андриус.

Остановились втроем перед дверью в палату.

– Ее зовут Ивонн. Скажете, что вас прислали из Лондона, – прошептала ему дама в шубке, передавая букет и пакет из кондитерской. – Да, и наденьте свой носик!

Андриус натянул носик, собрался с духом. В правой руке букет цветов и пакет, на лице преувеличенная клоунская улыбка. Зашел и замер в растерянности: перед ним на двух стоящих под стенками металлических кроватях лежали и явно спали или дремали две женщины. Он на цыпочках прошел вперед, наклонился слегка над изголовьем левой кровати – женщине, там лежавшей, до восьмидесяти пяти было явно далеко. Подошел на цыпочках к правой кровати. Услышал ритмичное дыхание спящей. Оглянувшись на стул, стоявший между двумя белыми тумбочками, такими же, как и в детском корпусе. Присел. Именинница пошевелилась, словно

почувствовала присутствие постороннего в палате. Андрюс вскочил, сдвинув стул. Сделал шаг к кровати. Старушка-именинница, лежавшая под одеялом лицом к стенке, повернулась теперь лицом к нему, но глаза ее еще были закрыты.

Андрюс стал на одно колено в позу рыцаря, признающего даме сердца в любви. Выставил вперед букет тюльпанов. И тихо запел «Happy Birthday to you, Happy birthday to you...»

Именинница открыла глаза и озадаченно смотрела на молодого человека с красным клоунским носом.

Но когда она услышала: «Happy birthday, dear Yvonne, Happy birthday to you!», лицо ее, не выдававшее настоящего возраста, расцвело улыбкой.

– Кто прислал вас, молодой человек? – спросила она по-английски, оторвав голову от подушки и взяв в руки букет.

– Из Лондона, – гордо произнес Андрюс и тут же шепотом добавил: – Ваши дочери!

– Они в Лондоне? – огорчилась именинница Ивон.

Андрюс отрицательно замотал головой и показал взглядом на дверь. Потом, оглянувшись на все еще спящую соседку Ивонн по палате, зашептал:

– Извините, я не знаю, как вас рассмешить... Я всегда смешу только детей!

Прошептал и тут же об этом пожалел, так как взгляд именинницы мгновенно стал серьезным и требовательным.

– А как вы смешите детей? – шепотом спросила она, подперев рукою голову и уткнув локоть в подушку.

– Ну, показываю им разное.

– А вы не знаете, что когда человеку исполняется восемьдесят пять, то его эмоциональное восприятие мира соответствует восприятию мира пятилетним ребенком. Что вы показываете пятилетним? – спросила она и снова улыбнулась.

Андрюс расслабился. С чувством юмора у именинницы явно было все в порядке.

Он присел на корточки, нагнул голову, поднес дрожащие кулачки ко рту и задрожал всем телом.

– Испуганный ежик? – попробовала угадать именинница.

Андрюс кивнул.

Ивонн залилась беззвучным смехом. Потом попросила позвать своих дочерей.

Андрюс с облегчением открыл дверь в палату. Дамы зашли.

– Подождите в коридоре, – дружелюбно попросила его дама в шубке.

Она вышла к нему пару минут спустя.

– Большое спасибо, – сказала и протянула двадцать евро. – У нее отличное настроение!

– А чем она болеет? – Из вежливости спросил Андрюс, пряча деньги в карман куртки.

– Рак, – не убирая улыбки с лица ответила дама. – Но вовремя заметили! Так что все будет хорошо!

Она кивнула Андрюсу еще раз, теперь уже прощаясь. И вернулась в палату.

Выйдя из арки, он снова уперся взглядом в красный, освещенный тремя настенными фонарями фасад кафе. Но улицу переходить не стал. Повернул налево и зашагал к метро.

Глава 35. Пиенагалис. Возле Аникция

– Ну нет ничего глупее, чем сидеть и ждать смерти! – Рената тяжело вздохнула, вернувшись на свою половину от деда Йонаса.

Вот уже почти неделя прошла со дня смерти пса Барсаса. Старый Йонас за эту неделю постарел, как за целый год. Его движения стали вялыми и неуверенными. Плечи из прямых и могучих превратились в покатые, появилась сутулость, он начал при ходьбе наклоняться вперед, словно нес на спине тяжелый мешок с мукой.

– Ты же сам говорил, что Йонасы не умирают! – с отчаянием заявила ему прямо в глаза внучка, зашедшая проверить, завтракал он или нет.

А он опять не завтракал и только под контролем Ренаты съел вареное яйцо и зажевал его остатками рождественского черного хлеба.

Витас, умывшись и напившись кофе, уселся за ноутбук и что-то там разыскивал в сетях, то и дело бормоча, что интернет тут на хуторе не просто слабый, а обрывчатый и «мерцающий», как недоступная невооруженному взгляду звезда. Про звезду он, правда, сказал, когда заметил остановившуюся за его спиной Ренату. И она приняла эту звезду на свой адрес. А потом приставила к звезде слово «мерцающая» и задумалась.

Конечно, было бы хорошо, если б Витас хоть словом поучаствовал в ее борьбе с депрессией деда. Но Витас сказал, что он работает и что дед понимает только язык рюмки, а на этом языке Витас может с ним говорить только по вечерам.

«Это неправда! – подумала в ответ на слова Витаса Рената. – Дед никогда не пил много! Он даже бабушкину наливку растянул на несколько месяцев! Язык рюмки! Надо же такое сказать! Надо искать другой язык, который ему поднимет настроение и расправит его плечи!»

Но никакие спасительные мысли в голову к Ренате не приходили. И она сердилась на себя, ощущая свою беспомощность и одновременно безысходность. Хотелось убежать, но просто убежать от проблем это все равно, что признать свою слабость. Вот если бы уйти потому, что надо! Если б была работа и она уезжала на нее каждое утро, а вечером возвращалась и сталкивалась с упадническим настроением деда, то могла бы и прикрикнуть на него! Мол, целый день работала, устала, вернулась, а дома – похоронная обстановка, хоть сама ложись и умирай! Вот тогда бы он почувствовал себя виноватым и перестал валять дурака!

Она снова подошла к Витасу, положила руки ему на плечи. Почувствовала через свитер тепло его тела.

– Извини, отвлекаю от работы, – произнесла она двусмысленно, словно и не очень-то верила, что он работает.

– Ничего, – он обернулся, поднял на нее взгляд.

– И много ты зарабатываешь на компьютере? – вдруг спросила она, заметив на мониторе ноутбука открытый сайт онлайн-аукциона.

– Если повезет, то много! – уверенно ответил он.

– Что-то продаешь?

Он кивнул.

– Ну продавай, – Рената вздохнула, сняла ладони с его плеч, отошла. – Когда закончишь, можешь к нему зайти? Отвлечь?

– Ага, – пообещал Витас. – Только ты съезди и купи что-нибудь, а то мы с твоим дедом его запасы уже выпили!

Больше не отвлекаясь от компьютера, он вытащил из кармана брюк двадцать литов и протянул, не глядя, Ренате.

Недавно выпавший новый снег снова стал старым. Видимо, тепло от проглядывавшего иногда сквозь облака солнца подрастопило его и заставило добавиться в виде нового слоя к старой снежной корке.

Для того, чтобы купить бутылку «Три девятки», ехать в Аникшай или даже в более ближний городок Трошкунай было необязательно. Дорога в магазинчик, куда уже давно протоптал тропинку по лесу спившийся Борис с соседних хуторов, не заняла бы больше получаса – сорока минут.

Рената остановилась перед своим красным «фиатом». Достала из кармана куртки ключи от машины, подержала в руках и сунула обратно.

«Нет, – подумала. – Зачем спешить?»

И зашагала к лесу, слушая доносившийся с земли хруст снежной корки. Она ходила иногда этой тропинкой до Андрионишкиса. И даже ходила, когда тропинка шла прямо от ближнего к ним края леса. Тогда это была их личная тропинка, по которой любила гулять до кладбища бабушка Северюте. Она даже в Андрионишкис не заходила, а только на кладбище, где лежала вся их родня, все предки кроме прапрадеда, погибшего на Первой мировой где-то далеко в Бельгии или Голландии. О нем иногда вспоминала Северюте, когда Рената еще под стол могла зайти, не пригнув голову. Бабушка говорила, что Рената на своего прапрадеда похожа, но не говорила чем. Наверное, лицом. Чем еще Рената могла походить на далекого предка, сгинувшего молодым?

«Надо найти его фотографию, ведь была! Найти и посмотреть сейчас – похожи ли они с прапрадедом сегодня?» – подумала Рената.

Она уже шла по лесу. Лесной запах, приправленный морозцем, щекотал ноздри. Той старой тропинки, наверное, давно уже нет. А если и остались от нее каким-то чудом следы, то спрятаны они сейчас под снегом.

Попыталась она вспомнить, когда в последний раз Бориса с соседних хуторов видела. Лицо его, опухшее, с синеватыми мешками под глазами, вспомнила. Вспомнила, как заходил он раньше к деду то денег одолжить, то о политике поговорить. Но даже если заходил поговорить, то в конце разговора все равно просил деньги. А потом дед его выгнал. Даже на порог не пустил. Что его так рассердило, она не помнила. То ли дед решил, что Борис что-то у них со двора украл, то ли что-то другое сделал. Но с тех пор Бориса она не видела. А сколько лет прошло? Может, три или четыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.